

МОЙ ДЕДУШКА — ПАМЯТНИК

АСТ
АСТРЕЛЬ

ВАСИЛИЙ
АКСЕНОВ

АКСЕНОВ

ВАСИЛИЙ АНДРЕЕВИЧ

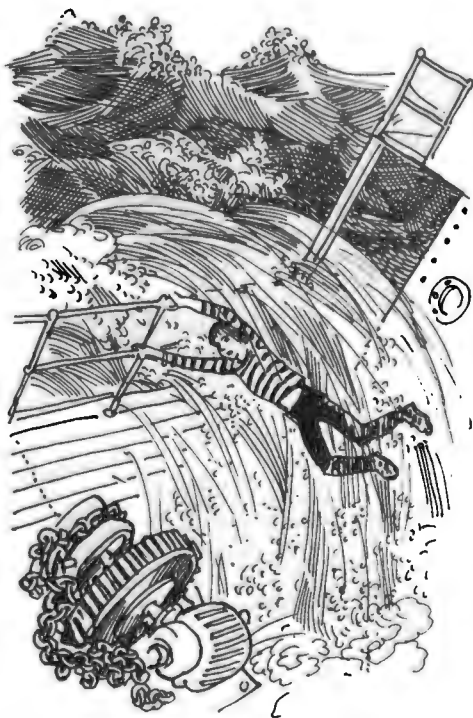
МОИ ДЕТСТВА

Астрель
АСТ

Москва 2005

СЕРИЯ «ВНЕКЛАССНОЕ ЧТЕНИЕ»

Художник
Г. Мазурин

ВАСИЛИЙ АКСЕНОВ

МОЙ ДЕДУШКА — ПАМЯТНИК

Приключенческий роман

АСТ
АСТРЕЛЬ
Москва
2006

УДК 821.161.1-3-053.2
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44
А42

Художник
Г. Мазурин

Серийное оформление А. ЛОГУТОВОЙ

Аксенов, В. П.

А42 Мой дедушка — памятник: приключенческий роман / Василий Аксенов; рис. Г. Мазурина. — М.: Астрель: АСТ, 2006. — 348,[4] с.: ил. — (Внеклассное чтение).

ISBN 5-17-038516-1 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-271-14513-1 (ООО «Издательство Астрель»)

Книга об удивительных приключениях ленинградского подростка Геннадия Стратофонтова, который хорошо учился в школе и не растерялся в трудных обстоятельствах.

УДК 821.161.1-3-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

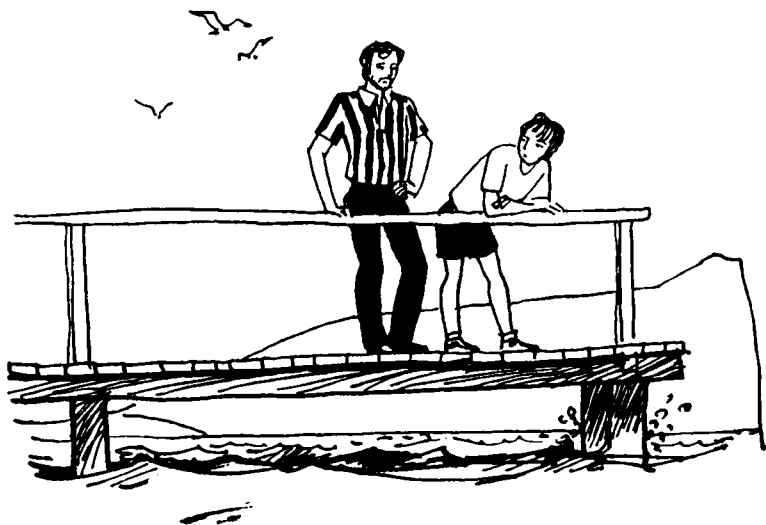
Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.24.953. Д.002182.04.05 от 21.04.2005 г.

Подписано в печать 12.04.2006. Формат 84×108/32
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Школьная
Усл. печ. л. 18,5. Тираж 5000 экз. Заказ № 3008
Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953000 — книги, брошюры

ISBN 5-17-038516-1 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-271-14513-1 (ООО «Издательство Астрель»)

© Аксенов В. П., 2006
© Мазурин Г. А. Иллюстрации., 2006
© ООО «Издательство Астрель», 2006

ПРОЛОГ

Я познакомился с Геннадием несколько лет назад в Крыму, на берегу Коктебельской бухты, что недалеко от Феодосии. В парке уже заиграла музыка, уже зажглись фонари и всякого рода мошара повела вокруг них свой бессмысленный, но красивый танец, а скала Хамелеон на восточном берегу бухты все еще была освещена закатным солнцем. В свою очередь молодой месяц уже висел в зеленоватом небе над горой Сюрюккая. Гора эта на первый взгляд кажется осколком Луны или какой-нибудь другой безжизненной планеты,

но, приглядевшись, можно заметить, что она напоминает и тот профиль, который великий Пушкин часто рисовал на полях своих рукописей.

В тот год море съело коктебельские пляжи почти до самой бетонной стены, и для отдыхающих были устроены над водой дощатые помосты. Вот по такому помосту я и разгуливал почти в полном одиночестве, размышляя о морских животных, о горных цветах и минералах, о почтовых марках, автомобилях и о спортивных соревнованиях, потрясавших тогда все цивилизованное человечество.

Кроме меня на помосте находился лишь один человек — рослый плечистый мальчик с умным и привлекательным лицом. Опершись на перила, он задумчиво смотрел в море, где по гребням бойких, беспорядочно прыгающих волн еще скользили розоватые блики заката, где иногда мелькали острые плавники дельфинов да кто-то мощно плавал стилем баттерфляй.

Пловец этот привлек мое внимание. Из воды ритмично вырывалась могучая спина. Взмахнув огромными руками, пловец бросался грудью на очередную волну и двигался вперед с удивительной скоростью.

— Не знаете, кто это там так здорово плавает? — спросил я мальчика.

— Это моя бабушка, — тихо ответил он.

— Бабушка?! — вскричал я. — Это удивительно.

— Ничего удивительного, — возразил мальчик. — До Великой Отечественной войны она была чемпионом Осоавиахима в плавании на сто метров баттерфляем. И по прыжкам с трамплина, — помолчав, добавил он.

Едва справившись с изумлением, я осторожно спросил:

— А во время войны?

— Во время войны ей пришлось, как и многим другим летчицам, служить в бомбардировочной авиации...

Бабушка тем временем совсем исчезла в быстро темнеющем море. Я покосился на мальчика. Он смотрел прямо перед собой за еще различимую черту горизонта. Отблеск молодого месяца стоял в его глазах. На груди его я заметил висящий на толстой цепочке якорек с припаянной к нему старинной монетой, похожей на испанский дублон XVI века.

— А вы почему не плаваете со своей бабушкой? — спросил я.

Он пожал плечами.

— Да так, не хочется...

— Может, не умеете?

Он быстро взглянул на меня и усмехнулся:

— Просто мне надоело плавать. За последний год мне это занятие немного прискучило.

Что-то таинственное послышалось мне в его голосе, когда он произнес эту довольно странную для мальчика фразу. Еще раз я посмотрел на него, и мне показалось, что он сейчас находится не на коктебельском пляже, а где-то в другом месте, где-то далеко, очень далеко, очень...

— А вы, я вижу, писатель, — проговорил он.

— Как вы догадались? — вновь поразился я.

— А вон у вас мозоль на указательном пальце правой руки. Такие мозоли есть у всех писателей. Конечно, у тех, кто пишет.

Удивлению моему не было конца.

— Позвольте, но как вы увидели эту мозоль в такой темноте?

— У меня довольно острое зрение.

— Ну хорошо, а если бы я писал на пишущей машинке?..

— Тогда я догадался бы по другим признакам.

— Фантастика! — воскликнул я. — Вы меня не разыгрываете?..

— Геннадий, — назвал он свое имя.

Я тоже представился.

— Я достаточно хорошо воспитан, Василий Павлович, — сказал Геннадий, — чтобы не разыгрывать взрослых. — Он глянул в ночное уже море. — Бабушка возвращается.

В темноте слышались только музыка и голоса из парка да плеск волн.

— Все-таки разыгрываете меня, Геннадий...

— Да нет. Она уже в десяти метрах... Плывет под водой.

— Может быть, вы видите ночью, как днем? Может, вы так называемый никто-лоп? — воскликнул я.

— Вы угадали, — просто ответил Геннадий.

Несколько секунд спустя бабушка с шумом вынырнула возле самой лестницы.

— Генаша, ты здесь? — спросила она низким девичьим голосом.

— I'm here, granny! — ответил Геннадий с идеальным английским произношением и добавил на незнакомом мне языке: — Хава́ свимма́торе ю лер?

— Бундербу́л вера́ о́чки! — с жизнерадостным смехом ответила на том же язы-

ке бабушка и стала легко подниматься по лестнице.

Она была похожа на сильно увеличенную копию известной скульптуры «Девушка с веслом», но вблизи, однако, можно было разглядеть в ее лице следы былой красоты.

— Познакомься, бабуля, — сказал Геннадий. — Это писатель Василий Павлович.

— Очень приятно, — пророкотала бабушка, протягивая мне мокрую руку, — Стратофонтова Мария Спиридоновна.

От нее пахло водорослями и здоровьем.

— Пойдемте к нам чай пить, — предложила она.

До утра засиделись мы тогда на веранде их дачи, и из рассказов Марии Спиридоновны и Геннадия сложилась такая поразительная история, что я счел своим долгом пересказать ее тебе, любезный читатель. Дай руку, мой благосклонный друг, и мы вместе вступим в мир удивительных приключений, которые, оказывается, еще происходят на нашей цивилизованной планете.

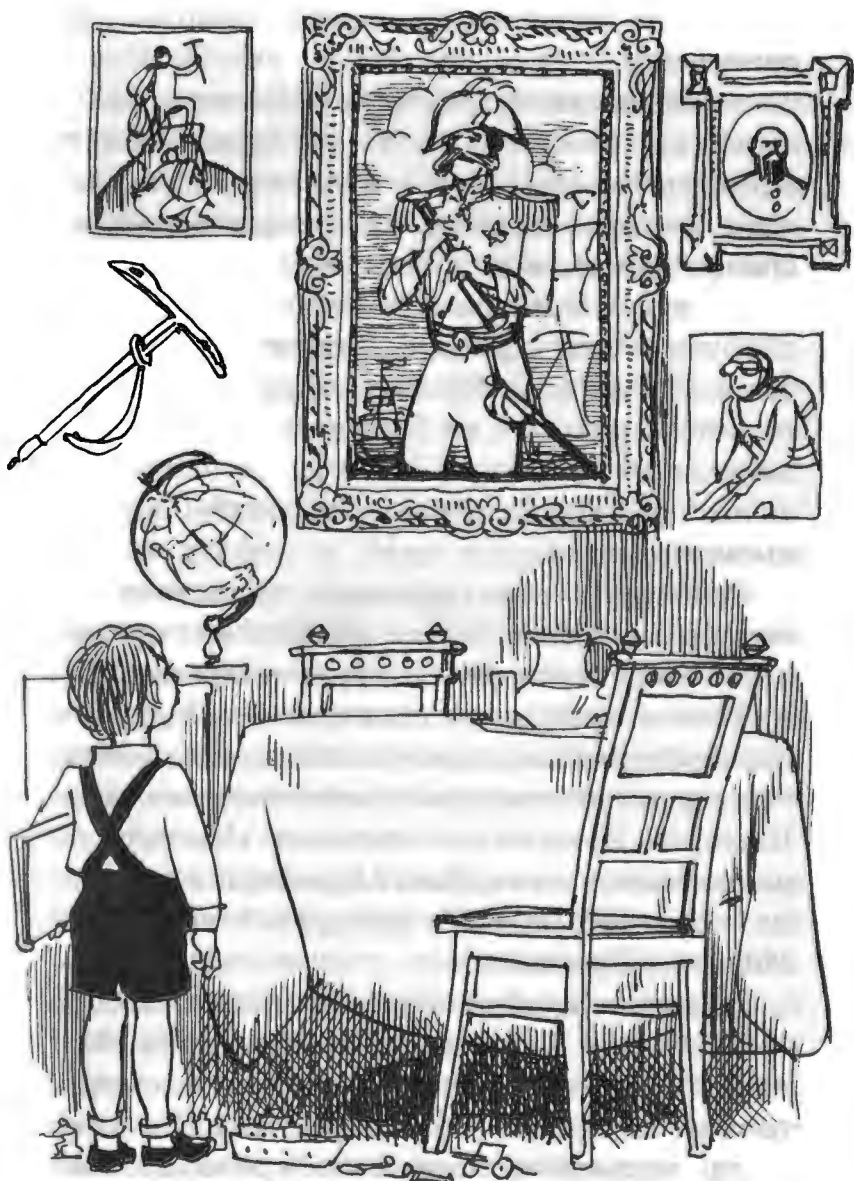
ГЛАВА I,

*из которой доносятся
до нас звуки раннего детства
Геннадия Стратофонтова и скрежет
учительских ручек, выводивших
в его дневнике многочисленные пятерки*

Геннадий Стратофонтов родился в начале пятидесятых годов в Ленинграде, на улице Рубинштейна, от незаурядных родителей. Отец его был скромным работником почтамта и вместе с тем заслуженным мастером спорта по альпинизму, участником штурма многих заоблачных пиков. Маму

его, скромного библиотекаря, по примеру свекрови, влекло еще выше — в небо, откуда она постоянно совершала затяжные парашютные прыжки в кислородной маске. В связи с этими увлекательными занятиями родителей Геннадий часто оставался один, но отнюдь не скучал. Еще в очень раннем возрасте он научился понимать и уважать папу и маму и предоставил им полную свободу действий.

Часами бродил крошечный мальчик по огромной квартире, не выпуская из рук любимую книгу «Водители фрегатов». Квартира была темноватой и таинственной. Большие зеркальные окна ее упирались в стену недавно построенного желтого дома, похожего на чертог султана Мальдивских островов. Мутноватый желтый свет падал на слегка подернутые пылью конторки, пуфы, глобусы, барометры и секстанты. В столовой висел поясной портрет далекого предка Гены адмирала Стратофонтова, известного путешественника, человека широких передовых взглядов, прославившегося тем, что в 18... году он на своем клипере «Безупречный» загнал в залив Сильвер-бей эскадру кровавого пирата Рокера Буги. Гена часто останавливался перед портретом предка, смотрел на узкое лицо в пушистых бакен-

бардах, на голубые океанские глаза и тихо говорил:

— Здравствуй, дедушка. Позволь представить тебе моего друга адмирала Ивана Крузенштерна. Ах, вы знакомы? Ты служил на его шлюпке еще гардемаринком? Очень рад. А вон сидит в кресле другой мой друг — капитан Джеймс Кук, а возле глобуса стоит Дюмон Дюрвиль, а там, у окна, Лазарев... Все мои друзья — безусловно храбрые и благородные сердцем люди.

«А где твои родители, Генаша?» — спрашивал адмирал.

Геннадий тогда включал радиоточку, и она сразу же сообщала женским голосом: «Новости спорта. Вчера группа альпинистов во главе с известным спортсменом Эдуардом Стратофонтовым приступила к покорению очередного безымянного семитысячника на Памире». И мужским голосом: «Мастер парашютного спорта Элла Стратофонтова идет на побитие мирового рекорда американки Мерилен Бушканец».

Адмирал одобрительно качал головой.

Вечерами Геннадия навещала Унг-Ма, супруга вождя дружественного племени, точнее, соседка Полина Сергеевна. Она кормила мальчика печеными крокодильими

яйцами, дюгоньим молоком, дикой козлятиной. После ее визита Геннадий читал «Водители фрегатов» и энциклопедию, совершенствовался в английском языке, а потом отправлялся в далекую экспедицию, то есть в постель. Утром он самостоятельно уходил в детский сад, в свою группу, которую снисходительно называл в письмах к родителям «моя малышовка».

Иногда под окнами Стратофонтовых останавливался «газик», из него выпрыгивала затянута в голубую форму Аэрофлота бабушка. Геннадий очень любил свою бабушку. Та пылала к нему еще более сильным ответным чувством. Друзья могли часами сидеть на диване и беседовать. Бабушка рассказывала внуку о горячих денечках, о воздушных боях над Кенигсбергом и Берлином, знакомила его с новой техникой, а внук пересказывал бабушке прочитанные книги.

Наконец, когда Геннадию перевалило за шесть, на Памире и Тянь-Шане не осталось безымянных семитысячников. Вернулся папа. Мировой рекорд заносчивой американки был побит путем приземления точно в крест с высоты 22 000 метров. Вернулась мама. Управление ГВФ в торжественной обстановке проводило на за-

служенный отдых бабушку. Семья зажила дружно и содержательно.

Время шло. Геннадий успешно овладевал школьной программой, увлеченно работал в пионерской организации, много времени уделял искусству и спорту. Может составить впечатление, что он был совершеннейшим пай-мальчиком, эдаким занудой-тихоней, образцово-показательным любимчиком педагогов. Должен прямо сказать, что такое впечатление было бы

неверным. Ничто человеческое было ему не чуждо. Он никогда не отказывал себе в удовольствии трахнуть портфелем по голове какого-нибудь юного прохвоста, обидевшего одноклассницу Наталью Вертопрахову, часами мог мять в снегу наперсника детских забав Вальку Брюквина — словом, он рос совершенно нормальным мальчиком. Успехи же его были вызваны недюжинными способностями и поразительной увлеченностью, с которой он подходил к каждому делу. Сверстники любили Геннадия за живой нрав, обширные знания и успехи в спорте. У него было много друзей и среди взрослых — почтовые работники и библиотекари, альпинисты и парашютисты, военнослужащие. Кроме того, у него было несколько заочных знакомств за пределами нашей страны. Пользуясь своим блестящим английским, Геннадий поддерживал постоянную переписку с мальчиками из Великобритании, Нигерии, Новой Зеландии, Танганьики...

Надо сказать, что к двенадцати годам Геннадий перешел уже к классической литературе. Властителями его дум стали Пушкин и Гёте, Толстой и Шекспир. Зачитанная до дыр «Библиотека фантастики и приключений» к тому времени покрылась

тонким слоем пыли, и все-таки иногда юный эрудит останавливался перед портретом предка и тихо беседовал с ним о своих друзьях, водителях фрегатов, о тихоокеанских атоллах, о схватках с пиратами, о морских глубинах...

Года за два до того, как начались главные события этой книги, Геннадий, ему шел тогда одиннадцатый год, познакомился с Николаем Рикошетниковым. Произошло это в Доме культуры промкооперации на сеансе одновременной игры против гроссмейстера Михаила Талья.

Гроссмейстер нервничал. Почти не думая, он делал ходы, то и дело тревожно поглядывая на лобастого симпатичного мальчика в белом свитере, сидящего за десятой доской.

«Неужели он примет жертву? — думал Таль, покусывая тонкие губы. — Боже мой, неужели он примет жертву?»

— Примете жертву? — спросил Геннадия сосед слева.

Геннадий посмотрел на него. Это был мужчина лет 27—30; с худым и до черноты загорелым лицом, с умными и очень живыми глазами, с небольшим шрамом на лице возле носа. Одет он был в обыкновенный серый костюм, но на левой руке у не-

го были массивные часы странной треугольной формы, а правую руку, слегка прикрывая большой разветвленный шрам, обхватывал браслет, сделанный то ли из ракушек, то ли из зубов какой-то глубоко-водной рыбы.

«Любопытный молодой человек», — подумал Геннадий и ответил:

— Да, приму.

— Не кажется ли вам, что здесь таится ловушка? — спросил сосед. — Вы же знаете эти жертвы Таля. Как начнет потом шерстить!

— Я все продумал, — спокойно сказал Геннадий. — Никакой ловушки нет. — Он мельком взглянул на позицию соседа. — А вот вам грозит мат.

— Как?! Где?! Не может быть! — воскликнул сосед, судорожно оглядел позицию и прошептал: — А ведь верно...

— Спрячьте пешку е-7 в карман, — посоветовал ему из-за плеча Геннадия си-зоносый дородный мужчина, от которого исходил какой-то странный, совершенно незнакомый мальчику запах. Так пахнет, должно быть, смесь одеколona и вчерашнего винегрета.

Геннадий возмущенно посмотрел ему прямо в глаза.

— Как же вам не стыдно?! — ломким голосом воскликнул он. — Ну как вам не стыдно? А еще мастер спорта!

Сизоносый под его взглядом запыхтел, покрылся пятнами, опустил голову, прикрыв трехэтажным подбородком мастерский значок, и вытащил из кармана две талевские пешки, коня и ладью.

— Возвращается, — шепнул Геннадию сосед слева.

Геннадий повернул голову и поймал обращенный к нему жгучий тревожный взгляд экс-чемпиона мира. Быстро делая ходы, Таль приближался к Геннадию. В зале слышались глухие рыдания побежденных и звонкий смех редких счастливых, сделавших ничью. Матч на ста досках близился к концу. Геннадий снял пешкой белого ферзя и спокойно стал ждать.

— Вам мат, — торопливо сказал Таль сизоносому, шагнул к Геннадию, окинул взглядом доску, вздрогнул и, глубоко заглянув в глаза мальчику, прошептал: — Поздравляю с победой.

В зале поднялся ужасающий шум. Таль стоял, опершись на стол, и покачивался то ли от усталости, то ли от огорчения.

Сосед слева крепко пожал руку Геннадию:

— Какой вы молодец! Поздравляю!

В гардеробе загорелый сосед подошел к Геннадию. Был он уже в замысловатом кожаном полупальто с многочисленными «молниями» и в рыжей забавной кепочке.

— Еще раз хочу выразить вам свое восхищение, — сказал он и представился: — Рикошетников Николай Ефимович.

— Геннадий Стратофонов, — отрекомендовался наш герой.

Они вместе вышли на улицу. Здесь их обогнал сизоносый. Обернувшись, он смерил Геннадия уничижительным взглядом и хохотнул вызывающе:

— Тоже мне! Яйца курицу учат! А ведь, наверное, пионер!

Смех его был надменным и грубым, но в нем также чувствовалась обида и тоска. Кто знает, сколько надежд связывал этот человек с сегодняшним матчем!

Николай Рикошетников тут же взял его за локоть своей железной рукой.

— Немедленно извинитесь.

— Немедленно извиняюсь, — сразу же сказал сизоносый и неуклюже потопал к гастроному.

Геннадий и Николай Рикошетников медленно пошли по Кировскому проспекту к Неве.

— Стратофонтов... — проговорил Николай. — Вы знаете, что был такой путешественник Стратофонтов?

— Это мой предок, — сказал Геннадий. — Его портрет висит у нас дома.

— Вот это удивительно! — воскликнул Николай. — Ведь адмирал Стратофонтов был любимым героем моего детства. Никогда не забуду описание его битвы с эскадрой Рокера Буги! Может быть, благодаря Стратофонтову я и пошел в мореходку?

— А вы моряк?

— Да. Я капитан научно-исследовательского судна «Алеша Попович».

Сердце Геннадия часто забилося.

— Да вы же, наверное, избороздили всю Океанию?

— Да, избороздил, — скромно ответил Николай.

Падал мягкий снег. Он покрыл уже скаты и парапеты Петропавловской крепости, тротуары и перила моста.

Внизу колыхалась тяжелая нельская вода. За Дворцовым мостом мигали огни большого крейсера, явившегося в город на Октябрьские праздники.

— Ну, а я просто школьник, — сказал Геннадий.

— Я догадался, — сказал Рикошетников. — Сейчас вы, Геннадий, просто школьник, но кто знает, может быть, со временем будете чемпионом мира.

— О нет, шахматная карьера меня не прельщает.

— Не обязательно по шахматам, может быть, и по другому виду спорта.

— В раннем детстве, — сказал Геннадий и взглянул на капитана, не усмехается ли он. Нет, Рикошетников и не думал усмехаться. Чуть склонив голову, он предупредительно и серьезно слушал выдающегося мальчика. — ...В раннем детстве я мечтал стать моряком, — продолжал Геннадий. — Путешественником, как мой предок. Я, можно сказать, бредил Океанией. Но согласитесь, Николай Ефимович, какой смысл сейчас становиться путешественником? Ведь все уже давным-давно открыто, исследовано. Море стало вполне обычным... Эх, надо бы мне родиться хотя бы в XIX веке, а еще лучше в XVII!

— Вы и правы, и неправы, — задумчиво проговорил Рикошетников. — Конечно, сейчас острова не откроешь, и лайнеры пересекают Атлантику за пять дней точно по расписанию. Но знаете, Гена, океан остается океаном, и все моряки это понимают. Он

так огромен... у него непонятный характер... с ним шутить нельзя. Даже гигантские атомные субмарины иной раз пропадают в нем без следа. Вспомните «Трешер»!

Знаете, иной раз стоишь ночью на мостике, смотришь в море, и начинает даже какая-то чертовщина мерещиться, кажется, что там, под тобой, на страшной глубине, есть какая-то совершенно неизвестная и недоступная даже воображению жизнь. Большие глубины, Гена, практически ведь еще не исследованы.

Год назад мы работали милях в двухстах к востоку от архипелага Кьюри. Утром как-то выхожу на палубу — батюшки! — прямо под бортом метрах в десяти чудовищная рыба величиной со слона. Ярко-красная и будто светящаяся изнутри. Плышет на поверхности, таращит жуткие буркалы, как будто бы пощады просит. Потом переворачивается на брюхо, и точка. Подняли мы ее на палубу. Наш главный ихтиолог чуть в обморок не упал. «Глазам своим не верю! — кричит. — Это же рыба намадзу!» Оказалось, что это полумифическая глубоководная рыба, существование которой ученые подвергали сомнению. В японских старых книгах говорится, что рыба намадзу предвещает землетрясение. Всплывает на по-

верхность и поддыхает. Ученые считают это чистым вымыслом. Но между прочим, Гена, через три дня на Кьюри было сильное землетрясение...

— И вы попали в шторм? — спросил Геннадий.

— Ну нет! — засмеялся Николай. — Капитан Рикошетников уважает мифологию. Мы вовремя драпанули к Большим Эмпиреям.

— Большие Эмпиреи! — воскликнул Гена. — Да ведь это же...

— Совершенно верно, — сказал моряк. — Именно в районе этого архипелага началась многодневная битва «Безупречного» с пиратской эскадрой.

— Это чудовище Рокер Буги беспощадно грабил островитян! — гневно сказал Геннадий и сжал кулаки. — Он хотел свить на Эмпиреях свое гнездо.

— Не вышло! — выкрикнул Николай.

Капитан и школьник остановились возле памятника Суворову, посмотрели друг другу в глаза и обменялись крепким рукопожатием.

...Ядро пробило фальшборт, кипящим яростным дьяволом прокатилось по палубе, калеча людей, разрушая предметы.

— Разрешите открыть огонь? — дрожа от возбуждения, спросил лейтенант.

— Еще не время, — спокойно проговорил командир.

Русский клипер неся по узкому проливу вслед за пиратской эскадрой. Расстояние между ним и тремя неуклюжими, но сильно вооруженными барками неумолимо сокращалось...

— Он правильно сделал, что отрезал «Блу Вэйла» от двух других судов, — сказал Николай Рикошетников.

— А потом накрыл его залпом правого борта, — продолжил Геннадий Стратофонов.

...Гром канонады висел над прозрачными до самого дна прибрежными водами. Потревоженные осьминоги вылезали из темных расселин. Дельфины возбужденно прыгали между водяных столбов, удивляясь веселой игре, затеянной их старшими братьями. Жители Больших Эмпиреев живописными группами толпились на прибрежных скалах, наблюдая, как стремительный белокрылый корабль расправляется с их обидчиками, явившимися словно призраки кровавого XVI столетия в их просвещенный XIX век...

— Вот так-то, мистер Рокер Буги, —

прошептал Геннадий. — Во так-то. А ведь вы могли бы быть неплохим моряком.

— По некоторым источникам, капитану Вуги удалось спастись, — сказал Николай. — Говорят, что он провел остаток своих дней на острове Карбункл.

Рокот мощного мотора вернул собеседников в наши дни. Возле памятника Суворову остановился автобус, и из него с беззаботным смехом вывалилась группа иностранных туристов. Щелкая аппаратами, куря табак, жуя и жужжа, европейцы подошли к памятнику полководцу, который в былые дни немало потрепал их пращуров. Внимание Геннадия и Николая привлек один из туристов, рослый сильный мужчина лет сорока. Пальто из дорогого твида обтягивало мощный торс, тяжелые, так называемые «вечные» ботинки оставляли в пушистом снегу широкие следы по меньшей мере сорок четвертого размера.

Чрезвычайно крупные черты лица, бананообразный нос, мохнатые гусеницы бровей, похожий на утюг подбородок находились в странном противоречии с единственной изящной деталью — аккуратно подбритыми усиками.

Держась несколько в стороне от группы, мужчина подошел к памятнику, осмотрел

его, неопределенно улыбнулся. Под тонкими усиками мелькнул золотой зуб. Внимательные холодные глаза остановились на капитане и мальчике, чуть расширились, как у застывшего перед прыжком хищника, потом отъехали в сторону. В поисках сигарет мужчина похлопал себя по карманам, расстегнул пальто, и в мутном свете фонарей мелькнула галстучная заколка в виде лопаты с припаянной к черенку старинной монетой, похожей на испанский дублон XVI века. Щелкнула газовая зажигалка, и к запаху дорогого одеколona прибавился другой, странный сладковатый, немного дурманящий запах.

«Сигареты с марихуаной», — догадался Николай Рикошетников. Капитан и школьник двинулись дальше. Отойдя несколько шагов от памятника, они, не сговариваясь, одновременно оглянулись.

В руке у незнакомца уже была плоская фляга толстого стекла. Недобро улыбаясь, он смотрел на все, что дорого каждому ленинградцу, каждому советскому человеку, да и просто человеку доброй воли, — на шпиль Петропавловки, на Ростральные колонны, на арки мостов.

— На редкость неприятный человек, — сказал Геннадий.

У него еще в раннем детстве выработалась одна весьма полезная привычка: некоторые мелькающие в толпе лица он усиленным воли фиксировал в своей памяти. Так и сейчас: он прищурился на неприятного незнакомца, как бы сфотографировал его на всякий случай.

Этот вечер капитан провел в кругу семьи Стратофоновых. Родители Геннадия, Элла и Эдуард, а также бабушка Мария Спиридоновна очаровали моряка. Он сразу угадал в новых знакомых людей своего круга, людей большого риска, безграничной храбрости и благородства. Так началась дружба капитана научно-исследовательского дизель-электрохода «Алеша Попович» с потомками адмирала Стратофопова и прежде всего со всесторонне одаренным школьником Генной.

Под влиянием этой дружбы Геннадий вступил в клуб «Юный моряк» и вскоре стал там одним из первых активистов. Он научился обращаться с секстантом и гирокомпасом, прокладывать курс на штурманских картах, разбираться в лощиях, в международном своде сигналов, грести, нырять с аквалангом...

Возвращаясь из своих дальних рейсов, Рикошетников немедленно являлся к Стра-

тофоновым. О, эти прекрасные вечера под медной люстрой, под благожелательным голубым взглядом адмирала! О, эти рассказы о трудной морской работе, о далеких портах Ла-Валетта, Дубровник, Джакарта, Перт, о дружбе и силе духа!

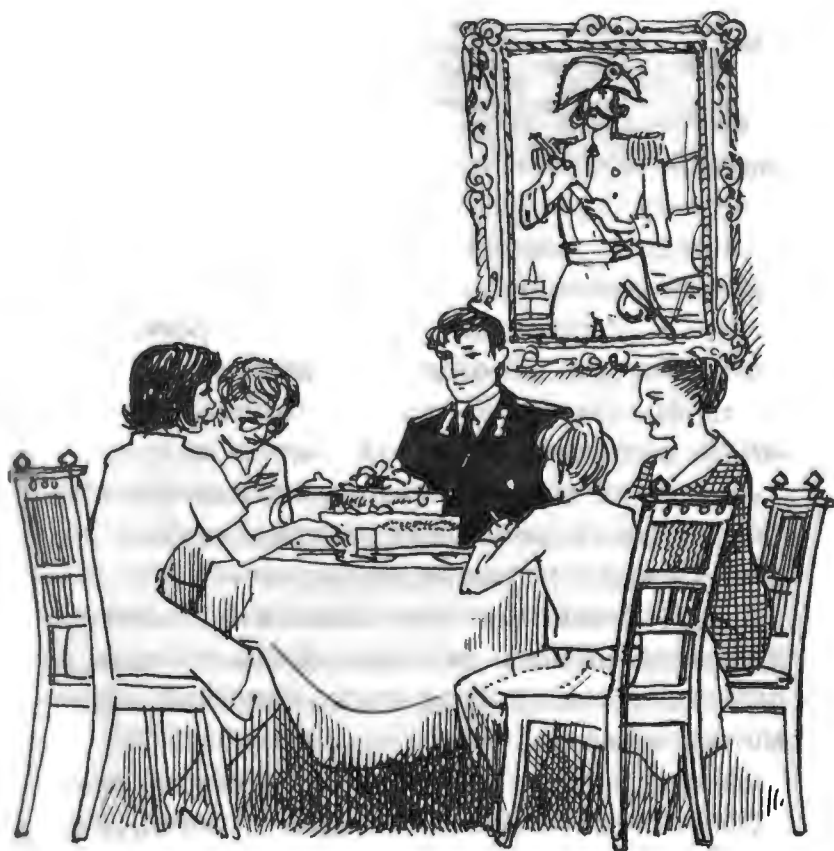
Между тем шли недели, месяцы и даже годы. Весной 196... года, когда Геннадий окончил шестой класс, капитан Рикошетников прилетел в Ленинград из дальневосточного порта Находка.

— Сильно оброс «Попович» морскими желудями, — объяснил он. — Поставили в док почиститься, чтобы не обижался.

Бабушка Стратофопова в это время с невероятным упорством соорудила большой кремовый торт в честь своего любимца. Руки ее, непривычные к женскому труду, плохо осуществляли грандиозный замысел, но, как говорится, терпение и труд все перетрут, и вскоре мужчины общими усилиями водрузили на стол кремовое чудовище, похожее на контрольную башню аэродрома.

— Куда же вы теперь собираетесь, Николай? — спросила мама Эллы, когда башня была уже скрыта до основания.

Рикошетников смущенно хмыкнул и, глядя в скатерть, проговорил:

— Представьте себе, друзья... как это ни странно, но... все это лето мы будем исследовать прибрежный шельф в районе архипелага Большие Эмпиреи...

— Я! — вскричал при этих словах Геннадий и осекся.

— Что?! — вскричала бабушка и сжала под столом скатерть.

За столом воцарилось молчание, нарушаемое лишь сильным стуком Генашиного сердца. Потом все медленно повернулись к портрету адмирала. Адмирал мягко, отечески улыбнулся. Похоже было, что он все уже знал наперед.

— А почему бы и нет? — проговорил папа Эдуард, вспомнив горы.

— Я — «за»! — коротко сказала мама Элла, вспомнив небо.

— Двух мнений тут не может быть! — покрывшись холодным потом, заявила Мария Спиридоновна и вспомнила все.

— В принципе это возможно, если будет ходатайство вашего клуба, — почесав затылок, сказал Геннадию Николай Рикшетников.

Через неделю после этого разговора новоиспеченный моряк Геннадий Стратофонтов в 17 часов 47 минут на набережной имени Кутузова совершенно случайно встретил одноклассницу Наташу Вертопрахову, надменное существо, чем-то напоминающее морского конька.

Наталья была целеустремленной девочкой, каждый час ее был расписан по минутам, и ежедневно ее можно было слу-

чайно встретить на набережной Кутузова в 17.47 по пути из секции художественной гимнастики.

— А-а, Наташка, — рассеянно сказал Геннадий и остановился. — Привет-привет! Как дела?

— Ничего себе, — ответила Наташа, не прекращая движения. — Работаю по программе мастеров.

— Соревнования скоро?

— Ох и не говори! Волнуюсь страшно! В начале июня наша команда едет в Краков. Представляешь, в Краков?!

— А я к Большим Эмпиреям подаюсь, на все лето в экспедицию, — сказал Геннадий. — На судне «Алеша Попович»...

— Пожелай мне ни пуха ни пера, — сказала Наташа и протянула ему руку.

Он посмотрел в синие глаза и увидел там только пьедесталы почета и неверное мерцание будущей славы.

— Ни пуха ни пера, — пробормотал он.

— К черту! — с чувством сказала Наташа и стала стремительно удаляться.

Геннадий некоторое время смотрел ей в след, потом отвернулся и едва не был сбит с ног бегущим Валькой Брюквинным.

— Валька, а я к Большим Эмпиреям

подаюсь на «Алеше Поповиче»! — крикнул Геннадий, хватая его за плечи.

— Да? Ну счастливо! — Брюквин вырвался. — Приедешь — расскажешь!

Не первой свежести подметки наперсника детских забав некоторое время еще мелькали перед недоуменным взором Геннадия, а потом растворились в предвечернем золотистом свечении, свойственном только одному городу на земле — Ленинграду.

На этом можно закончить вступительную главу. Впрочем... нет, я совершенно забыл сообщить любезному читателю об одном на первый взгляд пустяковом случае. Дело в том, что дня через три после первой встречи Геннадия и Николая Рикшетникова на адрес Стратофонтовых пришло странное письмо. На бланке гостиницы «Астория» крупно было начертано несколько слов:

«Mr. Stratofontov, esq.

I'll never forget the Silver-bay. R.B.»¹

Папа Эдуард отправился тогда в «Асторию», чтобы выяснить, кто скрывался под псевдонимом «Р. Б.». В книге гостей значилось:

¹ «Господину Стратофонтову, эсквайру.

Я никогда не забуду Сильвер-бей. Р. Б.» (англ.)

«Рикардо Барракуда,
Рональд Бьюик,
Ростан Бизе,
Рао-Бзе-Бун,
Раматраканг Бонгнавилотронг,
Рихард Бурш
и Ростислав Боченкин-Борев».

Все эти лица категорически отрицали свое авторство. Эдуард, пристыженный, покинул «Асторию», решив, что это розыгрыш друзей почтмейстеров или альпинистов.

ГЛАВА II,

*в которой слышится рев шторма,
безобразно хлюпает сваренный накануне
борщ, а в конце под пение скрипки
булькает суп из каракатицы*

Невероятно, но факт: нос, казалось бы, окончательно утонувшего танкера вновь показался над водой.

Еще несколько минут назад рулевая рубка «Алеши Поповича» огласилась взволнованным криком Геннадия Стратофонтова:

— Он тонет! Николай Ефимович, танкер тонет! SOS! На помощь!

И впрямь: шедший с ними параллельным курсом японский танкер довольно быстро уходил носом под воду, пропадал в огромных волнах.

Вот уже наполовину скрылись под водой надстройки, вот же только труба с размытым пятном иероглифа виднеется над водой...

— Николай Ефимович! — в отчаянии закричал тогда Геннадий и вдруг заметил, что все находящиеся в рубке смотрят на него с улыбкой: скалил отменные зубы рулевой Барабанчиков, улыбался старпом Дивнолобов, тактично прятал улыбку в пышные усы научный руководитель экспедиции член-корреспондент Академии наук, профессор Шлиер-Довейко.

Капитан Рикошетников, сидевший на высокой табуретке возле штурманского стола, повернулся к юному лаборанту гидробиологической лаборатории (именно в этой должности Гена Стратофонов совершал путешествие к местам фамильной славы) и тоже улыбнулся.

— Не волнуйся, Гена, он не тонет. Просто сильная килевая качка. Оттуда, с танкера, кажется, что мы тонем.

— А мы пока не тонем! — довольно

глупо захохотал Барабанчиков и подмигнул Геннадию.

Нос танкера медленно, но упорно полз вверх; вот показалась верхняя палуба борта, и мелькнувшее на мгновение среди бешено несущихся туч солнце осветило все невероятно длинное тело гиганта.

Уже двое суток десятибалльный шторм трепал «Алешу Поповича». Он налетел среди ночи через два часа после выхода из бухты Находка, к утру набрал полную силу и больше уже не ослабевал в течение всего времени, пока «Попович» пересекал Японское море, держа курс на Суринамский пролив.

Геннадий, разумеется, за это время ни разу не прилег. Во-первых, это был его первый выход в море, во-вторых, первый в его жизни шторм, да еще какой — десятибалльный! Вот ведь чертовское везение! Геннадий, весь в синяках, от стенки к стенке, падая в тартарары и вздымаясь под небеса вместе с палубой, облазил все судно. Конечно, забраться на койку ему мешало жгучее любопытство, но, кроме того, он опасался, как бы не поймала его в горизонтальном положении морская болезнь, как бы сосед по каюте, судовой плотник Володя Телескопов, не стал свидетелем позора.

Пока все было, как говорится, о'кей! Глядя с ходового мостика на вздымающуюся перед «Поповичем» чудовищную, дымящуюся водяной пылью стену, Геннадий только лихо посвистывал сквозь до боли сжатые зубы. Нервы у него сдали лишь тогда, когда он увидел «тонущий» танкер.

Теперь все было кончено. Теперь все, весь экипаж, узнают, что потомок знаменитого адмирала на самом деле слабохарактерный салажонок, и ничего больше. Глубоко удрученный, Геннадий выскользнул из рулевой рубки, кубарем слетел вниз по трапу на вторую палубу, побежал по длинному, тускло освещенному коридору мимо кают, за дверьми которых слышались слабые стоны ученой братии, налег плечом на стальную дверь...

В лицо ему с невероятной силой ударил ветер. Судно в это время кренилось на правый борт, и страшная вихревая пучина была совсем рядом. Ударила какая-то партизанствующая волнишка величиной с кита, накрыла палубу, потащила Геннадия к фальшборту. Руки мальчика судорожно вцепились в планшир.

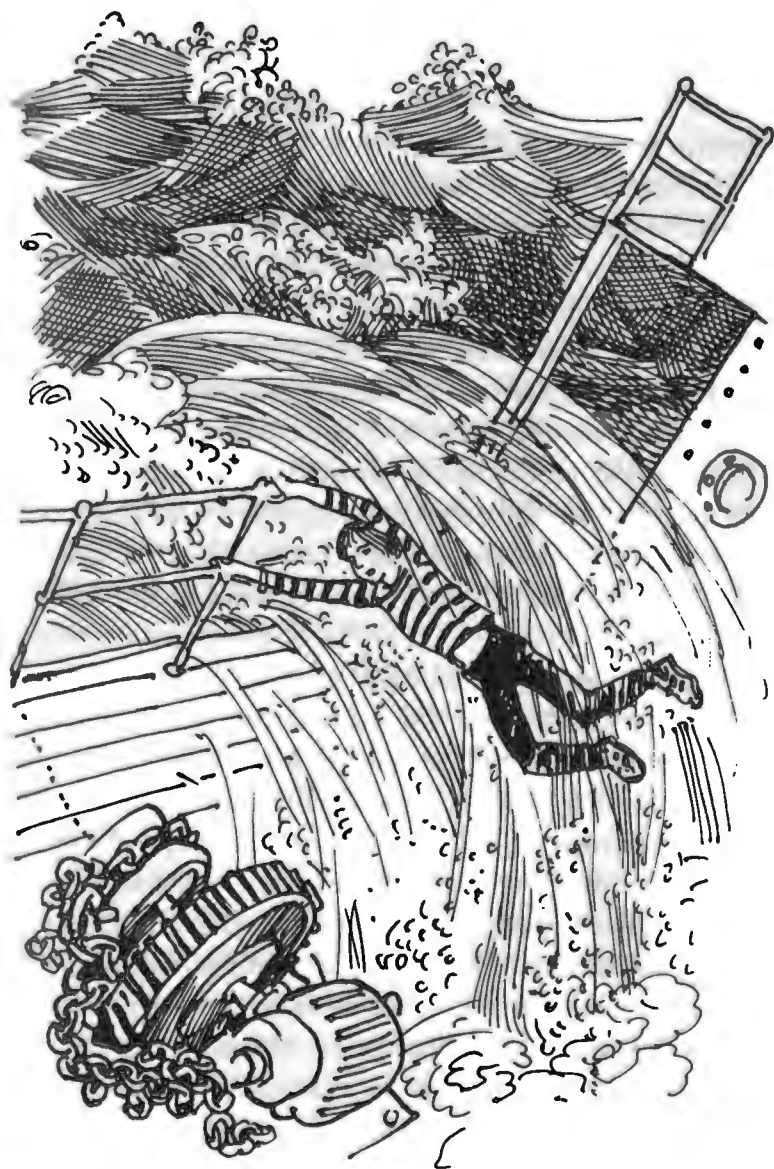
«Попович» медленно выпрямился. Вода, klokочa, уходила в портики. Геннадий сде-

лал несколько шагов к корме и вцепился в стойку. Он оказался в середине судна, как бы в центре раскачивающейся доски. Здесь качка чувствовалась меньше. «Попович» зарывался носом, а корма быстро шла вверх, закрывая полнеба. Вот по всему корпусу прошла сильная дрожь — это обнажился винт.

«Позор, — думал о себе Геннадий. — Закричал, как заяц, как первоклашка! Нет чтобы процедить сквозь зубы: «Не кажется ли вам, товарищи, что танкеру справа угрожает опасность?..»

Метрах в десяти к носу от Геннадия распахнулась дверь камбуза, и два чумазых артельщика выволокли на палубу огромный котел со вчерашним борщом. Нельзя сказать, что во время шторма экипаж «Алеши Поповича» отличался повышенным аппетитом. Артельщики, поднатужившись, подняли котел и вывалили его дивное содержимое за борт.

Вслед за этим произошло странное событие. Борщ, наваристый янтарно-багрово-зеленоватый борщ, не ухнул, как ему полагалось, в пучину, а в силу каких-то необъяснимых аэродинамических вихревых причин повис на несколько мгновений в воздухе. Больше того, он уплотнился и ви-

сел теперь перед Геннадием громадным переливающимся шаром с жировой бородой. Янтарные капли уже долетели до лица юного лаборанта.

«Вот борщ, — медленно подумал Геннадий. — Вот вчерашний борщ, и он висит. Ой, нет — он движется! Он, он движется прямо на меня! Ой!»

Борщ, повисев в воздухе несколько мгновений, ринулся на Геннадия. Вскрикнув от ужаса, мальчик бросился наутек к корме. Артельщики, разинув рты, наблюдали эту невероятную сцену. Геннадий со скоростью спринтера бежал к корме. Борщ настигал его со скоростью мотоцикла.

Гена уже чувствовал за своей спиной нехорошее дыхание борща. Собрав все силы, он сделал рывок, вырвался из-под навеса, вильнул налево и спрятался за спасательной шлюпкой, уцепившись за леера. Борщ, вылетев из-под навеса, взмыл вверх. Спустя минуту Гена, вообразив, что опасность миновала, выполз из-за шлюпки. Борщ, однако, не улетал. Снова найдя мертвую точку среди безумных воздушных струй, он висел теперь прямо над незадачливым лаборантом. Потрясенный и загипнотизированный, Гена уже не мог двинуть ни рукой

ни ногой. Несколько мгновений спустя борщ, обессилев, рухнул ему на голову.

А теперь, дорогой читатель, попробуй себя поставить на место моего героя. Вообрази себя потомком великого путешественника, человека широких передовых взглядов; вообрази себя лучшим питомцем «Клуба юных моряков», победителем Таля, другом капитана Рикошетникова; вообрази, что ты совершаешь первое в своей жизни морское путешествие к архипелагу фамильной славы, и представь себя сидящим на палубе в центре огромного, жирного, хлюпающего борща; представь себя с короной из прокисшей свеклы на голове, с омерзительной капустной бородой, с карманами, полными говядины и картофеля. Мне бы хотелось, чтобы ты, читатель, содрогнулся от ужаса, а затем по достоинству оценил мужество и силу духа моего юного героя.

Геннадий не заплакал, не бросился к борту топиться. Встав из борща, он подошел вплотную к потрясенным артельщикам и процедил сквозь зубы:

— Забыть раз и навсегда! Ничего не было. Понятно?

Артельщики, дрожа, смотрели на героического мальчика.

— Об чем разговор, Гена, — наконец пробормотал один из них.

— Может быть, вам смешно? — звенящим голосом спросил Геннадий.

— Чего же тут смешного, Генок? — проговорил второй. — Плакать хочется.

Он действительно всхлипывал. Такого зрелища, погони вчерашнего борща за живым человеком, он не видел никогда раньше и не увидел позже до сего дня.

Геннадий резко повернулся и стал спускаться по трапу.

Сосед Геннадия по каюте, плотник высшего разряда Володя Телескопов, как и большинство обитателей «Алеши Поповича», летал в это время на своей койке вверх-вниз, влево-вправо, читал «Сборник гималайских сказок», хохотал и покрикивал:

— Вот дает! Вот дает!

Неизвестно, к чему относилось это выразительное восклицание — к шторму ли или к гималайскому фольклору.

— Эге, Генка, поздравляю! — приветствовал он вошедшего в каюту Геннадия. — Я вижу, тебя борщ догнал!

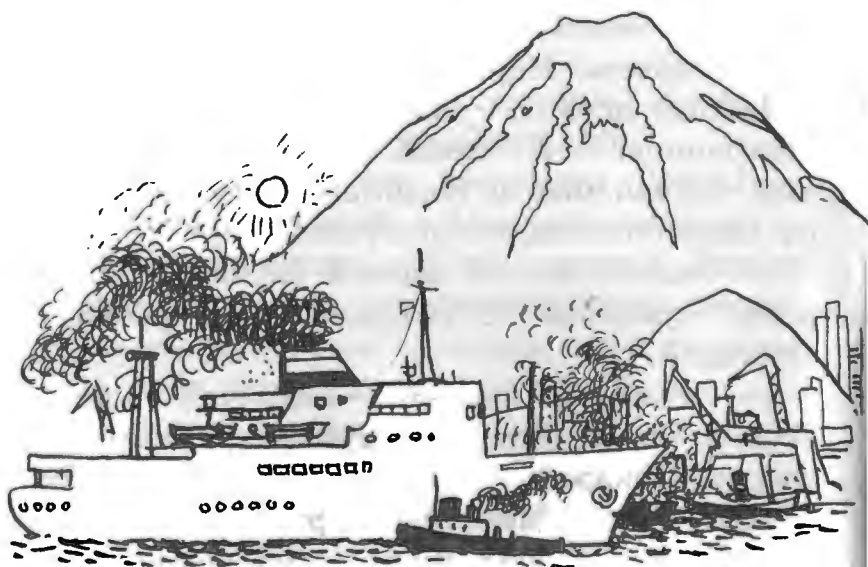
— Ха-ха-ха! — нервным мужественным хохотом расхохотался мальчик. — Представьте себе, Владимир, вы близки к истине.

— Это что! У нас как-то раз в Чугуевском карьере Марика Ибатуллина суп с клецками догнал, — оживленно заговорил Телескопов. — А самый, Генаша, уз-жастный случай был в Клайпеде, когда Мишку Офштейна лапша накрыла.

— Значит, это не первый случай в мировой практике? — ободрившись, спросил Геннадий.

— Отнюдь не первый! — закричал Телескопов. Он на минуту задумался, а потом уверенно сказал: — Третий случай.

Измученный мальчик погрузился в глубокий сон. Он спал много часов подряд и не видел, как опустились сумерки, как «Попович» вошел в Суранамский пролив, как утих шторм и как утром открылся залитый солнцем, мерно вздыхающий и словно подернутый тонкой пластиковой пленкой Тихий океан. Не видел он и маленьких японских шхун, с которых рыбаки в ярких куртках тянули невидимые лески. Они были похожи на фокусников или волшебников, эти рыбаки, и казалось, что серебристые извивающиеся рыбыны выскакивают из воды прямо к ним на палубу, подчиняясь их резким таинственным пассам. Геннадий, к сожалению, этих рыбаков не видел, как не видел и множества

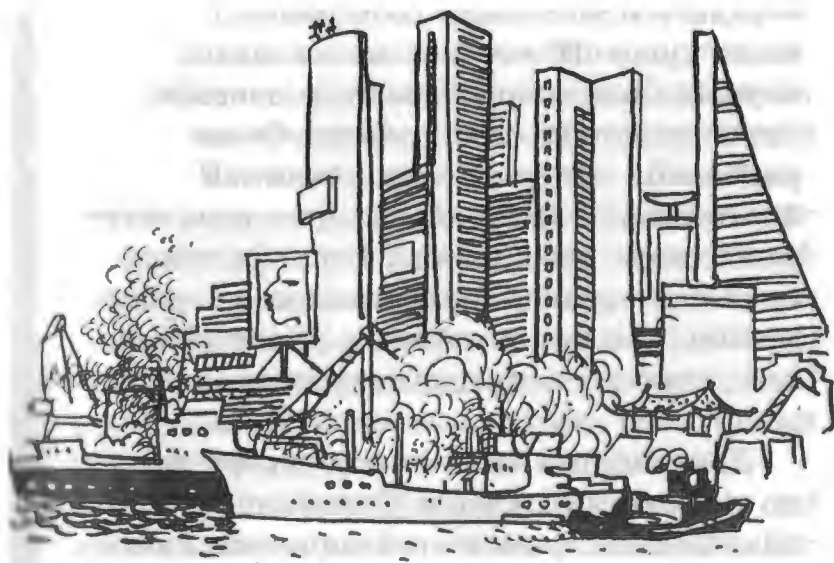

встречных судов и чудовищной громады американского авианосца «Форрестол», что несолоно хлебавши ковылял домой от берегов Вьетнама.

Проснулся Геннадий только под вечер, когда по судовой трансляции раздался металлический голос:

— Внимание! Наше судно находится при подходе к акватории Иокогамского порта. Палубной команде занять места по швартовому расписанию. Повторяю...

Багровый закатный туман висел над Иокогамой, а над этим туманом в высоком

прозрачном небе четко вырисовывалась верхушка священной горы Фудзи.

— Добрый знак, — прогудел боцман Полуарканов. — Етта штука, Фудзи етта окаянная, раз в год по обещанию показывается морскому человеку.

Этот внешне спокойный, мнимо уравновешенный человек верил во все приметы и предзнаменования, начиная от черной кошки, кончая трамвайным билетом. Однако он очень редко обнародовал свои суеверные наблюдения. Сохраняя обманчивую невозмутимость, Полуарканов предпочитал

страдать или тешить себя надеждой в глубине души. И вот только сегодня, увидев поразительное, подобное чуду явление Фудзи, он нарушил свое правило. Очень уж обрадовался боцман, что великая Фудзи благословила их рейс и предсказала ему счастливое завершение. Если бы знал Аркадьич, через какие испытания придется пройти людям с «Алеши Поповича» для того, чтобы это предзнаменование оправдалось!

Два мощных портовых буксира медленно подводили «Алешу Поповича» к причалам. Воспользуемся этой не очень интересной, но необходимой процедурой для того, чтобы сообщить читателю некоторые данные об этом славном судне.

«Алеша Попович» был еще совсем молод. Всего лишь четыре года назад он был спущен со стапелей судостроительного завода в городе Гдыня. Польские корабли очень гордились своим детищем. При водоизмещении немногим более 6000 тонн «Попович» обладал машинами мощностью 10 000 лошадиных сил, что позволяло ему развивать скорость до 25 узлов. Он был устойчив на курсе и обладал отличной поворотливостью. Нечего и говорить о том, что «Попович» от форпика до ахтерника был

напичкан самым современным оборудованием, подчас даже и не особенно нужным.

У Геннадия даже глаза разбежались, когда он впервые поднялся на рулевую рубку. Непосвященному могло бы показаться, что он попал в обстановку научно-фантастического романа, но наш «юный моряк» с восхищением угадал в замечательнейших предметах пульт дистанционного управления главными двигателями, репитеры гирокомпаса, экран локатора и радиопеленгатор, эхолот и аксиометр...

На судне были созданы прекрасные условия для труда и отдыха экипажа. Отличные каюты помещались в палубных надстройках, а в твиндеках располагались научные лаборатории и кладовые.

Надо сказать, что за четыре года экипаж «корабля науки» не претерпел почти никаких изменений. Так получилось, что коллектив сложился сразу. Все эти мужественные люди, что называется, «притерлись» друг к другу. Атмосфера веселой дружбы царила на «Алеше Поповиче». Надо ли говорить о том, что все моряки и ученые любили своего молодого капитана Рикошетникова и научного руководителя — пожилого гиганта, выдавшего виды Шлиера-Довейко? Надо ли говорить о том,

что этих двух людей связывало взаимное уважение?

Только лишь перед выходом в рейс к Большим Эмпиреям на борту «Поповича» появились два новых человека. Рикошетников привез из Ленинграда своего друга школьника Стратофонтова, а Шлиер-Довейко вывез из глубины Среднерусской возвышенности мастера на все руки Телескопова. Коллектив, посоветовавшись, принял новичков с распростертыми объятиями.

Между тем сгустились сумерки, растворилось волшебное видение Фудзи и марево разноцветных неоновых огней затрепетало над огромной Иокогамой и необозримым Токио.

Уже заведены были носовой и кормовой продольные швартовы, шпринги и прижимные, когда на верхнюю палубу вышел из своей каюты капитан Рикошетников. Он только что закончил необходимые формальности с японской таможенной службой, с пограничниками и карантинными врачами и теперь собирался отправиться в город. Ему предстояло нелегкое путешествие по Токио: надо было найти генеральное консульство Республики Большие Эмпиреи и Карбункл.

Рикошетников огляделся и увидел, что

палуба почти пуста. Иногда по ней деловито пробегали члены экипажа с утюгами или галстуками в руках. Все моряки и ученые «Алеши Поповича» уже далеко не первый раз бывали в Токио и сейчас готовились к встречам со своими японскими друзьями и родственниками. Одна лишь маленькая фигурка одиноко сидела на кнехте и задумчиво смотрела на гигантский таинственный город.

Рикошетников, разумеется, уже знал о плачевном эпизоде с борщом на подходе к Суринамскому проливу. Нет, артельщики оказались джентльменами и не сказали ни слова. Обо всем капитану, задыхаясь от смеха, доложил сменившийся с вахты рулевой Барабанчиков, которого в свою очередь навел на место происхождения судовой кот Пуша Шуткин. Рикошетников, разумеется, сам в душе чуть не лопнул от смеха, вообразив погоню ВЧЕРАШНЕГО борща за ЖИВЫМ человеком, но усилием воли сохранил невозмутимость и категорически предложил Барабанчикову и Пуше Шуткину хранить молчание хотя бы в память русских морских традиций.

Сейчас, увидев одинокую фигурку своего друга, Рикошетников не смог сдержать чувства жалости и сочувствия. Он и не по-

дозревал, что душа Геннадия в эти миги была полна ликованием.

«Ух ты, Япония, Токио, Йокогама! — думал в эти миги Геннадий. — Вот я сижу на баке корабля, и вот передо мной загадочный вечерний город с одиннадцатимиллионным населением. Увидели бы меня сейчас наши ребята с улицы Рубинштейна — Валька Брюквин или Наташка Вертопрахова! Смотри, Наташа, юнга Билл еще вернется из Северной Канады...»

Да, Япония была перед ним, и до нее можно было дотронуться пальцем, можно было полежать на ней, попрыгать или просто по ней пройти. И неужели же, неужели даже совершенно фантастические Большие Эмпирей вот так же реально скоро предстанут перед ним?

Геннадий был, конечно, вполне здраво-мыслящим мальчиком, но все-таки очень долго не покидала его мысль о том, что разные другие страны существуют только в книгах и в кино, что взрослые все это выдумали для того, чтобы детям не так скучно было учить географию.

— Геннадий, не хотите ли сходить со мной в город? — спросил Рикошетников.

Геннадий, ликуя и подпрыгивая в душе, спокойно изъявил согласие.

Они спустились по трапу, прошли по причалу и вошли в здание морского порта, где по стеклянным коридорам двигались вереницы пассажиров из обеих Америк, Австралии, Азии, Океании и Европы, пересекаясь на разных этажах и сливаясь в огромном зале в гудящую пеструю толпу.

Рикошетников уверенно пробрался сквозь толпу к конторе автопрокатной компании «Херц» и арендовал там двухместный скоростной автомобиль «бентли». Через полчаса друзья уже мчались к Токио по висящей над сонмом маленьких домиков бетонной автостраде.

Центр Токио — это горная страна из стали, алюминия и стекла, а весь Токио — это равнина маленьких двух- и одноэтажных домиков. Если какой-нибудь житель столицы пригласит вас, милый читатель, в гости, он обязательно нарисует для вас схему своего квартала, укажет стрелочкой свой дом, пунктиром отметит путь от магистрали в глубинку. Дело в том, что в Токио нет улиц, вернее, улицы не имеют названий. Названия имеют только кварталы и районы. Когда говорят: главная улица Гиндза — это неверно. Нет улицы Гиндза, есть район Гиндза.

Разобраться в этой системе непривычному человеку чрезвычайно трудно.

Проколесив битый час по наполненным людьми и машинами улочкам Синдзюко, Рикошетников и Стратофонов потеряли надежду найти консульство нужной им республики.

Полицейские и прохожие, услышав название «Большие Эмпирей и Карбункл», почему-то начинали безумно хохотать и так слабели от смеха, что толку добиться было трудно.

Рикошетников махнул было уже рукой, как вдруг припавший к ветровому стеклу Геннадий воскликнул:

— Остановитесь, Николай Ефимович!

Рикошетников резко затормозил. Перед ними был ничем не примечательный двухэтажный домик в четыре окна, от тротуара до крыши покрытый светящимися и несветящимися вывесками. Вывески гласили:

Уроки игры на скрипке!
Европейская, японская, окинавская
и индийская кухня!
Филателист, стой!
Здесь самые редкие марки!
Секреты вечной молодости!
Гадаем по руке!

**Бокс, дзюдо, каратэ!
Сувениры на любой вкус!
Продажа кактусов, раковин и камней!
Певчие птицы и меха!
Парижская косметика,
лондонские запонки, носки из Чикаго!
Подводные зажигалки
и инфракрасные очки!**

А между гирляндой чикагских носков и чуелом филина на освещенной витрине этого обычного токийского домика помещалась маленькая, с почтовую открытку, эмалированная табличка:

Консульство Республики Большие Эмпиреи и Карбункл.

Рикошетников и Геннадий вошли в дом и оказались в небольшом зальчике, стены которого были увешаны самурайскими мечами, масками театра «НО», панцирями гигантских черепах, челюстями и мослами непонятных животных. Полки были заставлены старинными фолиантами с медными застежками, банками с маринованными чудищами, кактусами, раковинами и камнями. В конце зальчика обнаруживалась стойка и четыре высоких стула перед ней. Большой телевизор соседствовал со старинным граммофоном.

За стойкой стоял, широко улыбаясь, тощий высокий старик неопределенной национальности в белой куртке и белой шапочке.

— Гуд ивнинг, — сказали друзья.

Несколько секунд старик не двигался, потом, с видимым усилием оборвав свою затянувшуюся улыбку, быстро зашевелился и заговорил:

— Добрый вечер, господа! Прежде всего вам надо закусить, прежде всего закусить. Присаживайтесь, сэр! У мальчика голодный вид, сэр! Старый Старжен Фиц знает, чем угостить такого отличного карапуза!

Он жутко подмигнул Геннадию и снял крышки с нескольких кастрюлек, расположенных у него за стойкой. Пар, поднимающийся из кастрюли, был так аппетитен, что Геннадий даже забыл обидного до боли в сердце, до звона в ушах «карапуза».

Старик между тем, ловко орудуя разливной ложкой и деревянными палочками «хаши», продолжал улыбаться. Вдоль всей стойки тянулась металлическая полоса электрической жаровни. Старик включил ее, смазал маслом в том участке, перед которым сидели гости, масло затрепало, старик бросил на жаровню какие-то

коренья, что-то вроде грибов, слизистые комочки устриц, ломтики мяса; в черные фаянсовые пиалы старик налил супу, в маленькие блюдечки наложил какой-то зеленой пасты.

— Ручаюсь, господа, вам никогда не забыть кухни старого Старжена Фица! Почему бы юному джентльмену не отведать паштет из морского ежа? Сэр, отхлебните этого окинавского супа из каракатицы, и вы уже не оторветесь! Не желаете ли сырой рыбы сашими? Она так нежна, так нежна, так нежна, так нежна...

Старик, словно испорченная пластинка,

запнулся на «так нежна» и повторял эти слова все тише и тише, а потом совсем за-
тих и застыл с широкой безжизненной
улыбкой на устах.

Проголодавшиеся друзья набросились
на удивительную еду и даже забыли на
какое-то время о цели своего прихода.
Старик между тем вышел из оцепенения,
пролез под стойкой в зал и заиграл на
скрипке. Он подходил со скрипкой к гос-
тям, склонялся то к мальчику, то к капи-
тану, вкрадчиво и ласково шептал:

— Носки, галстуки, кактусы, шпильки,
замки, открытки...

Не прерывая игры на скрипке, он не-
сколько раз взмахнул над головами друзей
самурайским мечом, дал холостую очередь
из винтовки «М-14», показал несколько
приемов дзюдо и ударил страшным свин-
гом по чучелу медведя панды, скромно сто-
ящему в углу зала. Потом он подсунул
Геннадия альбом с «самыми редкими мар-
ками», схватил свободную от еды ладонь
капитана и снова зашептал:

— Феноменальное сочетание физиче-
ских и духовных качеств, сэр, приведет
вас к триумфу! Все-таки, сэр, сохраняйте
осторожность в первую неделю новолу-
ния... Старый Старжен Фиц, сэр, лучший

хиромант Юго-Восточной Азии, и если бы не интриги...

— Простите, мистер Старжен Фиц, — сказал Рикошетников, осторожно освобождая свою руку для собственных надобностей. — Мы пришли сюда только лишь для того, чтобы повидать консула Республики Большие Эмпиреи и Карбункл...

Старик вдруг отпрыгнул в сторону с криком «О-ле!» и, обращаясь к медведю панде, филину, маскам и маринованным чудовищам, торжествующе воскликнул:

— Слышали?

После этого он нырнул под стойку, скрылся за бамбуковой шторой и через минуту явился оттуда в совершенно уже новом облиии. Преисполненный достоинства дипломат в мундире, расшитом золотыми нитями, с высоким стоячим воротником, покровительственно и любезно смотрел на гостей. Лишь забытая на голове поварская шапочка напоминала о прежнем Старжене Фице.

— К вашим услугам, господа, — сдержанно поклонился генеральный консул.

— Мы советские моряки, господин консул, — оправившись от первого ошеломления, пробормотал Рикошетников. — Я капитан научно-исследовательского судна

«Алеша Попович», Николай Рикошетников, а это мой друг Геннадий Эдуардович Стратофонтов.

— Стратофонтов? — поднял правую бровь генеральный консул. — Не являетесь ли вы, сэр, одной из ветвей генеалогического древа национального героя нашей республики русского адмирала Страттофудо, памятник которому возвышается в столице нашей страны Оук-порте?

— Геннадий как раз является ветвью адмирала Стратофонтова, но отнюдь не Страттофудо, — сказал капитан.

Консул улыбнулся:

— Так жители нашей страны переименовали это славное имя на свой манер.

— Значит, мы увидим памятник моему предку? — воскликнул Геннадий. — Николай Ефимович, это потрясающе! Памятник моему дедушке!

— Вы собираетесь посетить Большие Эмпирей? — осторожно спросил консул.

— Как раз по этому поводу мы и пришли к вам, сэр, — сказал Рикошетников. — «Алеша Попович» будет все лето исследовать шельф в районе архипелага и знаменитую впадину Яу. Мы хотели бы получить согласие вашего правительства на заходы в ваши порты и гавани.

— На вашем судне есть футбольная команда? — быстро спросил консул.

— Что-о? Футбольная команда? Да, разумеется, у нас есть футбольная команда...

— Тогда все в порядке. Футбол — это главная страсть нашей республики и президента. Вы получите право захода во все гавани Больших Эмпиреев.

— И Карбункла, — добавил Рикошетников.

— Во все гавани и порты Больших Эмпиреев, — повторил консул.

— Ну, конечно, и Карбункла? — весело спросил Рикошетников.

Мимолетная тучка проскользнула по лицу Старжена Фица.

— На Карбункле не играют в футбол, — сухо сказал он.

Рикошетников не обратил внимания на странный тон, каким были сказаны эти слова, извлек из своего портфеля судовые бумаги и приступил к обсуждению формальностей.

«Почему же на Карбункле не играют в футбол? — подумал Геннадий. — И почему консул помрачнел, когда сказал об этом?»

— Ну, все в порядке, — сказал Рикошетников, закрывая свой портфель.

— Наконец-то можно снять проклятый

мундир! — воскликнул Старжен Фиц. — Надеваю я его, господа, не чаще одного раза в десять лет, но все-таки терпеть не могу. Что вам приготовить, господа? Итальянскую пиццу, швейцарскую фондю, аргентинское асадо, индийский керри-райс или, может быть, русский борщ?

— Что вы хотите этим сказать? — воскликнул Геннадий. Он побагровел и вытянулся как струнка.

— Просто повеяло воспоминаниями детства, — затараторил вдруг по-русски Старжен Фиц. — Как вы вошли, господа, так сразу пахнуло нашим русским привольем, березовым соком, борщом... Ведь я, господа, родился в Санкт-Петербурге и покинул его шестьдесят лет назад в вашем возрасте, милостивый государь. — Он почтительно поклонился Геннадию. — Судьба мотала меня по всему миру, господа, но об этом не будем. Единственная страна, где мне не довелось побывать, — это Республика Большие Эмпирей и Карбункл... Всего доброго, господа, всего доброго, но прежде прошу оплатить счет. Ваш ужин, господа, стоил три тысячи иен, игра на скрипке четыреста пятьдесят иен, демонстрация приемов бокса и дзюдо пятнадцать иен. Извините, господа, я

бы не взял с вас денег, но мое правительство не платит мне жалованье уже двадцать четыре года. Приходится изворачиваться, господа. Старость — не радость... Прежде старый Старжен Фиц зарабатывал на велогонках, сейчас соль в коленных суставах, господа...

Консул, видимо, мог бы так болтать еще очень долго, но моряки направились к выходу. Старжен Фиц проводил их до дверей, всучил на дорогу чикагский галстук, кактус, раковину и банку с сороконожкой за 127 иен.

— Ах, господа, — тараторил он уже в дверях, — говорят, что страна, которую я здесь представляю, земной рай! Хочу вам дать последний полезный совет, господа. Обязательно постарайтесь в Оук-порте познакомиться с мадам Накамура-Бранчковской. Недавно эта леди посетила Токио, и старый Старжен Фиц был просто очарован...

— Чем же знаменита эта дама? — усмехнулся Рикошетников. Чудак консул успел уже порядком надоесть ему.

— Ах, это просто совершенство! Убедительно советую не избегать приятнейшего знакомства с этой богатой импозантной и попросту красивой женщиной.

— Я никогда не чурался импозантных, и тем более красивых дам, — улыбнулся капитан.

— Это похвально, это похвально, это похвально... — Консул оцепенел с широкой бессмысленной улыбкой на устах.

По дороге к порту Геннадий и капитан во всех подробностях вспоминали визит к «генеральному консулу» и весело хохотали.

В районе Гиндзы их «бентли» попал в автомобильную пробку. Джазовые обвалы из окон баров, крики зазывал и уличных торговцев, полицейские свистки и сирены, клаксоны автомобилей чуть не оглушили их. В небе, освещенный скрещенными лучами, поворачивался рекламный автомобиль, ниже то хмурилась, то расплывалась в улыбке гигантская неоновая рожа, все кричало, мелькало, подмаргивало. Световая газета на крыше «Асахи» вещала:

***Сегодня в Токио убито 15, ранено 307!
Битлы заявили протест министерству внутренних дел Англии!***

***Советы продолжают штурм космоса!
Заявление генерала Зиана!***

Экс-шахиня Сорейя приняла приглашение киностудии «МГМ»!

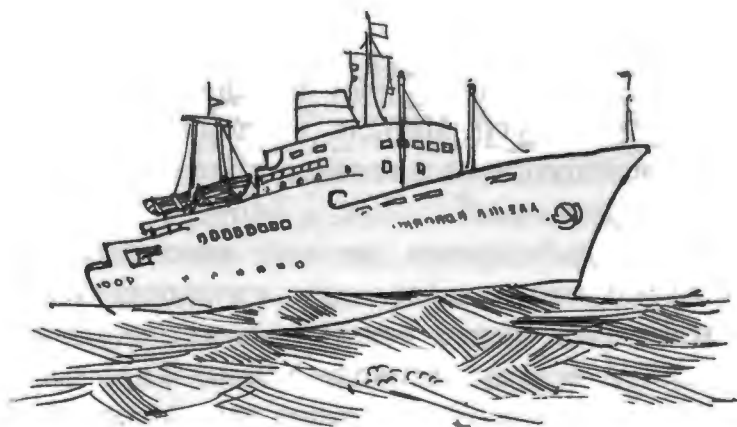
**Исчезновение панамского сухогруза в
ста милях от Гонконга!**

**Потеряна связь с яхтой шейха Абу-
Даби, стоимость которой оценивается
в 15 миллионов...**

**Самолет тайландских ВВС засек не-
известные торпедные катера!**

Новые пираты?

ГЛАВА III,

*в которой слышится пение кота
и таяканье «Ржавой акулы»*

Стоял полный штиль. Вот уже неделю плавучий институт в идеальных условиях исследовал семикилометровую впадину Яу. Ничто не мешало ученым опускать дночерпалки и тралы, запускать радиозонды. Корабль медленно двигался, прокладывая новый промерный галс. Эхолоты прощупывали глубину. На палубах «Алеши Поповича» царила веселая суeta. Казалось, что это кусок черноморского пляжа: все

ученые и моряки были в плавках и темных очках.

Неподвижный океан горел с яркостью вольтовой дуги. Иногда в слепящем мареве трепещущими пятнами пролетали стайки летучих рыб.

Геннадий никак не мог свыкнуться с мыслью, что под днищем их судна такая гигантская толща воды — семнадцать с половиной кругов стадиона имени Кирова, четырнадцать останкинских телебашен! Подолгу он стоял, опершись на планшир, глядя, как из темноты в прозрачные слои выплывают акулы. Эти мерзкие твари постоянно кружили вокруг судна и испарялись, только когда появлялись быстроглазые, иронически улыбающиеся дельфины-афалины.

— Почему же все-таки целая стая акул боится одного-единственного дельфина? — спрашивал Гена своего непосредственного руководителя доктора биологических наук Верестищева.

— Дельфин отважен, а акула трус, — отвечал Самсон Александрович. — Акула, Гена, это своего рода морской фашист.

— Вы думаете, что фашизм труслив? — пытливо спрашивал мальчик. — Но ведь он всегда нападает первым...

— Это сложная проблема, Гена, очень сложная, — задумчиво говорил Верестищев. — Всегда ли смел тот, кто нападает первым!

Препарируя моллюсков и глубоководных рыб, ученый и лаборант часто вели содержательные беседы, которые иной раз соскальзывали к философской плоскости.

— Вы знаете, Гена, — сказал как-то Верестищев, — как индонезийские рыбаки мстят акулам, когда от их зубов погибает человек? Они вылавливают хищника, разжимают ему челюсти, засовывают ему в желудок живого морского ежа и выпускают в море. Акула обречена на долгие нестерпимые муки.

— Б-р-р... — содрогнулся Геннадий. — Все-таки это слишком жестоко по отношению к бессмысленной твари...

— Акулы кажутся этим рыбакам не животными, а враждебным племенем.

— Тем более это жестоко! — воскликнул Геннадий. — Рубанули бы гадину — и дело с концом!

— Это очень сложная этическая проблема, — задумчиво сказал Верестищев. — Вы мыслите, Геннадий, не по возрасту серьезно. Давайте-ка займемся чем-нибудь попроще. Вот перед нами медуза...

Они погрузились пинцетами в довольно-таки неаппетитное желе распластанной медузы.

— Знаете ли вы, Гена, что акустический аппарат медузы угадывает приближение шторма больше чем за сутки? — спросил Верестищев.

— А нельзя ли сделать такой прибор, как этот аппарат у медузы? — полюбопытствовал Гена.

— Вы меня поражаете, Геннадий! — воскликнул Верестищев. — Как раз над этой проблемой работает один отдел в нашем институте. Вам надо быть ученым, мой мальчик!

Однажды, проснувшись, Геннадий очень удивился, не увидев на палубе расчерченного жалюзи солнечного коврика. Тусклый серый свет еле-еле освещал каюту. Иллюминатор, казалось, был задраен брезентом.

— Привет, Генок, — сказал Телескопов. — Тебя с туманом, а меня с халтуркой.

Он сидел на своей койке и плотничал, плотничал тихо и сокровенно, как в детстве.

— Доктору клетку сочиняю, — объяснил он. — Всю дорогу доктор не отвечал

взаимопониманием, а сейчас клеточку заказал. Удача: кенара он ночью поймал, доктор наш золотой.

— Как так — кенара? — поразился Генна.

— Ну, может, не кенара, так попку, а может, еще какого черта, — сказал, посвистывая, Телескопов.

— Но ведь кенар или попугай — это береговые птицы!

— Да, видать, к Эмпиреям замечательным подгребаем.

Геннадий вышел на палубу. Видимость была не больше полукабельтова. «Алеша Попович» двигался самым малым, каждые две минуты сигналил туманным горном. Трое парней готовили к спуску за борт двухсотлитровый батометр. Геннадий поднялся на ходовой мостик и здесь, возле двери радиорубки, встретил судового кота Пушу Шуткина. Кот сидел на задних лапах, недобрыми желтыми глазами смотрел на мальчика.

Кот этот записался в судовую роль «Алеши Поповича» в итальянском порту Бари, но никто бы не смог поручиться, что он был родом именно оттуда.

Вот уже четыре года Пуша Шуткин плавал на «Алеше Поповиче», сходил на

берег в каждом порту, устраивал там свои дела, но неизменно возвращался, завидев на мачте флаг «Синий Петр» — сигнал «Всем на борт!».

Шуткин пользовался у экипажа и ученых заслуженным авторитетом. Это был солидный боевой, покрытый шрамами кот, исполненный достоинства и благосклонности к двуногим друзьям. И только лишь к Геннадию Шуткин отнесся с каким-то пренебрежением: высокомерно выгибал спину, трубой поднимал хвост, презрительно фыркал, старался по мере сил досадить юному моряку. Вспомним хотя бы историю с борщом.

Нельзя сказать, что Геннадия это не задевало. «Уж не видит ли он во мне соперника?» — иногда думал мальчик, и от этой мысли ему становилось не по себе.

Сейчас, встретив кота, Геннадий решил раз и навсегда выяснить с ним отношения.

— Простите, Шуткин, но мне кажется, что вы относитесь ко мне с каким-то предубеждением, — сказал он. — Почему? Разве не получали вы от меня колбасу, селедку, конфеты? Разве не отдал я вам чуть ли не половину праздничного блюда бишбармак, которым нас побаловал старший кок Есеналиев?

Кот выгнул спину, поднял хвост трубой
и пошел прочь, но вдруг, словно передумав,
повернулся к Геннадию, встал на задние лапы и с горечью запел:

В любом порту живет нахал,
Которому за дело
Маэстро Шуткин раздирал
Полморды и полтела.
В Бордо бесхвостый обормот
Оклеветал нас жутко,
Сказав, что благородный кот
Всего лишь раб желудка.
Но моряки — прямой народ.
В душе моей открытой
Они читают: Шуткин-кот
Не любит паразитов.
Не так важна коту еда,
Пусть даже голод гложет,
Мужская дружба мне всегда
Значительно дороже.
А вы, Геннадий-новичок,
Поверив гнусным слухам,
Не удосужились разок
Пощекотать за ухом.
Я презираю бишбармак
И жирную селедку,
Зато ценю как дружбы знак
Заушную щекотку...

— Так вот в чем дело! — воскликнул Геннадий. — Приношу вам свои глубочайшие извинения! Разрешите мне немедленно протянуть вам руку дружбы!

Кот, не скрывая удовольствия, выгнул шею, и Геннадий в течение пяти минут щекотал его за ухом.

— Мерси, — сказал наконец кот. — Я совершенно удовлетворен и в знак благодарности дарю вам свою любимую песню, которую довелось слышать только моим истинным друзьям и подругам.

Вспрыгнув на кнехт и взявшись правой

передней лапой за леер, кот закрыл глаза
и запел чудную песню:

Иные любят гладь да тишь,
Подушки, одеяла,
Предпочитаю гребни крыш,
Сырую мглу подвалов.

Мурлан мурлычет день-деньской,
Хозяйке лижет локти,
А я за дымовой трубой
Натачиваю когти.

Но для друзей моя душа —
Всегда одна красивость,
Ведь дружба так же хороша,
Как честь и справедливость.

Курлы мурлы олеонон,
Фурчалло бракателло,
Дирлон кафнутто и ниссон,
Журжалло свиристелло...

Далекий, но сильный хлопок прервал
песню кота. Вслед за этим зловещим хлоп-
ком из глубины тумана донеслось не ме-
нее зловещее тявканье. Распахнулась
дверь радиорубки, и на пороге появился
радист Витя Половинчатый.

— Где капитан?! — гаркнул он, округляя глаза до полной шаровидности. Он перепрыгнул через комингс и побежал к капитанской каюте.

— Николай Ефимович! В эфире SOS! SOS!

...Весь командный состав «Алеши Поповича» сгрудился в тесной радиорубке. Витя Половинчатый возбужденно говорил и писал на кусочках бумаги.

— Очень слабые сигналы... SOS... Запрашиваю: кто терпит бедствие?.. Молчат... Я советское судно «Алеша Попович»... координаты... молчат... вот, товарищи... тише! Передают международным кодом... шлюпку с пассажирского теплохода «Ван-Дейк» преследует неизвестная подводная лодка. Пользуясь туманом и пуская дымовые шашки, пытаемся скрыться... в шлюпке шестьдесят три человека, есть женщины и дети... SOS... наши координаты...

— Они в двух милях отсюда! — воскликнул Рикошетников.

— Что за подводная лодка? Неужели эти газетные сенсации с пиратами... — пробормотал Шлиер-Довейко. — Какое принимаем решение, Николай Ефимович?

Несколько секунд Рикошетников молчал, опустив голову. Рисковать кораблем?

Что это за безумная субмарина? Шестьдесят три человека, женщины, дети... Осмелятся ли бандиты напасть на советское судно?

Все собравшиеся в радиорубке затаили дыхание. Никто не смотрел на капитана. Все ждали его решения. В море каждое слово капитана — непреложный закон.

— Идем на сближение, — тихо сказал Рикошетников и бросился к дверям.

...Туманная сирена «Алеши Поповича» выла теперь без перерыва. Судно шло средним ходом. Все свободные от вахты моряки и ученые толпились на баке. Снова, уже совсем близко, дважды бухнула пушка. словно огонек сигареты, повисла в тумане красная парашютная ракета. Пислышались резкие свистки, желтый глазок слабого шлюпочного прожектора выплыл из тумана, и вскоре появились очертания большой спасательной шлюпки под изломаченным, никчемно висящим парусом. Казалось, что не расстояние, а туман приглушает крики людей, зовущих на помощь. Шлюпка была переполнена. Ясно было, что даже при волнении в четыре балла она неминуемо пошла бы ко дну. Сейчас люди, забыв об опасности, встали во весь рост и размахивали руками, но криков их не было слышно, рев туманной си-

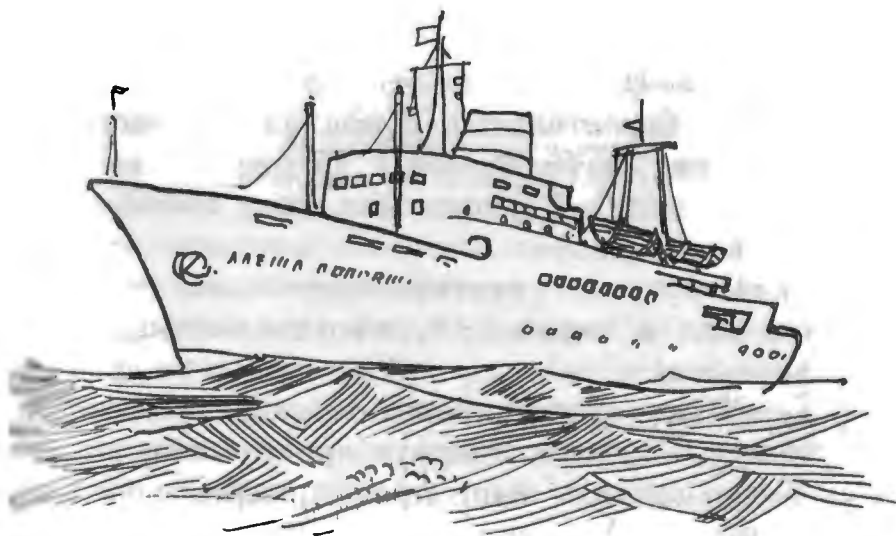
рены «Поповича» прорезали только свистки рулевого.

«Алеша Попович», подчиняясь приказам капитана, осторожно маневрировал и сближался со шлюпкой. Сирена вскоре была выключена, и до слуха скованных напряжением людей донесся хриплый голос со шлюпки:

— Help us! Soviet ship, help us! Sake for Christ!¹

И сразу же после этого крика в тумане возникли очертания большой подводной

¹ Помогите нам! Советский корабль, помогите! Ради Христа, спасите нас! (англ.)

лодки. На мостике лодки замелькал огонек ратьера. Международным кодом было передано приказание:

«Остановить двигатели!»

Николай Рикошетников, не вынимая изо рта трубки, отдал команду. «Попович» просигналил:

«Кто приказывает?»

Лодка в свою очередь запросила:

«Чье судно?»

«Советский научный корабль «Алеша Попович», — ответил Рикошетников. — Кто вы?»

Несколько минут лодка хранила молчание, разворачивалась носом к «Алеше По-

повичу». На мостике ее было видно движение. Спасательная шлюпка раскачивалась уже не более чем в пятидесяти метрах от судна. Слышен был даже женский плач.

«Повторяю — остановить машины! — сигналила лодка. — Через пять минут открываем огонь!»

«Прекратите пиратские действия», — ответил Рикошетников и яростно заорал:

— Спустить штормтрап, принять людей со шлюпки!

В тот момент, когда первые измученные люди со шлюпки упали в руки моряков «Алеши Поповича», неизвестная подводная лодка дважды плюнула огнем. Многоопытный Шлиер-Довейко сразу определил по голосу скорострельную пушку «Расти Шарк»¹ времен Второй мировой войны. Снаряды упали в воду возле самого борта и перевернули шлюпку с «Ван-Дейка». Ужасные крики прорезали туман. Гена опомнился только в воде, куда почти безотчетно бросился на помощь несчастным. Многие моряки с «Поповича» последовали его примеру.

Выпрыгнув из теплой воды, Гена уви-

¹ «Rustu Shark» — «Ржавая акула» (англ.).

дел прямо перед собой торжественно идущую ко дну старую леди с визжащим мопсом в руках. Сильной рукой мальчик обхватил костлявое тело и по всем правилам спасения на воде перевернулся на спину. Вода возле правого борта бурлила.

Два сильных прожектора с «Алеши Поповича» рассеяли туман и уперлись в рубку подводной лодки. Теперь она была отчетливо видна, среднетоннажная субмарина времен прошедшей войны, но, по всей вероятности, сильно модернизированная и приспособленная для особых целей. Никаких знаков различия на корпусе не было. На мостике лодки видно было несколько мужских фигур в синих куртках. Двое мужчин присели возле тупорылой «Расти Шарк». Еще одна пушка вместе с артиллеристами поднималась из скрытой в корпусе шахты.

Шли томительные минуты. Моряки «Алеши Поповича» продолжали спасение людей с «Ван-Дейка». Геннадий помог старой леди ухватиться за канат штормтрапа и бросился на помощь бородачу, за шею которого уцепились двое визжащих карапузов.

Витя Половинчатый без усталости передавал в эфир:

«Всем! Всем! Всем! Я — советское научно-исследовательское судно «Алеша Попович», спасаю людей с теплохода «Ван-Дейк». Неизвестная подводная лодка ведет артиллерийский огонь. Наши координаты...»

Первым откликнулся учебный корвет индийских военно-морских сил, но он находился на расстоянии не менее пяти ходовых часов. Помощи от республики Большие Эмпирей и Карбункл ждать было нечего. Насколько знал Рикошетников, военно-морские силы этой страны состояли из таможенно-погранично-карантинного катера «Голиаф» и корабля-музея «Рыцари ночи».

— Похоже на то, что наше дело табак, — проговорил умудренный опытом Шлиер-Довейко.

— Мне кажется, что бандиты сами оказались в неприятном положении, — сказал Рикошетников. — Они явно в нерешительности. Конечно, они могут уничтожить нас в два счета, но они уже обнаружили себя...

— Разве они не обнаружили себя при нападении на «Ван-Дейк»?

Рикошетников пожал плечами.

— Панамский сухогруз и яхта шейха

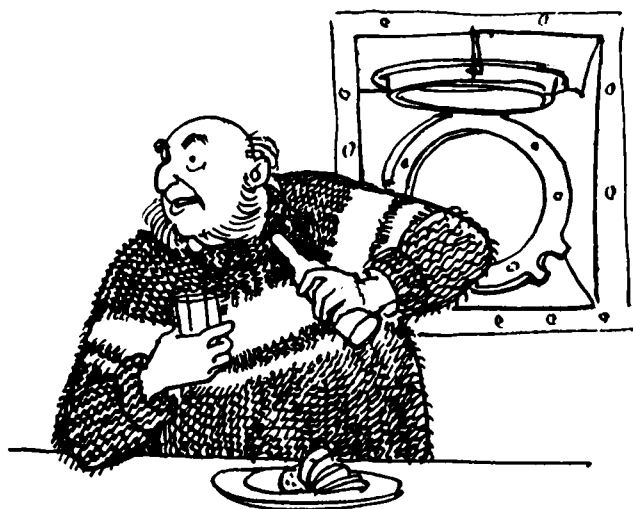
Абу-Даби исчезли, не подав о себе никаких сигналов. Как произошло нападение на «Ван-Дейк», мы пока не знаем...

— Вы думаете... — начал было Шлиер-Довейко, но в это время рулевой Барабанчиков закричал:

— Они погружаются!

Пушка пиратской субмарины быстро уходила в глубь корпуса. Люди с мостика исчезли. Лодка погружалась.

ГЛАВА IV,

*в которой слышится нервный смех,
слетают слезы благодарности, а в конце
звучит бравурная музыка*

Нервный смех сотрясал капитана теплохода «Ван-Дейк» Питера ван Гроота. Огромный голландец, похожий на персонажей картин старых мастеров, облаченный в свитер самого массивного члена экипажа «Алеши Поповича» стармеха Калипсо Яна Оскаровича, на три четверти уже осушил бутылку «Столичной» и все не мог успокоиться.

— Нет, это невероятно, господа! — грохотал голландец. — Пираты! Пираты шестидесятых годов двадцатого века! Презабавно! Ваши аппараты, господа, садятся на Луну, каждую секунду сто тысяч человек дрыхнет над землей в мягких креслах воздушных лайнеров, из своего дома в Утрехте я разговариваю с новозеландской тетей так, словно она у меня в саду подстригает тюльпаны! И рядом с этим... пираты, господа! Элементарный морской грабеж! Джентльмены удачи! Нет, это невероятно! Это просто ши-кар-но!

Он вылил в свой стакан остатки водки, стукнул кулаком по столу и расхохотался пуще прежнего.

— Самое смешное то, что жертвой оказался я — Питер ван Гроот! Знаете ли вы, господа, что мы ведем свой род от самого отчаянного разбойника адмирала Оливера ван Гроота?

— Первого голландца, обогнувшего земной шар на корабле «Мориц» в конце шестнадцатого века? — спросил Рикошетников.

— Именно! Именно! Ну, не анекдот ли? — Капитан выпил водку и затрясся от смеха.

— Успокойтесь, сэр, — мягко сказал ему бывалый Шлиер-Довейко.

Ван Гроот вдруг оборвал смех. Круглое лицо его обрело углы. Остановившийся взгляд уперся в матовый светильник на дубовой стене кают-компаний.

— Я потерял свое судно, почти всех пассажиров, весь экипаж. Если бы не вы... Зачем вы меня спасли?

— Известно ли вам было, капитан, об исчезновении панамского судна и яхты шейха Абу-Даби? — спросил помполит Хрящиков.

— Что-то слышали по радио...

Капитаны, Шлиер-Довейко, помполит, стармех и старпом сидели за круглым столом в кают-компаний. Солнечные блики трепетали на ворсистом ковре и полированной поверхности стола: туман рассеялся. «Алеша Попович» полным ходом шел к столице Больших Эмпиреев Оук-порту.

— Связь с панамским сухогрузом оборвалась в ста милях от Гонконга, — задумчиво сказал Рикошетников. — Яхта шейха пропала к югу от Цейлона. «Ван-Дейк» ограблен и потоплен в ста пятидесяти милях от Больших Эмпиреев. Слишком большой диапазон для одной подводной лодки.

Он положил руку на плечо ван Грооту и мягко сказал:

— Расскажите, как было дело, капитан.

Возьмите эту сигару. Курите и рассказывайте.

— Настоящая «гавана», как я вижу? — несколько оживился ван Гроот, закуривая сигару. — Упман? Недурно!

Он откинулся в кресле, окутался сигарным дымом и начал свой рассказ:

— «Ван-Дейк», джентльмены, был прочной комфортабельной посудиною, но, конечно, не для экспрессных линий. Фирма использует, вернее, использовала нас на круизных рейсах. Мы катали старичков рантье, молодоженов, влюбленных, разочарованных дамочек, короче — чековые книжки средней толщины; впрочем, были и толстосумы. Оук-порт оказался вторым после Сингапура пунктом круиза. Там мы стояли больше недели. Пассажиры наслаждались. Природа там, господа, великолепная, а население — уму непостижимое, сами увидите. К концу недели мы получили отличную метеосводку и снялись из Оук-порта на Зурбаган. Трое суток шли по гладкому, как стекло, морю. Старички гоняли шары, молодежь играла в теннис, танцевала; от этой американской трясучки у меня, господа, уже в глазах стало рябить. Бары работали до утра, боялись даже, что джину до Зурбагана не хватит.

И вот в один прекрасный вечер в девятнадцать ровно в рулевую рубку вошли два этаких франта и шикарная дама, вроде бы какая-то эстрадная певичка. Все трое в масках, господа, и с автоматами. «Руки на голову, — говорят, — и всем в угол!» — «Спокойно, детки, — говорю я, — насчет киносьемок мы не договаривались». И тут девица шарахнула длинной очередью по приборам — только стекла посыпались! Сразу после этого слышались выстрелы из радиорубки. Вахтенный радист грек Леонидас вбежал весь в крови и упал замертво. Нас выгнали на палубу, и тут мы увидели, что в двух кабельтовых от «Ван-Дейка» всплывает эта проклятая лодка и сразу же открывает огонь, сбивает нам грот-мачту. Гангстеры, их было человек десять на судне, уже гонят всех пассажиров на бак, а от лодки идут два моторных вельбота им на подмогу.

Я, господа, во время войны служил в союзном флоте, ходил с караванами в ваш Мурманск, видел всякое... но здесь, сознаюсь честно, я растерялся, я ничего не понимал... какой-то бред...

Кто-то из этих мерзавцев выпустил воду из главного бассейна, всех пассажиров загнали туда, как овец в тюрм, а экипаж

окружили тросом на баке. Малейшая попытка к сопротивлению — сразу автоматная очередь и... труп на палубе. Крики, стоны, плач, а вокруг безмятежное море, закатное солнце и полная пустота. Правда, раз над нами прошел межконтинентальный «Боинг». Какой-нибудь пассажир небось посмотрел вниз и сказал: «Посмотрите, какой пароход беленький...»

Короче, начался самый безобразный грабеж. Часть бандитов пошла по каютам, другие выворачивали карманы, срывали с дам кольца, серьги, остальные держали нас под прицелом. Из глубины судна иногда доносились выстрелы — в машинном отделении, видимо, шла схватка.

Все это продолжалось не меньше двух часов. Наконец нам было приказано спустить шлюпки и занять в них места. Три шлюпки были повреждены «Ржавой акулой», и оставшиеся, конечно, оказались переполненными. Лодка взяла все шлюпки на буксир, встала в позицию и одной торпедой развалила старину «Ван-Дейк» надвое.

Всю ночь лодка шла в надводном положении и тащила шлюпки за собой. Какую судьбу они нам готовили? Почему не уничтожили вместе с судном? Один из моих

матросов сказал мне, что слышал краем уха в Сингапуре о какой-то партии наркотиков. Может, это было столкновение враждующих клик, может быть, мы оказались случайной жертвой?

К утру сгустился туман, и я приказал обрубить буксир. Я хотел попытаться добраться до островов Кьюри, потому что понимал: свидетелей такого дела вряд ли оставят в живых. Должно быть, я был прав. Лодка охотилась за нами с упорством гончей. Если бы не вы...

На «Поповиче» тем временем помогали спасенным: делали перевязки, инъекции, поили бромом, валерьянкой, чаем с малиной, кофе с коньяком, молоком, кому что нравилось.

Старая леди, уже подсохшая и взбившая надлежащим образом седые букли, отыскала своего спасителя.

— What's your name, my young hero?¹ — со скрипучей нежностью спросила она Геннадия.

— My name is Геннадий Стратофонов, madam, — вежливо ответил мальчик.

— Oh Lord!² — Леди подняла к небу

¹ Как вас зовут, мой юный герой? (англ.)

² Боже! (англ.)

глаза цвета увядших незабудок. — Теперь у меня есть два любимых существа! Прежде у меня был один лишь Винстон... — Она поцеловала своего мопса, который осторожно покосился на величественного Пушу Шуткина. — Теперь у нас есть вы — Генна ди Страто... О, это слишком трудно для меня. Я буду называть вас Джин Стрейтфонд... Я включу вас в свое завещание. Винстон получит шестьдесят процентов, а вы, Джин, сорок процентов.

— Благодарю вас, мэм, но это не требуется, — сдержанно поклонился Геннадий.

— Никаких «но»! — категорически заявила дама. — Мой покойный супруг скопил достаточную сумму на моделировании вставных челюстей. На мои фунты, Джин, вы сможете получить приличное образование.

— Мне не нужны ваши фунты, мэм. Я и так получу приличное образование, — ответил Геннадий, слегка задетый за живое.

— Инкредэбл! Невероятно! — воскликнула дама. — Почему вы отказываетесь от денег? Ведь вы же спасли нас с Винстоном!

— Я советский пионер, мэм, и этим все сказано, — сухо вато сказал Геннадий.

— О Лорд! — воскликнула дама. — Не значит ли это, что вы отказываетесь от нашей с Винстоном дружбы?

С глаз ее слетели две-три зеленоватые старческие слезинки, и одна из слезинок упала на загорелое плечо мальчика. Геннадий был тронут искренностью дамы, и он, конечно, учел особенности человека, выросшего и состарившегося в капиталистическом мире.

— Деньги могут только испортить дружбу, мэм, а от дружбы я не отказываюсь.

— Вы святой мальчик, Джин, — на грани рыдания промолвила старушка. — Запишите мой лондонский адрес и телефон. Мы с Винстоном будем ждать вас весь остаток наших дней.

Едва Геннадий записал адрес почтенной миссис Сьюзен Леконсфильд, как по судовой трансляции раздался голос первого помощника Хрящикова:

«Всем свободным от вахты членам экипажа и научным сотрудникам собраться в помещении столовой на информацию».

Геннадий сунул адрес в карман, не подозревая о том, что этот клочок бумаги в скором времени спасет ему жизнь.

В помещении столовой висела карта Республики Большие Эмпирей и Карбункл. Архипелаг наминал перевернутую вниз головой запятую. Десятки крошечных необитаемых островов грядой-загогулиной тянулись к югу, к голове, к сравнительно большому острову Эмпирей со столицей Оук-портом и ко второму по величине острову Карбункл. Перед картой стоял с указкой перпом Хрящиков с лицом удивленного льва.

— Ну вот, товарищи, — сказал он, откашлявшись, — сегодня мы лицом к лицу

столкнулись с парадоксом мира чистогана, где каждый мазурик, купив подводную лодку, может превратить законный отдых в чистый ад. В нашей стране такого безобразия быть не может, это всем ясно. Капитан поручил передать мне благодарность экипажу за выдержку, четкость. От себя скажу, что в этом эпизоде мы себя ничем не скомпрометировали, и это большой плюс.

Теперь главное. Мы идем с дружеским визитом в город Оук-порт. Никогда прежде нога советского человека не ступала на эту отдаленную территорию.

— Вообще-то ступала, — сказал вдруг из третьего ряда плотник Телескопов. — Моя нога и ступала, Лев Африканович.

— А с вами, Телескопов, разговор будет особый! — прикрикнул на него Хрящиков и сделал какую-то пометку в своем блокноте.

— Итак, продолжаю. Нога туда, товарищи, — перпом метнул суровый взгляд на невинную физиономию Телескопова, — не ступала. Население там, товарищи, очень неопределенной нации и имеет неопределенный язык, который мы должны уважать, хотя некоторым и смешно. — Он снова взглянул на Телескопова. — Стоять там будем три дня с тремя целями. Первая

цель — сдать спасенных нами граждан разных стран. Вторая цель — пополним запасы пресной воды и продовольствия. И третья, может быть самая главная, — покажем жителям далекой, но близкой страны истинное лицо советского народа.

Следующее немаловажное сообщение, товарищи. Еще за сутки до сегодняшних возмутительных событий мы запросили у властей Оук-порта разрешение на заход. В ответ получено сообщение, которое Николай Ефимович склонен считать юмористическим: «Разрешаем заход в порт при условии вашего согласия на футбольный матч со сборной республики». Я со своей стороны считаю этот вызов суровым испытанием наших моральных и физических качеств. Надеюсь, что наши судовые спортсмены не ударят в грязь лицом и проведут состязание с присушим им огоньком и задором. Кто бы ни победил, победит дружба. Все, товарищи. Телескопов, останьтесь.

Утром следующего дня с «Алеши Поповича» увидели первый остров архипелага под смешным для русского уха названием Фухс. Весь день шли вдоль гряды островов, и они возникали один за другим, похожие на клумбы, а некоторые с сахарными головками остроконечных гор.

Солнце стало уже клониться к закату, когда показались отвесные базальтовые стены острова Карбункл. «Алеша Попович» вошел в пролив между Карбунклом и Эмпиреем. На горизонте, как сказочное видение, возник Оук-порт.

Гена стоял на ходовом мостике и завороченными глазами смотрел на приближающиеся стены древней крепости, на некогда мощные, то круглые, то острые, как нос корабля, бастионы, на красные черепичные крыши, на купола и шпили соборов, ракетоподобные башни минаретов, на пагоды, похожие на гигантские ели.

— Невероятный город, Гена, правда? — сказал за его спиной капитан Рикошетников.

— Он похож на сказку, — прошептал Геннадий.

— Скорее на сновидение, — сказал капитан.

Древний центр Оук-порта был расположен на небольшом круглом полуострове, соединенном с Эмпиреем узкой перемычкой. Когда-то его мощные бастионы прикрывали две бухты, на набережных которых сразу за причалами высились теперь пяти- и шестиэтажные дома с зеркальными окнами и лепными украшениями,

построенные, по всей вероятности, в конце прошлого века.

В одну из этих бухт заворачивал теперь самым малым «Алеша Попович».

Вдоль всей набережной под пальмами, под сводами гигантских дубов и пиний стояли, глядя на приближающийся советский корабль, толпы эмпирейцев. Толпы людей, загорелых и ярко одетых, усеяли крепостные стены и бастионы. Но — и это было странно, крайне странно! — толпы молчали. В полной тишине дизель-электроход огибал узкий гранитный волнолом. Слышен был только слабый шум турбин. Вода была прозрачна до самого дна, как и во времена адмирала Стратофонтова. Переливались камни на дне, ветвились кораллы, колыхались растения.

— В чем дело? Почему они молчат? — Рикошетников поднес к глазам бинокль. — Все молчат. Некоторые улыбаются... Странные улыбки...

«Алеша Попович» уже обогнул волнолом, когда из-за круглого бастиона с диким ревом вырвался глиссер. С чудовищной скоростью он несся прямо на судно, подобно ослепшему от ярости носорогу. Ни о каком маневре нельзя было уже и думать. Глиссер целился прямо в середину

правого борта, словно хотел протаранить «Попович». В глиссере сидело несколько обнаженных по пояс, мускулистых парней, а на самом кончике его носа стоял, расставив колоннообразные ноги, гигант в плавках, похожих на кусок леопардовой шкуры. Пятьдесят метров, тридцать, двадцать...

— Что они делают?! Самоубийцы! — закричал не своим голосом издававший виды Шлиер-Довейко.

В самый последний момент гигант на носу глиссера мощно оттолкнулся от борта «Поповича», рулевой резко взял влево, глиссер ушел к винту, проскочил прямо под кормой, пролетел вдоль левого борта «Поповича», выскочил в бухту, в снежно-белом вихре описал круг и закачался на волнах.

Парни в глиссере хохотали, держась за животы, а гигант на носу размахивал невесть откуда взявшимся красным флагом.

Сразу же после этого загрохотали оркестры на набережной и на стенах, сотни рук взмахнули красными советскими и эмпирейскими флагами — оранжевый, зеленый и белый круги на аквамаринном фоне. Усиленный динамиком голос прогремел над бухтой:

«Вилькамес совет легопикор бу легопикор Эмпирея!»

— Привет советским футболистам от футболистов Эмпирея, — перевел Телескопов и спокойно добавил: — Эти психи каждое судно так встречают. Скучно им тут. — Он посмотрел на стоящего рядом перпома и добавил: — Но подобный массовый восторг отношу за счет нашего флага, Лев Африканович.

ГЛАВА V,

*в которой слышатся приглушенные
столетиями и тысячелетиями крики
ярости, победные вопли, лязг оружия,
предсмертные крики, слезы ревности
и шепот любви*

За несколько тысячелетий до нашей эры скромный малазийский рыбак Йон, преодолев на своем утлом катамаране необъятное водное пространство, увидел за гребнями волн симпатичный архипелаг. Архипелаг этот показался Йону похожим на перевернутую вниз головой запятую.

Радости Йона не было границ. Наконец-то за долгие годы можно будет обсушиться, сколотить быт, пустить корни!

Преодолев линию прибоя, Йон приступил к выгрузке жалкого скарба и целой группы диких и домашних животных. Активно помогали ему в этом деле его сыновья Мис, Мах и Тефя.

Вскоре путешественники были окружены толпой местных жителей. Волосатые крепыши скакали на четвереньках вокруг катамарана и дружелюбно хрюкали. Йон знаками показал, что хотел бы познакомиться с их культурой.

Туземцы, прыгая друг через друга, что напоминало современную чехарду, повели его к подножию вулкана, над которым в те времена всегда колыхался султан розового ароматного дыма. У подножия вулкана изумленный Йон увидел гигантскую ржавую башню из еще не известных ему металлических сплавов. В мистическом ужасе туземцы упали ниц перед башней. Молниеносная догадка осенила Йона.

Дождавшись ночи, Йон показал туземцам на ярко горевшее в черном небе созвездие Кассиопеи. Туземцы утвердительно захрюкали. Ночь огласилась нечленораз-

дельными стенаниями, полными тоски по столь далекой родине. И тогда Йон понял все.

Он понял, что далекие, очень далекие предки этих существ прибыли к нам на Землю из пучин космоса. Впоследствии под влиянием благостного климата и огромных количеств вкусной дикорастущей еды астронавты обленились и забыли математику. Борьбы за существование на архипелаге, по сути дела, не было никакой, и в течение тысячелетий кассиопейцы стали травоядным племенем хрюкающих волосатых крепышей¹.

Жизнь на благодатном архипелаге пришла Йону и его семье по душе. Вскоре они тоже забыли математику и растворились в местном населении. Оторванное от Древнего мира тысячемильными водными просторами население эволюционизировало очень медленно. В Китае был изобретен уже порох, в Европе уже пылали костры

¹ Любопытно, что культ кассиопейской ракеты сохранился на Больших Эмпиреях до сих пор, хотя исповедует его лишь небольшая кучка островитян, в основном горные крестьяне. Гигантский тотемный столб, в который с тысячелетиями превратилась ракета, представляет удивительную загадку для ученых всего мира.

инквизиции, а островитяне еще не научились добывать огонь.

«Зачем? — думали они. — Зачем нам тереть палку о палку, бить кремнем по кремню, мудрить над паровой машиной, когда черепахи яйца прекрасно выпекаются в прибрежном песке, а рыба варится в горячих лужах на склонах вулкана? Зачем нам, собственно говоря, порох, когда не с кем воевать, а дикие животные, привезенные Йоном, занимаются своим делом и никому не мешают? Зачем?»

Нельзя сказать, что архипелаг совершенно не посещался завоевателями. Изредка посещался.

Однажды, в III веке до нашей эры, островитяне проснулись от страшного скрипа. В океане качался гигантский деревянный корабль. Это был таранный корабль, построенный по приказу египетского фараона Птолемея Филафотора. Вот уже десять лет двести весел, к которым было приковано полторы тысячи рабов, несли этот жутко скрипящий корабль по мировым водам, и все эти десять лет три тысячи воинов, разделившись на партии носа и кормы, вели на палубе братоубийственную войну. Война была очень жестокая и увлекательная, с небольшими перерывами

для приема пищи, которые происходили в общей трапезной в центре судна. Корабль, разумеется, во время войны не управлялся. Только этим и можно объяснить, что его занесло так далеко, и он сел на мель в виду нашего блаженного архипелага.

Здесь, на мели, произошло решительное сражение, в ходе которого «партия носа» перебила «партию кормы» до последнего человека. Впрочем, «кормовики» не остались в долгу и ответили «носовикам» тем же. В трюме к тому времени осталась одна амфора с прокисшим вином, голова сыра, по твердости не уступающая гончарному кругу, и окаменевшая бычья туша.

Оставшись без дела, рабы немного поскучали, потом стряхнули ржавые цепи, поделили поровну продукты питания, высадились на сушу и быстро растворились среди местного населения.

Дорогое убранство чудовищного дредноута древности: колонны из кипариса, изделия из слоновой кости и паросского мрамора — долгое время украшали незатейливые жилища островитян, а сейчас являются достоянием городской управы Оук-порта.

В другой раз, а именно в VII веке уже нашей эры, во вторник после обеда остро-

витяне были разбужены звоном железа и диким зубовным скрежетом.

В прибрежный песок врезалось острым носом небольшое суденышко. Излохмаченный полосатый парус полоскался под ласковым ветром, а на песке стояли, растянувшись в цепочку, двадцать четыре свирепых вонючих мужика в звериных шкурах, с круглыми щитами и длинными мечами.

Это были скандинавские викинги, ограбившие уже берега Фландрии, Британии, Испании, Марокко, Индии и множества других стран. После последнего разбоя в какой-то стране, название которой они забыли, они вышли в море и много недель плыли в северо-юго-западно-восточном направлении. Вокруг была одна вода, воевать не с кем, на ладье теснотища. Викинги скучали, ругались друг с другом, и неизвестно, чем бы это кончилось, если бы не наткнулись они на наш блаженный архипелаг.

Подняв мечи и исторгая воинственные клики, они бросились на удивленных спросонья островитян. Ясно было, что пощады не будет никому. Островитяне, как пугливые лани, взлетели на свой любимый вулкан, а тяжелоногие викинги вдруг остановились, увидев котел с вареными крабами,

лангустами и омарами, связки копченой рыбы и гирлянды бесплатных фруктов.

«Сперва закусим, — подумали они. — Сперва как следует подзаправимся, а потом уж пограбим, побесчинствуем за милую душу».

Двенадцать викингов с жутким хрустом и чавканьем взялись за еду, а двенадцать других заняли круговую оборону.

Островитяне красивыми оленьими глазами наблюдали за викингами, радуясь их хорошему аппетиту.

Насытившаяся половина шайки сменила охрану, но тут же заснула. Вскоре заснули и остальные.

Проснувшись, викинги увидели над собой шелестящие ветви вечнозеленых дубов и пальмовые листья, а еще выше ласково подмигивающее созвездие Кассиопеи, слышали шорох волн и дивное пение местных девушек. Воткнув в песок свои мечи, викинги быстро растворились среди местного населения.

Были и другие гости. Индийские купцы и полинезийские рыбаки находили спасение на архипелаге во время шторма. Иной раз любопытства ради приплывали африканцы на плотах из папируса и персидские конокрады. Море порой выбрасывало

на берег людей совершенно неизвестных наций, и не было иноземца, который, разобравшись в обстановке, не растворился бы мигом среди местного населения.

Так шли века. Так формировалась нация нынешней Республики Большие Эмпиреи и Карбункл. Мирная элегическая жизнь царила на архипелаге многие столетия, пока не началась эпоха Великих открытий и великого разбоя.

Первым профессиональным пиратом, попавшим на архипелаг, была, как ни странно, женщина.

Известно, что в начале XIV века баронесса де Клиссон из Нанта, мстя королю Франции за казнь своего мужа, снарядила три корабля и взялась грабить и жечь прибрежные города, не брезгуя и встречными кораблями.

Против мирных жителей, которым ее бандюги вспарывали животы, баронесса лично ничего не имела, но она прекрасно знала, что от каждого ее набега у короля Франции портилось настроение, и это доставляло ей чрезвычайно сильное удовольствие.

— Шерше ля фам! Ищите женщину! — кричал король на своих адмиралов, но толку от этих криков было мало.

Много месяцев продолжалась эта своеобразная месть, а правительственные корабли никак не могли напасть на след эскадры кровожадной мадам.

И вдруг разбой прекратился. Пиратская эскадра как в воду канула. Собственно говоря, все так и считали, воображая, что страшный Бискайский залив сделал то, что не могли сделать корабли французского флота.

На самом же деле мадам де Клиссон неожиданно направила свою эскадру к югу. Ее вдруг охватили мучительные угрызения совести, и она решила навсегда покинуть наказанную ею Францию.

Задолго до знаменитого Васко да Гама мадам де Клиссон обогнула мыс Доброй Надежды, не обратив на него особого внимания. Долгие месяцы, пока корабли шли через Индийский океан, женщина-чудовище стояла на коленях в своей каюте и замаливала свои грехи.

Волны становились все выше и выше, они вздымали неуклюжие нантские барки в пугающую высоту, и мадам Клиссон казалось, что она возносится на небеса.

Однажды с гребня рекордно высокой волны рыдающая дама увидела цветущие острова с белыми сахарными головками

гор. Ее осенила идея, что архипелаг этот ниспослан ей как искупление грехов, и она воскликнула:

— Вот они, блаженные Эмпиреи!

Французы высадились. Несколько дней они буянили и безобразничали, отдавая дань старым привычкам, а потом, успокоившись, растворились среди местного населения. На небольшом круглом полуострове раскаявшаяся грешница построила часовню, заложив тем самым основу будущего города Оук-порта.

Еще одно столетие прошло в тихом блаженстве.

Затем в субботу перед обедом островитяне были разбужены громом пушек. В нескольких кабельтовых от берега на озорных волнах приплясывали галеоны свирепого португальского адмирала Жоао-Нуньеса да Гаэтано.

Закованные в сталь португальцы водрузили на потухшем уже вулкане свой флаг, воздвигли путем нещадной эксплуатации островитян мощные крепостные стены, и архипелаг превратился в португальскую провинцию, а Жоао-Нуньес да Гаэтано стал губернатором.

Казалось бы, начался жестокий колониальный режим, но... годы прошли, и мрач-

ные аркебузники растворились среди местного населения, флаг изжевали любопытные горные козлы, а грозный губернатор превратился в обыкновенного бандюгу с большой дороги. Всякий раз, как у него кончался нюхательный табак, он снаряжал галеон для разбоя и надолго покидал свои владения.

Архипелаг стал настоящим прибежищем «джентльменов удачи» всех наций, вольной хулиганской республикой. Здесь бросали якоря пираты, флибустьеры, буканиры, корсары и каперы всех мастей. Все цивилизованные страны проклинали дьявольское разбойничье гнездо, не догадываясь, впрочем, об одном весьма важном и странном обстоятельстве.

Дело в том, что блаженный архипелаг не плодил пиратов, а как раз наоборот — сокращал их число. Множество отъявленных мерзавцев под влиянием красоты и свободы забывали о своем преступном прошлом и растворялись среди местного населения. Примером этому может служить случай со знаменитым корсаром Бархатым Чарли, прозванным так за то, что он никогда не снимал камзола из черного бархата.

Однажды, в XVIII веке, перед ужином

часовые на башнях были разбужены диким голосом Бархатного Чарли.

Бригантина негодя под идиллическим именем «Уайт Свон» («Белый лебедь») барражировала вдоль крепостных стен. Капитан, расставив ноги в драных ботфортах, стоял на юте и орал в рупор своим нехорошим диким голосом:

— Отдавайте красавицу Марго!

Вдоль правого борта с дымящимися фитилями в руках стояли его канониры, и все, как замечено было с башен, в плохом настроении.

— Какую еще вам красавицу Марго? — крикнул долгоязыый Маркус Джереми Йон, представитель одной из старейших семей архипелага.

— Сами знаете какую! — заорал Бархатный Чарли. — Отдавайте немедленно! Открываю огонь всем правым бортом!

Впоследствии выяснилось, что его любезная красавица Марго, сбежавшая с «Белого лебедя» на Ямайке, нашла себе пристанище на островах Кьюри, где и одичала вместе со своим возлюбленным Хьюлетом Бандерогой. Бандерога же перед бегством сумел ввести в заблуждение Бархатного Чарли, чем навлек на черепичные крыши Оук-порта град каленых ядер.

Битва продолжалась около трех часов. Островитяне, кое-чему научившиеся за истекшие столетия, смогли дать наглецам достойный отпор. Когда Бархатный Чарли очнулся в развороченном им до неузнаваемости трактире «Синька», к нему подвели юную Юкко-Паулину Йон, племянницу Маркуса Джереми.

— Не та ли это, кого вы искали, храбрый моряк?

— Собственно говоря, ничего общего, — прорычал Бархатный Чарли, потирая ушиб-

ленную рукояткой пистолета голову. — Да, собственно говоря, это и не имеет никакого значения...

Вот вам пример. Негодяи Бархатного Чарли, которые могли бы причинить столько горя жителям Цейлона, Бенгалии, Австралии и Чили (а именно такие были у негодеев планы), превратились на нашем архипелаге в мирных скобарей, виноградарей, рыбаков или просто в бездельников, а страшилище южных морей «Белый лебедь» стал «прогуливать» в своих трюмах местное вино «Горный дубняк» для придания ему должного вкуса.

Больше того, сам Бархатный Чарли, для которого в Британском адмиралтействе давно была свита пеньковая веревка, стал почтенным гражданином Оук-порта, а впоследствии первым президентом Республики Большие Эмпирей и Карбункл. Именно он, Чарли-Велюр, завез на архипелаг любимую игру лондонской голытьбы, известную теперь всему миру под названием «футбол», и именно эта игра принесла ему неслыханную популярность.

Так на солнечных пляжах и в тенистых лесах формировалась прелюбопытнейшая нация Больших Эмпиреев и ее невероятный язык, вобравший в себя лаконичность

кассиопейского, певучесть малазийского, высокопарность португальского, мужественность английского, образность пиратского жаргона и разные замечательные качества многих других лексиконов. Любой мизантроп, попав на архипелаг, становился оптимистом и шутником и растворялся в добродушном, веселом, немного ленивом, но талантливом местном населении. И только лишь самые отъявленные негодяи и мрачные скопидомы не могли прижиться на красивых островах. Они пересекали пролив и высаживались на базальтовые скалы единственного неприветливого острова во всем архипелаге — острова Карбункл. Их влекла туда дурацкая лживая легенда, которая и дала имя этому острову.

Легенда гласила, что Хьюлет Бандерога, перед тем как скрыться и одичать на архипелаге Кьюри, штормовой ночью высадился на этом острове и закопал где-то там невероятнейший драгоценный камень — карбункул — величиной со страусиное яйцо. Где мог достать свистун Бандерога такой ценный предмет, легенда не объясняла, да это и не нужно было тупым маньякам-кладоискателям. Пошлые призраки богатства и власти влекли этих лю-

дей на остров, базальтовые скаты которого напоминали гигантскую крепость. Более полувека шли поиски несуществующего «страусинового яйца», за это время на острове возникло некрасивое поселение, где, казалось, сам воздух был пропитан подозрительностью и злобой. Жители этого городка, носящего непривлекательное имя Стамак (Желудок), отличались большой физической силой, но были тупы и раздражительны. С веселыми и беззаботными эмпирейцами они не поддерживали почти никаких отношений, хотя и согласились войти в республику на правах автономной единицы.

Этот остров с его историей и населением был источником бесконечных анекдотов для всех жителей архипелага, но в то же время оставался сумрачной загадкой, своеобразным памятником кровавому и жестокому времени. Иногда до Оук-порта долетали через пролив звуки выстрелов, нестройное злое пение, но большей частью Карбункл хранил молчание.

Тем временем наступил просвещенный XIX век. Морские пути стали безопасными, мировая торговля бурно развивалась.

Большие Эмпиреи, расположенные в зоне пассатов, показали удобным перева-

лочным пунктом для парусных караванов. Жизнь на архипелаге в те дни была ключом. Гавани благоустраивались, Оук-порт становился все богаче и импозантнее. Развивались ремесла и искусства. Архипелаг торговал с Европой, Азией, Африкой, Америкой и Австралией. Везде находили спрос эмпирейские товары: перья райских птиц, вино «Горный дубняк», пробковое дерево, копра, жемчуг, ароматические масла.

Тогда-то и появился у берегов архипелага кровожадный Рокер Буги, последний, если можно так выразиться, «пират классического типа». Базируясь на Карбункле, населению которого он пришлось весьма по душе, новоявленный пират нападал на караваны, идущие в Оук-порт, и нещадно их грабил. Увы, чудовище долгое время оставалось безнаказанным: морские министерства Португалии, Великобритании, Франции, Германии, Испании и Нидерландов спорили друг с другом. Едва одна из названных стран собиралась направить к архипелагу карательную экспедицию против Рокера Буги, как все остальные заявляли решительный протест. Все эти названные страны считали Большие Эмпиреи своей собственностью.

Наглость Рокера Буги дошла до того,

что, явившись со своими головорезами в сенат, он низложил республику и объявил себя императором архипелага. И тогда беззаботные островитяне восстали. Единственный военный корабль, десятипушечный бриг «Рыцари ночи», ныне ставший кораблем-музеем, открыл огонь по пиратской эскадре, однако весь его экипаж был беспощадно вырезан в абордажном бою. Рокер Буги предал Оук-порт огню и мечу. Столб пламени стоял над городом, когда на горизонте появились паруса русского клипера «Безупречный», направляющегося на отдых в Оук-порт после картографической разведки островов Кьюри. Остальное известно уважаемому читателю.

Население Больших Эмпиреев вновь получило возможность для своего бурного процветания. Оно процветало до тех пор, пока паровые машины окончательно не вытеснили парус. Новые, некрасивые, но более надежные суда, не зависящие от пассатных ветров и течений, проложили в океане другие пути, и Большие Эмпиреи оказались в стороне. Редко-редко швартовались теперь суда в удобных гаванях Оук-порта.

Однако эмпирейцы не тужили. Да и чего им было тужить? Ведь море по-прежнему

му было прозрачным, и рыба в нем не перевелась, фруктовые деревья плодоносили по-прежнему, дубы, пинии и пальмы шелестели так же ласково, как и в прежние времена, и так же ласково подмигивало по ночам созвездие Кассиопеи.

Может быть, Володя Телескопов был отчасти и прав, может быть, эмпирейцам действительно было немного скучновато, но у них была большая всепоглощающая страсть — футбол, завезенный, если помните, сюда еще Бархатным Чарли. Они называли свою любимую игру «булоногом», а игроков «легоперами». Они были убеждены, что обладают самой мощной командой мира, но у них никогда не хватало денег, чтобы съездить в Европу или в Южную Америку проверить свои силы, да они и не знали толком, что такое деньги¹.

Заманивая в свои гавани корабли раз-

¹ Кстати сказать, эмпирейцы и сейчас до конца не понимают сложности современных денежных отношений. Огромная их красочная банкнота — велюр, напоминающая старинную гравюру с парусами, башнями и амурами, вызывает улыбки в банках всего мира. Карбункл, однако, завел себе собственную денежную единицу — клукс, которая обменивается на зуры в сберкассе № 6 города Зурбагана.

ных стран, эмпирейцы вызывали их экипажи на буложные поединки и обыгрывали с ужасающим счетом. Последний, например, матч с командой несчастного «Ван-Дейка» закончился со счетом 44:0 в пользу местных легоперов.

Так шла жизнь, и никто, или почти никто, из потомков обленившихся астронавтов, предприимчивых малазийцев, африканцев, мидинян, карфагенян, индусов, объевшихся викингов и раскаявшихся пиратов не подозревал о том, какие тучи собираются над их небольшой страной, никто, или почти никто, не мог вообразить себе события, о которых пойдет речь в следующих главах. Итак, читатель, внимание...

ГЛАВА VI,

*в которой веселые голоса перемежаются
злыми выкриками, трещат мотоциклы
и невнятно бубнит «резинщик»*

— Странное дело, Николай, — сказал Геннадий Стратофонов капитану Рикшетникову. (Оставаясь наедине, Геннадий позволял себе называть своего старшего друга просто по имени.) — Происходит какое-то чудо, Николай. Мне кажется, что я начинаю, Николай, понимать эмпирейский язык. Взгляните, например, на этот транспарант, Николай.

Друзья в густой толпе шли по вытертым до блеска мраморным плитам старого Оук-порта. В бесчисленных магазинчиках, лавчонках, барах и кафе главной улицы Пикокабанауэй кишела говорливая, возбужденная жизнь. Казалось, воздух наэлектризован ожиданием завтрашнего футбольного поединка. Посередине улицы приплясывающая толпа болельщиков несла огромный транспарант, на котором было начертано:

**РИККО СИЛЛА МИЛАЗ: АВАРА
СПАРО КЭКС ХАВА КЕМТ УРА КЭКС
ХАВА ЛИПАНДРА! ХУХС РИККО СИЛЛА,
БЕСТАДО ЛЕГОПЕР ПЕЙСО!**

— Рикко Силла заявляет, — переводил Геннадий, — наши соперники забьют столько голов, сколько смогут. Мы — сколько захотим! Да здравствует Рикко Силла, лучший футболист вселенной!

— Знаете, Гена, это очень странно, — сказал капитан, — но мне тоже кажется, что я что-то понимаю, а ведь этот язык не похож ни на один из знакомых мне языков.

— Вон та старушка в белом накрахмаленном чепце сейчас сказала старику в си-

них штанах: «Не пора ли домой, Хусай?» — сказал Геннадий.

— «Еще один стаканчик, и баста», — ответил ей на это старик», — смеясь, подхватил капитан. — А вон та девушка, видите, рыжая девушка, говорит своей подруге: «Завтра я надену белые бусы...»

— Парень крикнул кому-то в толпе: «До вечера!»

— Продавец уверяет, что у него настоящий бразильский кофе...

— Давайте попробуем поговорить с кем-нибудь из них, — предложил Геннадий.

Друзья сквозь бамбуковую занавеску вошли в полутемную прохладную лавчонку. Толстый хозяин в красной майке с цифрой «9» на спине тут же закрутился возле них.

— Вилькамис, вилькамис, якшито немо!

— Пуззо, гайлесвитохлади, — попросил его Геннадий и тут же получил кусок мороженого в шоколаде.

— Пуззо, гай ле тубака пюр пикса, — попросил капитан и тут же получил коробку трубочного табака «Летучий голландец».

— Хава киста свитохлади ри тубака? — спросили друзья, имея в виду стоимость купленных предметов.

— Фуна велюр свитохлади, фуна велюр тубака, — сияя от счастья, ответил толстяк.

Капитан протянул ему две огромные местные банкноты с башнями, парусами, амурами, пушками и арбалетами.

— Нет-нет, только один велюр, — запротестовал торговец.

— Но вы ведь сказали, что мороженое стоит один велюр и табак стоит один велюр...

— Да-да, совершенно верно, — ответил толстяк, умиляясь догадливости иностранцев.

— А все вместе?

— Тоже один велюр!

— Та-ак... — почесал в затылке Рикшетников. — Позвольте тогда узнать, сколько стоит весь ваш магазин?

— Один велюр, — сказал хозяин.

— А вот эти игральные кости?

— Тоже один велюр!

— Да как же это так получается? — воскликнули разом пораженные друзья.

Толстяк смущенно хмыкнул и потупил глаза.

— Все иностранцы удивляются этому, господа, но... понимаете ли... он такой красивый, наш велюр...

— Благодарю вас. До свидания, — ска-

зал капитан, засовывая в карман лишний велюр.

— Вилькамис. Вилькамис. Гретто, сенькьюри!

Жуя мороженое и куря табак, друзья двинулись дальше. Они шли к зданию сената, где, как объяснили им в порту, должны были сегодня состояться большие дебаты по вопросу завтрашнего матча.

— Джин! Мой юный герой! — услышал вдруг Геннадий за спиной, и на плечо ему легла легкая, как куриная лапка, рука.

Пожилая леди Сьюзен Леконсфильд выглядела самым невероятным образом. Шея ее была унижена местными глубоководными жемчугами, мочки ушей были украшены пунцовыми серьгами, над седыми буклями колыхались перья райских птиц, а костлявые бедра были обтянуты ярчайшей эмпирейской мини-юбкой.

— Джин, сокровище мое, спасенные тобой создания сегодня через час улетают домой, в свою уютную квартирку, — лепетала старая леди. — Позволь мне поцеловать тебя, мой мальчик, мой рыцарь, мой хрустальный дельфинчик, мой...

Потрясенный «хрустальным дельфинчиком», Геннадий подставил щеку и получил отличный поцелуй.

Капитан Рикошетников с галантностью, привитой ему еще в Высшем мореходном училище, поцеловал даме ручку.

— На местном дирижабле мы доберемся до Зурбагана, а там пересядем на «комету», — продолжала старушка. — Поцелуй же своего нареченного братца, мой мальчик.

Содрагаясь от отвращения, Геннадий поцеловал Винстона в слюнявую пасть.

Мопс вяло лизнул его в ухо. Геннадий заметил, что «нареченный братец» дрожит от страха и заглядывает ему через плечо. Он обернулся и увидел деловито идущего по мрамору Пушу Шуткина. Над котом, словно флаг, горделиво реял его выдающийся хвост.

— А вон еще один член нашего экипажа, — улыбнулся капитан.

Пуша Шуткин вдруг взлетел на дождевую трубу, мелькнув на карнизе черным хвостом. Задержавшись на секунду на голове какой-то кариатиды, Пуша Шуткин обернулся к друзьям, развел передними лапами — извините, мол, дела, и тут же исчез.

Попрощавшись с леди Леконсфильд, друзья двинулись дальше. Извилистая Пиккобанауэй вдруг вытекла на довольно

широкую площадь, в глубине которой высилось здание сената с коринфскими колоннами, готическими шпилями и лепкой рококо.

Перед сенатом высился величественный памятник предку ленинградского пионера «Адмиралу Серхо Филимоныч Страттофудо», как именовали его благодарные островитяне.

Скромный мужественный путешественник был изображен скульптором как бы на капитанском мостике, но одновременно и на коне. Его гордую голову, с лицом, исполненным благородного гнева, венчал крылатый шлем. Правой рукой Страттофудо поражал акулopodobного Рокера Буги, а левой защищал пышную улыбающуюся деву, символизирующую эмпирейскую свободу!

— О ужас! И это мой прапрапра... — прошептал Геннадий, вспомнив добродушный и даже несколько застенчивый взгляд фамильного портрета.

— Представляете, что здесь начнется, если обнародовать ваше происхождение, Геннадий? — засмеялся капитан.

— Умоляю вас не делать этого, Николай! — воскликнул мальчик. Скромность всегда была его отличительной чертой.

Рикошетников промолчал. До поры до времени он решил не волновать друга, не говорить ему о том, что он вместе с Хрящиковым и Шлиером-Довейко решили обнародовать его происхождение на завтрашнем футбольном матче, и сделать это было решено для расширения и углубления дружеских контактов.

Друзья поднялись по мраморной лестнице и скрылись в здании сената. Они уже не видели, как через пять минут на площадь с грохотом ворвались два десятка мрачных, затянутых в черную кожу хулиганов на мотоциклах. Они не видели, как хулиганы начали злоеющее кружение вокруг памятника, поливая его желтой краской и отвратительной хулой, забрасывая яйцами и тухлыми крабами. Они не видели, как толпы возмущенных эмпирейцев пресекли эту неожиданную вылазку жителей Карбункла (а это были именно они) и покрыли их головы позором.

В чем же была суть этого странного инцидента? Оказалось, что на Карбункле вдруг вспыхнула яростная компания против футбольного матча. Жители Карбункла, для которых ранее один их жалкий клукс был дороже всего мирового футбола, которые до сего утра не слышали да-

же имен Пеле и Гершковича, вдруг выступили с яростными нападками на футболистов «Алеси Поповича» и послали лучших своих хулиганов для осквернения памятника русскому адмиралу.

А Геннадий и капитан Рикошетников сидели тем временем в галерее для гостей и наблюдали заседание сената Республики Большие Эмпирей и Карбункл.

Спикер сената возвышался над всем собранием, сидя по традиции на огромной бочке знаменитого «Горного дубняка». Одет он был также традиционно: бархатный камзол, драные ботфорты, красная пиратская косынка на голове. Оба его глаза крест-накрест закрывали традиционные черные повязки. В руке он держал кремневый пистолет XVIII века, выстрелами из которого пресекал шум в зале.

Сенаторы же, их было ровно две дюжины, одеты были кое-как. Правая оппозиция, шесть представителей Карбункла, все были в черных суконных тройках, а остальные — в расстегнутых жилетах, в рубашках, иные так просто в майках. Президент республики Токтомуран Джечкин, явившийся на заседание прямо с тренировки, был в доспехах футбольного вратаря.

Среди этого странного общества изыс-

канностью и строгостью наряда выделялась красивая статная дама с длинными черными волосами и лицом, словно вырезанным из слоновой кости.

— Кто эта дама, месье? — спросил Рикшетников оказавшегося по соседству вертялого француза.

— Это женщина-сенатор мадам Накамура-Бранчковска, — зашептал сосед. — Вчера я удостоился быть приглашенным к ней на прием. Поверьте, месье, такой обаятельной и импозантной дамы не встретишь ни в Лондоне, ни даже в Париже. Говорят, что она происходит из рода де Клиссон...

Спикер выстрелил в потолок, вынул изо рта традиционный кляп и глухим голосом возгласил:

— Слово предоставляется господину президенту.

Токтомуран Джечкин, подтягивая черно-бело-лиловые трусы, поднялся на трибуну.

— Господин спикер, господа сенаторы, господа! Вчера народ Эмпиреев приветствовал в своем порту советский фрегат «Алеша Попович»! Любимец нашего народа лучший футболист вселенной Рикко Силла первый коснулся борта этой бригантины.

Советская каравелла, господа, занимается в океане наукой, но это нас, слава Богу, не касается. Мы будем счастливы встретиться с легоперами этой далекой и, как утверждают, большой страны, команда которой заняла пятое место на так называемом первенстве мира в Англии.

Господа, вы знаете, что сила удара левой ноги Рикко Силлы равна одной тысяче пятистам килограммов, тогда как удар пресловутого, но уважаемого всеми нами Пеле весит всего лишь восемьсот килограммов. Какое же может быть первенство без команды Больших Эмпиреев?

Трибуны для публики взорвались бешеным восторженным ревом. Спикер выстрелил в потолок.

— От себя лично, господа, — продолжал президент, — я заявляю: в завтрашнем матче я парирую восемь пенальти и вытащу столько же мячей из «девятки». Лозунг Рикко Силлы вам известен. Уверен, что сенат единогласно одобрит встречу наших легоперов с советскими футболистами, прибывшими к нам на галеоне «Алеша Попович». Я кончил, господа!

Спикер снова пальнул в потолок.

— Слово имеет старейшина Совета Копальщиков острова Карбункл достопочтен-

ный кавалер Ордена Счастливой Лопаты полковник Бастардо Мизераблес ди Порк-и-Гусано.

На трибуну поднялся высокий мощный мужчина лет сорока с бананообразным носом, лохматыми гусеницами бровей, похожим на утюг подбородком и странными на этом фоне тоненькими усиками. Лицо этого господина показалось знакомым Геннадию и Рикошетникову, но вспомнить его они не смогли. Как-то очень уж не связывались между собой сенат далекой неведомой страны и милый сердцу, проступающий сквозь снег вид Ленинграда... Кировский мост, Петропавловка, памятник Суворову...

Бастардо Мизераблес ди Порк-и-Гусано грохнул страшным кулаком по трибуне и завопил на карбунклском наречии эмпирейского языка:

— Вжыл жыз всплых сиплствоу! Черчелянто ри фларт! Газ-зо азаф Карбункл жрав Эмпирея гам, га фула, брегадл!..

Грубая речь его была почти непонятна нашим морякам. Уловить можно было лишь отдельные бранные слова: трусы, предатели, лентяи, провокаторы, идиоты, коварные происки и тому подобное. Ясно было одно: кавалер Ордена Счастливой Лопаты яростно протестовал против друже-

ского спортивного поединка, обвинял и угрожал.

Никто не ожидал такого поворота дела. Изумленные сенаторы левого крыла и центра вскочили, размахивая руками. Шум на галереях для публики поднялся невообразимый. Круглый, как мяч, седоватый сенатор в красной футболке с цифрой «3» одним прыжком взлетел на трибуну и закричал:

— Позор недостойным копальщикам Карбункла! Вам не поссорить нас со славными ребятами, не дрогнувшими даже перед лицом бандитской подлодки! Занимайтесь своим делом, копите свои грязные клуксы и не лезьте в чистый футбол! Да здравствует дружба! Да здравствуют посланцы страны нашего героя Серхо Филимоныч Страттофудо!

Шум усилился еще больше. Полдюжины черных сюртуков сиплыми глотками рывкали какую-то гадость. Спикер палил уже из двух пистолетов. И тогда, слегка поправив свои длинные волосы, встала мадам Накамура-Бранчковска. Все мгновенно затихли. Видимо, вес этой женщины в эмпирейском обществе во много тысяч раз превышал ее собственный вес, вполне соответствующий изящным парижским стандартам.

— Господа, — мягким глубоким голосом сказала женщина-сенатор. — Никто из присутствующих не упрекнет меня в презрении к футболу. Все помнят, что именно я открыла счет в матче с командой австралийского авианосца «Кукебурре». В это же время остров Карбункл отлично знает, с каким уважением я отношусь к его трудолюбивому мужественному населению. По этим двум причинам я воздерживаюсь от голосования и приглашаю всех присутствующих на мой сегодняшний вечер «Вальс незнакомых цветов».

Очаровательно улыбнувшись, она села. В зале царило недоуменное молчание. Позиция влиятельной дамы явно всех озадачила.

— Начнем голосование? — сквозь традиционный кляп еле слышно произнес Спикер.

— Начнем! Начнем! — слышались неуверенные голоса.

Президент Токтомуран Джечкин крикнул со своего места:

— Господа, я забыл добавить! Рикко Силла сегодня ударом головы выворотил штангу!

Взрыв энтузиазма погасил последние сомнения:

— Голосуем, и дело с концом!

И тогда правая оппозиция прибегла к последнему коварному способу погасить волю народа. Она выпустила на трибуну так называемого «резинщика». Все в зале поняли, что это значит, когда «резинщик» начал с первой страницы читать «Хартию вольностей» толщиной в мраморную плиту, а под рукой у него еще были «Ветхий Завет», «Коран» и «Антология мирового фольклора». Увы, таков был закон эмпирейского сената — оратор мог выступать столько, сколько хотел, а «резинщик» с Карбункла, видимо, собирался выступать не меньше четырех дней. Сенат же не мог проголосовать, пока он не кончит.

— Поразительно, — прошептал капитан Рикошетников, — к этому средству в буржуазных псевдodemократиях прибегают только в крайнем случае. Никогда не думал, что футбольный матч вызовет такие страсти. Что все это значит и кому все это нужно?

Прошел час. В зале уже слышалось носовое посвистывание засыпающих сенаторов. Спикер, свернувшись в клубок, спал на своей бочке. А «резинщик» все бубнил и бубнил:

— ...Итак, параграф седьмой пятого

подпункта установления о торговле гласит, что производство пуговиц разрешается при предъявлении определенного числа доказательств о возможности такого производства, обусловленных пунктом «а»...

— Пойдемте в порт, Геннадий, — сказал Рикошетников. — Дело ясное, что дело туманное.

Он обернулся и увидел, что мальчика рядом с ним нет.

ГЛАВА VII,

*из которой доносятся до нас стук
теннисного мяча и страшный хруст,
с которым мощные челюсти разгрызают
клешни омара*

Первое, что услышал Геннадий, очнувшись, был звук, похожий на грохот работающего рядом отбойного молотка. Потом лопатки его ощутили холод каменного пола. Глаза устремились вверх, и мальчику показалось, что он лежит на дне глубокого каменного колодца. Голова закружилась.

— Где я? Что со мной?

Геннадий приподнялся на локтях и осмотрелся. Нет, это был не колодец, скорее старая узкая крепостная башня. Стены грубой кладки уходили вверх. Сквозь стрельчатое окно на самом верху, скорее похожее не на окно, а на мушкетную бойницу, узкая полоса яркого солнечного света косо шла вниз и падала на привалившегося к стене дюжего детину в штанах военного образца и в белой майке со штампованными автографами кинозвезд. На коленях детины лежал тупорылый автомат-люгер. Детина храпел, и именно этот храп создавал впечатление работающего рядом отбойного молотка.

Через секунду Геннадий вспомнил все. Он вспомнил, как, утомленный нудным завыванием «резинщика», тихо покинул галерею для гостей и решил прогуляться по зданию эмпирейского сената.

Он шел гулками сводчатыми коридорами, разглядывал стоящие в нишах фигуры средневековых воинов, входил в пустые залы и смотрел на огромные картины, поразительно напоминающие эмпирейскую банкноту велюр.

Открыв очередную дверь, Геннадий запутался в каких-то тяжелых шторах. Пытаясь выбраться из парчовых складок, он

услышал негромкие мужские голоса и наконец увидел в щелку трех джентльменов, развалившихся в креслах и прихлебывающих из высоких стаканов янтарное виски. Он хотел было уже с извинениями удалиться, как вдруг услышал...

— Этот идиотский футбольный матч не должен состояться ни в коем случае, — сказал тихо голубоглазый блондин с очень странным утиным носом. — И вообще советскому кораблю нечего делать возле архипелага.

— Видите ли, мистер Мамис, — обратился к утконосому глыбоподобный господин, — меня самого и всех нас, копальщиков, тошнит от футбола и разных других выходов этих эмпирейских недоносков, но... понимаете ли... русские популярны в республике, а этот их кумир Серхо Филимоныч Страттофудо... а от футбола они сходят с ума... Может быть, дадим им сыграть эту игру и уже потом...

— Вы здесь на своем архипелаге совсем оторваны от мировой политики! — резко прервал его утконосый. — Мясо, господа, нужно отмочить в соусе, прежде чем нанизать на вертел!

Джентльмены гулко расхохотались и подняли стаканы.

— За мистера Кингсли Брейнвена Мамиса из страны, которая ценит юмор, но не любит шутить! — провозгласил глыбоподобный.

— За наше дело, господа! — сказал, как бы подводя итог, мистер Кингсли Брейнвен Мамис.

В это время стальные пальцы сзади обхватили горло Геннадия, и не успел он опомниться, как был втащен внутрь кабинета. Джентльмены вскочили. Мамис мгновенным движением сунул руку за пазуху.

— Мне пришла нужда прогуляться, господа, — прогудел над Геннадием грубый голос. — Возвращаясь, смотрю — мальчишка...

— Кто ты такой, щенок?! — завизжал не своим голосом глыбоподобный, суя под нос Геннадию кулак, усеянный огромными перстнями.

— Здесь не место разбираться, Латтифудо, — быстро проговорил Мамис, открыл черный портфельчик-«атташе» и, зажав себе нос платком, брызнул из какой-то стеклянной трубочки едкой жидкостью в лицо Геннадию.

Последнее, что слышал мальчик как сквозь вату, были слова:

— Отправьте его куда следует...

«Сколько же времени я был без сознания? — подумал сейчас Геннадий. — Час, два, может, сутки?»

Он осторожно встал и подошел к хряпящему охраннику. Тот не шелохнулся. Тяжелый дух дешевого джина витал над ним. Геннадий снял с колен парнюги автомат, перекинул его через плечо и посмотрел вверх. В стене кое-где намечались выступы, видимо, остатки винтовой лестницы, которая в свое время вела на боевую площадку.

Вспомнив уроки скалолазания, которые когда-то в Крыму преподавал ему папа Эдуард, Геннадий стал карабкаться вверх. К счастью, на ногах у него были легкие туфли на каучуковой подметке. Прошло несколько мучительных минут, прежде чем он оказался перед бойницей. Прямо над ним вниз головой висели мешочками несколько летучих мышей.

Протиснуться в бойницу было делом нелегким, но и оно оказалось по плечу мальчугану. Он выбрался наружу и встал, прижавшись спиной к стене, на каком-то витиевато изогнутом выступе, видимо, остатке орнамента, некогда венчавшего башню. Огромное пространство открылось перед ним. Окинув его взглядом, Геннадий

чуть не закричал от ужаса. Шпили Оук-порта едва виднелись на горизонте. Сверкающий на солнце пролив шириной в несколько миль частично был скрыт близким, невысоким, но устрашающе мрачным хребтом, похожим на спину динозавра. Мальчик понял, что он находится на острове Карбункл.

Головокружительные секунды отчаяния... Как далек от него сейчас родной «Алеша Попович», капитан Рикошетников, Шлиер-Довейко, Хрящиков, Верестищев, Барабанчиков, Телескопов, Есеналиев, Калипсо — люди, с которыми любая беда — не беда... И они ничего не знают о нем! Они даже не могут предположить, где он сейчас.

Однако надо действовать. Надо попытаться выбраться из этой непонятной зловещей истории.

Башня была высотой не менее двадцати пяти метров. Внизу клубилась какая-то зелень, но под зеленью, возможно, были скрыты острые камни. Прыгать прямо вниз было безумием. Попытаться соскользнуть по стене? Стена была словно отполирована многовековыми ветрами. Вот метрах в пяти-шести верхушка мощного дерева, с ветвей свисают лианы. По-

пробовать по-тарза́ньи? Единственный выход, несколько шансов из ста.

Сильно оттолкнувшись, Геннадий полетел вниз. Вот замелькали мимо рук спасительные лианы. Неужели конец? Р-раз! Руки обожгло огнем. Геннадий закачался на лиане. Автомат больно ударил по крестцу. Проклятый автомат! Надо было его бросить к чертям подальше.

Под тяжестью мальчика лиана стала растягиваться, и Геннадий, словно с парашютом, вспоминая уроки мамы, опустился на пружинящий дерн.

Вокруг была тишина, только птицы кричали на разные голоса да издалека доносился граммофонный шлягер «Крошка, не задавайся, крошка, лучше создайся, крошка, не забывайся, иначе поколочу, чу-чу-чу!»

Геннадий отвалил от подножия башни какой-то камень, положил автомат в ямку и забросал его сухими ветками и листвой. Кто знает, что ждет впереди?

Осторожно пробираясь сквозь кусты, мальчик направился в сторону пролива. Он рассчитывал пересечь хребет, спуститься к морю, найти там какую-нибудь лодку и попытаться добраться до Оук-порта. Несколько раз ему пришлось проходить под

замшелыми каменными арками, сбегать по ступеням заброшенных лестниц, но ни разу ему не встретилось ни души.

Вдруг до слуха его донеслись гулкие звуки, похожие на удары по теннисному мячу. Кто мог играть в теннис в этом логове темных и подозрительных людей? Геннадий уже знал, что единственный спорт на Карбункле — это копание ям. Кто быстрее выкопает яму, тот и чемпион.

Прячась за валунами, короткими перебежками, чуть ли не ползком, Гена направился на эти звуки. Звуки становились все громче. Сомнений не оставалось — это был теннис. Внедрившись в кусты азалий, мальчик подполз вплотную к проволочной загородке идеального травяного корта, расчерченного по всем правилам и с туго натянутой сеткой.

На корте в полном одиночестве девочка его лет била мячом в стенку. Удары были резкие, частые, и реакция у девочки была что надо. Но вот она промахнулась, мяч пролетел мимо ракетки и подкатился чуть ли не к Гениному носу.

Геннадий хотел было уже ящерицей скользнуть в азалии, глянул и остолбенел. Прямо на него бежала вприпрыжку румяная и надменная... Наташа Вертопрахова.

Да, это была она: тот же «конский хвостик», болтающийся на затылке, и вся стройная сущность большеглазого морского конька.

Она нагнулась за мячом и вдруг увидела лицо Геннадия. Несколько секунд мальчик и девочка не отрываясь смотрели друг на друга.

— Ну, чего? — спросила наконец Наташа, сдвинув брови к переносице. Говорила она по-эмпирейски.

— Ничего, — ответил Геннадий. Грех таить нечего, он был растерян.

— В теннис-то небось не играешь? — спросила Наташа.

— Играю, — пробормотал Геннадий.

Наташа вдруг звонко рассмеялась:

— В теннис он играет! Ах ты, крот несчастный! А ну-ка лезь сюда.

Геннадий, совершенно забыв об опасности, которая подстерегала его здесь на каждом шагу, перелез через заборчик. Наташа бросила ему ракетку. Он поймал ее на лету и встал на правой половине площадки.

— Ну, держи, крот! — крикнула Наташа, слабея от смеха, и сделала легкую подачу.

Геннадий мощным драйвом погасил мяч.

— Что такое? — округлила глаза Наташа. — У тебя совершенно профессиональный драйв.

— Тренируюсь с восьми лет, — тихо ответил Геннадий.

Скромность, как уже было сказано, была его самой отличительной чертой.

Девочка подошла к сетке. Геннадий тоже приблизился. Он уже понял, что это не Наташа, а лишь ее копия, правда, совершенно точная.

— Ты разве не из кротов? — спросила девочка.

— То есть?.. — удивился Геннадий.

— Ну что, не понимаешь? Разве ты не с Карбункла? Впрочем, конечно, ты не с Карбункла. У тебя такой странный выговор... — Она поморщила лоб. — Иностранец, что ли?

— Я... — пробормотал Геннадий, — я англичанин...

— Фантастика! — воскликнула девочка. — Как ты сюда попал? Кроты не пускают в этот район острова ни одного иностранца.

— Я... я гулял и вот...

— Ладно, давай играть, — сказала девочка. — В этой дыре я совсем потеряла класс, а скоро у нас в Оук-порте чемпионат.

Геннадий осмотрелся. Дубы вокруг порта безмятежно шелестели, заросли азалии были непроницаемыми, дорожка, покрытая цветной плиткой, просматривалась далеко...

— Только один сет, — сказал он.

Девочка протянула ему свою руку и назвала свое имя:

— Доллис.

— Джин, — представился Геннадий, вспомнив леди Леконсфильд.

Они начали играть и сыграли не один сет, а всю партию.

С большим трудом в последнем сете Геннадию удалось сломить сопротивление Доллис. Чуть остыв от спортивного азарта, он подумал, что девочка, должно быть, раздосадована проигрышем. Ничуть не бывало — Доллис была весела и довольна.

— У вас в Англии все так играют?

— Через одного, — улыбнулся Геннадий.

— Слушай, Джин, как ты все-таки здесь оказался?

Геннадий внимательно посмотрел на девочку. Ему показалось, что ей можно открыть правду, что она может ему помочь, да все же решил быть осторожным.

— Я... я заблудился...

— Тебе нужно в Стамак? — спросила Доллис. — Пойдем, покажу дорогу.

— Покажи мне лучше кратчайший спуск к морю, — сказал Геннадий. — Мне нужно попасть в Оук-порт.

Они уже давно говорили по-английски. Вот где пригодились мальчику его усердные занятия этим языком.

— Не собираешься ли ты переплыть пролив? — со смехом спросила Доллис.

— Вот именно.

— У тебя есть знакомые среди акул?

— Мне нужно переплыть пролив, Доллис, — тихо и серьезно сказал Геннадий.

— Из Стамака каждые два часа ходит паром.

— Мне нельзя в Стамак, Доллис...

Девочка снова весело рассмеялась.

— Какая таинственность! Таинственный англичанин!

— Доллис, я не шучу...

— Ну, пойдем, пойдем! Я покажу тебе спуск к морю. — Она вдруг хлопнула себя ладошкой по лбу. — А хочешь, вместе переплывем в Оук-порт на каноэ? Блестящая идея! То-то взорвется моя мамочка!

Сердце Геннадия глубоко забилося. Каноэ? О чем еще он мог мечтать?

А Доллис, увлеченная своей идеей, схва-

тила его за руку и повлекла по разноцветным плиткам.

Они бежали по извилистым дорожкам огромного парка, мимо неохватных стволов удивительных реликтовых растений, мимо скульптур, беседок, фонтанов, мимо фантастических цветов. По дороге Доллис без умолку трещала. Как ей хочется побывать в Англии, вообще поехать по миру, увидеть Лондон, Нью-Йорк, Москву, Париж... Мать ее путешествует бесконечно, но никогда не берет Доллис с собой. В конце концов Доллис возьмет вот и убежит из дому!

— Чей это парк, Доллис? — на бегу спросил Геннадий Стратофонов. Его поразило то, что во всем этом огромном парке они не встретили ни одного человека.

— Наш, — ответила девочка.

— Чей?

— Наш. Ну, моей мамы...

— Весь парк ваш? А экскурсии сюда приезжают?

— Еще чего! — презрительно фыркнула Доллис. — Экскурсии!

Несмотря на напряженность момента, Геннадий подумал: «Вот он — капитализм! Кучка людей владеет огромными ресурсами природы!»

Они нырнули под красивую арку, пробежали полутемным тоннельчиком, и перед ними сразу за балюстрадой распахнулось пространство: скалы, море, приблизившийся изломанный гребень Оук-порта. Пролив пересекало белое судно, верхняя палуба которого была покрыта ярким тентом.

— Мама возвращается, — махнула Доллис рукой в сторону судна. — Вчера она давала в столице прием. — Доллис напыщенно и жеманно произнесла, словно передразнивая кого-то: — «Вальс незнакомых цветов», господа! Не правда ли, прелестно? «Вальс незнакомых цветов»!

Так вот оно что!.. Геннадий едва сумел скрыть свое изумление. Он вспомнил длинные черные волосы и словно выточенное из слоновой кости лицо женщины-сенатора. Бал был вчера! Значит, он валялся без сознания чуть ли не сутки?

— Я слышал вчера про этот прием, — сказал он. — Твоя мама мадам Накамура-Бранчковска?

— Ну да. Как ты догадался, Джин?

— Я видел ее в сенате.

— Ты не думай, что она всегда такая важная, она хорошая, только... — Доллис быстро посмотрела на него. — Красивая, а?

— Не хуже Софи Лорен, — сказал он.
Девочка расхохоталась.

— Ну, ты, я вижу, знаток! Ладно... — Она показала с балюстрады вниз. — Видишь тропинку между скал? Спустишься по ней, там будет маленькая бухта. Разбойничья бухта. Жди меня там, а я подгоню каноэ. Идет?

Не успел Геннадий кивнуть, как за спиной его раздался страшный вопль.

— Вот он! Вот он, ребята!

Геннадий стремительно обернулся. Из тоннельчика прямо на него бежал детина в майке с автографами кинозвезд, а за ним еще трое узколобых квадратных парней, и все с оружием в руках.

Изумленная Доллис увидела, как юный англичанин молниеносным приемом дзюдо сбил с ног огромного парня, вскочил на барьер балюстрады и упал вниз лицом под ударом пистолетной рукоятки. Два грузных тела навалились на мальчика. В мгновение ока руки его были скручены мотком проволоки.

Доллис вскрикнула и влепила пощечину одному из громил.

— Как вы смеете, кроты? Кроты несчастные! Кто вам разрешил врываться в наш парк? Вон отсюда! Отпустите его немедленно!

Детина, сбитый Геннадием, кряхтя, под-

нялся. На тупом его лице застыла кривая хулиганская улыбка.

— Этот парень, молодая госпожа, задержан по приказу Совета. Он сбежал сегодня из Мушкетной башни. Люгер мой спер, молодая госпожа. — Он обернулся к Геннадю и схватил его за грудки: — Где моя пушка, гаденыш?

Доллис и его огрела пощечиной.

— Ручка у вас тяжелая, молодая госпожа, — ухмыльнулся детина.

— У моей мамы рука потяжелее! — крикнула Доллис и вдруг заплакала в три ручья. — Джин, Джин, что это такое?

— Я не знаю, что они от меня хотят, Доллис, — проговорил Геннадий. — Это какое-то дикое недоразумение...

— Наше дело маленькое, — ухмыльнулись битюги. — Приказ есть приказ.

Подталкивая Геннадия в спину автоматами, они повели его через парк. По дороге они шумно обсуждали подробности погони и схватки. Должно быть, они казались себе героями. Детина в майке с автографами хлопнул мальчика по плечу даже с некоторым добродушием:

— А здорово ты меня с катушек сбил, малец!

— Ай донт андерстенд, — сказал Геннадий. — Я не понимаю вашего языка.

— Ладно, ладно, топай!

Его вывели из парка и повели по открытой щебенкой дороге, петляющей среди выветрившихся рыжих унылых скал. Шагая по этой раскаленной дороге, Геннадий лихорадочно обдумывая ситуацию.

Ясно одно: он в руках какой-то банды. Ясно также, что эта банда плетет заговор против эмпирейцев и против научного корабля. «Мясо надо отмочить в соусе, прежде чем нанизать на вертел...» «Советскому кораблю нечего делать возле архипелага...» «Нужно покончить с этим кумиром

Серхо Филимоныч Страттофудо...» Ясно, что главари банды боятся, что он подслушал их секреты.

Если он откроется им и скажет, что он советский пионер, потребует, чтобы его отправили на «Алешу Поповича», если они еще догадаются, что он потомок эмпирейского памятника... Это может кончиться плохо. Может быть, он — единственный честный человек, прикоснувшийся к заговору? Кто знает, что грозит этим простодушным, веселым эмпирейцам и его товарищам, морякам и ученым?..

Надо попытаться обмануть их. Он, англичанин Джин Стрейтфонд, он ни слова не понимает по-эмпирейски, он ничего не слышал. Ему нужно добраться до Оук-порта, чтобы...

— Эй, стой! — грубым голосом прервал размышления Геннадия один из конвоиров. Он взял Геннадия за плечо и залепил ему глаза широким пластырем.

После этого Геннадий двигался в полнейшей темноте. Он слышал, как скрипели какие-то двери, ему казалось, что его ведут по узкому сырому коридорчику, потом был долгий спуск по скользким ступенькам, толчок в спину...

Пластырь содрали, и Геннадий увидел выбеленные стены, небольшое окно, забранное стальной решеткой, за которым виднелось только море и небо. В кресле сидел, развалясь, глыбоподобный господин Латтифудо. Солнце играло в массивных перстнях на его руке, тонкий лучик шел от уха, от золотой серьги.

— Кто ты такой, мальчишка? — спросил Латтифудо с некоторой томностью и усталостью.

— Ай донт андерстенд, сэр, — ответил Геннадий. — Ай эм инглишмен, сэр, житель Лондона, турист...

— Вона-а, — вяло удивился Латтифудо, поморщился, словно от головной боли, и снял телефонную трубку. — Але, Фук, щенок-то англичанин, по-нашему не бельмеса не понимает. Чего? Э-э... Так? — Он бросил трубку и вдруг заорал на Геннадия, наливаясь кровью: — Притворяешься, паразит? На архипелаге сейчас нет ни одного английского туриста!

Орал он по-английски с грубым акцентом.

— Видите ли, сэр, я с того самого несчастного теплохода «Ван-Дейк», нас спасли русские...

— Что-о? — Латтифудо даже припод-

нялся от изумления. — Ты, значит, с «Ван-Дейка»? Эге-ге...

— Я путешествовал со своей бабушкой леди Сьюзен Леконсфильд. Бабушка улетила на родину, а я остался. На русском судне, сэр, мой багаж...

— Эге-ге... ге-ге-ге... — проговорил Латтифудо и заглянул мальчику в глаза с веселостью, от которой повеяло какой-то жутью. Потом снял трубку. — Фук, малый-то с «Ван-Дейка». Ага. Так. Ну ясно! Грумло! — гаркнул он, и в дверях вырос детина в майке с автографами. — Кончай с этим пацаном.

Грумло поставил автомат на боевой взвод и кивнул Геннадию:

— Пошли.

«Неужели конец?» — подумал Геннадий. Страху не было, он словно одеревенел.

Зазвонил телефон. Латтифудо вяло снял трубку и вдруг вскочил, вытянулся во фрунт.

— Слушаюсь! Так! Так точно, здесь! Грумло, отставить! Так, все понятно. Немедленно приступаю.

Он подошел к мальчику, развязал ему руки, посадил в кресло, погладил по голове и ласково прожурчал:

— Хлопот с тобой полон рот, малыш...

После этого, что-то шепнув Грумло, он вышел из комнаты. Теперь все тело казалось Геннадию ватным. Страшная усталость и апатия охватили его.

Грумло поставил автомат на предохранитель, подмигнул Геннадию и глупо заржал.

— Ну, ты меня здорово сбил с катушек, парень! Как прием называется?

— Пошел к черту, ублюдок, — сказал Геннадий этому получеловеку, который несколько минут назад мог вклепить ему пулю в затылок.

Усталость брала свое. Геннадий начал было уже дремать, когда открылась дверь и вежливый голос позвал его:

— Мистер Стрейтфонд, пожалуйста сюда!

Несколько маршей узкой сырой лестницы, все глубже и глубже, два еле освещенных перехода. Открылась кованая дверь, и Геннадий оказался в обширном помещении, освещенном мягким светом неоновых трубок. В помещении стояли мягкие кожаные кресла, стены украшали дубовые панели. Это было бы похоже на салон пассажирского судна, если бы не пульта радиостанции, за которыми сидели двое мужчин.

Навстречу Геннадию шел с протянутой

рукой любезно улыбающийся мистер Кингсли Брейнвен Мамис.

— Ах, дорогой мистер Стрейтфонд, какая получилась чепуха, какое недоразумение! — сказал он. — Ну просто скандал...

— Я сам ничего не понимаю, сэр, — сказал Геннадий. — Я гулял по зданию сената, открыл какую-то дверь, запутался в драпировке, и вдруг меня схватили за горло, сэр...

— Эта дурацкая охрана, мистер Стрейтфонд, — прожурчал Мамис. — Вы должны нас извинить. Нравы этой страны, понимаете ли... Засунули вас в средневековую башню, эти неотесанные чурбаны...

— Да-да, — кивнул Геннадий.

— Но зачем вам понадобилось бежать, мой друг? Объяснили бы все и...

— Я ничего не понимал, сэр, — пробормотал Геннадий. — Я не понимаю этого языка. Я не знал, в чьих я руках, сэр.

— Да, да... А автоматик, мистер Стрейтфонд?

— Выкинул его куда-то в кусты, сэр...

Вошел запыхавшийся Латтифудо и доложил Мамису:

— Все в точку. На «Ван-Дейке» была зарегистрирована леди Сьюзен Леконсфильд с внуком.

— Хорошо, — кивнул Мамис, пытливо вглядываясь в лицо Геннадия, видимо, пытаюсь понять, понимает ли он по-эмпирейски.

Усилием воли Геннадию удалось сохранить безучастное выражение лица, хотя он был поражен: леди Леконсфильд была зарегистрирована на «Ван-Дейке» с внуком? В следующий момент Геннадий догадался: старая чудачка называла своим внуком мопса Винстона, его она и внесла в списки пассажиров. Какая удача!

— Мне показалось, сэр, что джентльмен назвал имя моей бабушки, — вежливо обратился он к Мамису.

— Наведены справки, мистер Стрейтфонд. — Кингсли Брейнвен Мамис лучезарно улыбался. — Ваша бабушка благополучно прибыла в Лондон. Вы можете сейчас поговорить с ней по телефону.

— Как? Прямо отсюда? — удивился Геннадий.

— Да, наши радисты мигом соединят вас с вашей лондонской бабушкой. Не забыли телефончик, мистер Стрейтфонд?

Геннадий понял, что его подвергают последней проверке. К счастью, он помнил номер леди Леконсфильд, но старуха, сама того не зная, могла его запросто выдать.

— Благодарю вас, сэр, но в этом нет

нужды, — небрежно махнул он рукой. Ничего, мол, с бабкой не случится.

— В этом есть нужда, мистер Стрейтфонд, — сказал Мамис, глубоко заглянув в глаза мальчику, словно пытаясь по-змеиному проползти в его сущность. — Это просто необходимо, юный мистер Стрейтфонд.

Да, в чем нельзя отказать моему герою — это в присутствии волевых качеств.

— Ну, если вы настаиваете... — улыбнулся он. — Наш телефон: Виктория 3-27-38.

Прошло несколько минут, прежде чем один из радистов протянул Геннадию трубку. В трубке очень отчетливо слышался дребезжащий голосок.

— Сьюзен Леконсфильд у телефона...

— Бабушка! — закричал Геннадий. — Это говорит твой внук Джин. Твой... хрустальный дельфинчик. Не волнуйся, я звоню тебе с Эмпирейских островов... Как себя чувствуешь, милая бабушка?

Последовала пауза, потом в трубке слышались хлюпающие звуки, перерастающие в рыдание, сквозь которые едва можно было разобрать отдельные слова:

— Джинни, мой мальчик!.. Внучек!.. Да, я, твоя бабушка, слушаю тебя... рыдаю вместе с Винстоном... дитя мое... хрустальный мой дельфинчик...

Геннадий заорал изо всех сил:

— Бабушка, не волнуйся за меня! Я попал здесь в какую-то странную историю...

Расчет этот оправдался. Мамис после последних слов немедленно прервал разговор.

— Связь оборвалась, мистер Стрейтфонд, — развел он руками. — Немудрено, такое огромное расстояние...

— Большое вам спасибо, сэр, — прочувствованно сказал Геннадий. — Честно говоря, я очень волновался за бабушку. Честно говоря, сэр, ведь я в последнюю минуту... — Геннадий замялся.

— То есть попросту... — Мамис изобразил пальцами бегущего человека. Видно было, что он полностью поверил в легенду Геннадия.

— Попросту драпанул, сэр, — весело расхохотался мальчик. — Вы знаете, я был потрясен вашим архипелагом, мне захотелось подольше побыть здесь... Эти бастионы Оук-порта, Карбункл, сам похожий на крепость... легенды о бесстрашных пиратах...

— Увлекаешься пиратами, малыш? — снисходительно усмехнулся Мамис.

— Есть немного, сэр. С детства мой кумир — великий адмирал Рокер Буги.

— Вон что! — Мамис загадочно улыбнулся. В голубых глазах его мелькнул ого-

нек. — В Оук-порте его не очень-то любят...

— Правда? — наивно удивился Геннадий.

Зазвонил телефон. Мамис снял трубку.

— Да. Все сошлось. По-моему, наивный дурачок. Есть, Фук, не волнуйся. Пока. — Он повесил трубку и хлопнул Геннадия по плечу: — А ты, оказывается, ловкий паренек, Джинни-бой! Уже успел познакомиться с Доллис! Мадам Накамура-Бранчковска разносит из-за тебя наше начальство. Требуется, чтобы тебя немедленно доставили на ее виллу. Поехали.

В шесть часов вечера свежий, отдохнувший элегантный юный денди Джин Стрейтфонд явился в сопровождении слуги к ужину на открытую веранду виллы Накамура-Бранчковской.

Веранда висела прямо над морем на стометровой высоте. В центре ее был сервирован стол на четыре персоны. Вокруг стола хлопотали три подтянутых официанта в белых куртках с золотыми пуговицами. Подсобный стол в углу веранды сверкал хрусталем, серебром, кубиками льда. На роскошном ложе из свежайшей зелени распластался гигантский омар.

Официанты молча вытянулись перед

Геннадием, а Геннадий вздрогнул, вновь увидев перед собой Наташу Вертопрахову. Ну до чего же была на нее похожа Доллис Накамура-Бранчковска!

Девочка, сменившая свой любимый наряд — белые шорты и гавайскую рубашку — на строгое платье, подбежала к нему.

— Привет, Джин! Проклятые кроты, из-за них лопнула наша гениальная идея с каноэ! Чего они хотели от тебя?

— Послушай, Доллис, — тихо сказал Геннадий, — ты никому не говорила, что я понимаю по-эмпирейски?

— Нет, а что?

— Прошу тебя никому об этом не говорить...

Глаза Доллис сузились, она зашептала:

— Какая-то тайна, Джин, да? Расскажи мне, не бойся...

— Я все тебе расскажу позднее, — сказал Геннадий. — Сейчас важно хранить молчание.

— Договорились, Джин!

К веранде приближалась мадам Накамура-Бранчковска под руку с высоким мужчиной, в котором Геннадий узнал свирепого сенатора Бастардо Мизераблес ди Порк-и-Гусано. Теперь он был сама благовоспитанность и любезность, а от красоты

Накамура-Бранчковской у Геннадия просто захватило дух.

— Терпеть не могу этого типа, — сказала Доллис, хмуро глядя на приближающегося председателя Совета Копальщиков острова Карбункл, кавалера Ордена Счастливой Лопаты и полковника. — Худший из всех кротов. Ишь ты, повадился к нам...

Мадам одарила мальчика ослепительной улыбкой и протянула руку. Мгновение поколебавшись, Геннадий поцеловал изящную конечность.

— Мы очень рады видеть вас гостем, Джин, — сказала мадам. — Покойный ваш дед и его фирма зубных протезов известны всему деловому миру. Доллис говорила, что вы прелестно играете в теннис. Надеюсь, вы простили этих неотесанных местных служаек. Поверьте, им досталось на орехи от полковника и от меня. Прошу к столу.

Ужин прошел в остроумной светской беседе, легко и приятно, если не считать страшного хруста, с которым полковник разгрызал клешни омара, да злых шуточек Доллис. Мадам Накамура-Бранчковска была очень предупредительна к своему гостю из великого Лондона.

— Ах, Лондон, Лондон!.. — проговорила

она, когда они с Геннадием отошли к барьеру веранды. — Помните, как сказал поэт... «Все города похожи, как два пенса, но не похож на них, как шиллинг, Лондон...»

За столом Мизераблес, сильно чавкая, добирал все, что осталось,пил огромное количество вина, рывкал в ответ на колкости Доллис, а Геннадий с хозяйкой дома стояли над морем — она пила коктейль «Дайкири», он — ананасный сок.

— Вы погостите у нас, Джин?

— Боюсь, мадам, что мне нужно возвращаться домой. Бабушка сегодня так плакала в телефон...

— Печально, — вздохнула хозяйка. — Мне кажется, что наши отношения могли бы перерасти в настоящую дружбу...

Она смотрела на него с мягкой доброй улыбкой.

«Какая приятная женщина, — подумал мальчик. — Приятнейшая женщина, несмотря на то, что капиталистка. Смотрит на меня, как мама Эллы».

— Мадам, — сказал он взволнованно, — вы спасли меня сегодня от смерти.

— О Джин, не надо преувеличивать, — улыбнулась она.

— Я не преувеличиваю, мадам. Мне кажется, что я был в руках какой-то страш-

ной банды. Когда толстяк узнал, что я с «Ван-Дейка», он приказал меня застрелить. Я уверен, что только ваше вмешательство спасло меня. Мне кажется, что те люди связаны с пиратами, напавшими на «Ван-Дейк».

— Пираты! — усмехнулась дама. — В вашем возрасте, Джин, еще можно верить в пиратов...

— Но «Ван-Дейк» потоплен, мадам!

— Да это возмутительный бандитизм! — воскликнула дама. — Уверена, что великие державы не оставят этого без внимания! — Она прикоснулась к плечу Геннадия: — Что касается местных солдафонов, то уверена, вы ошиблись. У вас очень напряжены нервы, мой мальчик. Хорошо бы вам отдохнуть у нас несколько дней. Самолет моей фирмы скоро летит в Зурбаган, откуда вы сможете отправиться прямо в Лондон. В Европе снова входят в моду перья райских птиц, и мы получили заказ.

— Еще раз большое спасибо, мадам, но мне нужно утром быть в Оук-порте. На русском судне мои вещи и... бабушка волнуется, мадам.

— Хорошо, завтра поедem вместе на моей яхте. Возьмем Доллис с собой, она

покажет вам город. Наш дом в Оук-порте, мы эмпирейцы, Джин. Здесь мы только спасаемся от жары...

Она что-то еще говорила, а Геннадий лихорадочно прикидывал, стоит ли рассказывать ей о подслушанном в сенате разговоре. Она эмпирейка, сенатор, ей, наверное, не безразлична судьба ее народа.

Он глянул вниз и остолбенел от ужаса. По проливу, оставляя за собой светлый след, двигался «Алеша Попович». Они уходят из Оук-порта! Куда? Почему? Они уходят без него! Он остался совсем один!

«Алеша Попович» проходил прямо под ними. Палубы были пусты. Медленно вращалась антенна локатора. Геннадию показалось, что он видит в окне ходовой рубки каменное лицо своего друга капитана Рикошетникова. Как он мог бросить его?

За его спиной гулко захохотал Бастардо Мизераблес.

— Гляди! — заорал он. — Сматываются коммунисты. Наша взяла!

Мадам обожгла его резким и неожиданным, как удар хлыста, взглядом.

— До сих пор не научились вести себя в обществе, полковник! — Она повернулась к Геннадию и, пораженная его взглядом, воскликнула: — Что с вами, мой мальчик?

— Там, — в ужасе закричал Геннадий, показывая на удаляющегося «Алешу Поповича», — там осталась моя коллекция марок!

Да, дорогой читатель, в чем нельзя отказать моему герою, так это в присутствии духа и находчивости!

ГЛАВА VIII,

*которая на своем убедительном примере
показывает, что голоса логики и разума
порой могут потонуть в неистовом шуме
сбитой с толку толпы*

Что же произошло? Почему «Алеша Попович» неожиданно покинул гавань Оук-порта? Можно ли представить себе, что советские моряки бросили в беде своего товарища? Нет, этого представить нельзя.

Николай Рикошетников, обойдя все, как ему казалось, помещения сената в поисках Геннадия, выбежал на площадь и оказал-

ся в центре событий, развязанных мрачными хулиганами с Карбункла.

Площадь кишела людьми. Местами возникали стычки, переходящие в кулачный бой. Ораторы, взобравшись на фонарные столбы, кричали в толпу. Ревели моторы мотоциклов. Группа мужественных горожан, взявшись за руки, защищала свою святыню — памятник Серхо Филимоныч Страттофудо.

Рикошетников помчался на судно, миглом собрал совещание комсостава. Половина экипажа была направлена в город на поиски пропавшего мальчика. Всем морякам было строжайше заказано выспрашивать о мальчике у местных жителей и тем более называть его имя. Рикошетников боялся, и не без основания, что «копальщики» могут узнать о пребывании в городе потомка благородного русского адмирала и устроить на него настоящую охоту.

Тем временем возвратились с тренировки судовые футболисты. Они рассказали, что большинство публики горячо их приветствовало, а меньшинство наоборот — бросало в них дохлых крыс, пищевые отбросы и увядшие цветы. Меньшинство это было весьма ретиво и затянuto в черную

кожу. Рассеялось оно только тогда, когда появился гигант в плавках из леопардовой кожи — лучший футболист всех времен и народов, добродушный, но неразговорчивый Рикко Силла.

Поиски Геннадия продолжались несколько часов и не дали никаких результатов. Потрясенный Рикошетников решил тогда на крайний шаг — он снова отправился в сенат.

В сенате уже все спали. Семижилный «резинщик», похрапывая, тянул свое:

— В свете изложенного, опираясь на параграф девяносто, пункт «Д», отдела восемнадцать, можно категорически заявить, что производство пуговиц на территории республики может быть разрешено только лицам, доказавшим свою способность к оному...

Рикошетников разбудил того сенатора, который дал резкую отповедь проискам полковника Бастардо Мизераблес ди Порки-Гусано. Толстяк в футболке под номером «3» повел его в свой кабинет для конфиденциальных переговоров.

Имя сенатора было Нуфнути Куче. Рикошетников рассказал ему все. Нуфнути Куче выслушал его с крайним вниманием. В маленьких его глазах, отягощенных

трехъярусными мешками, пылал неподдельный интерес.

— Видите ли, капитан, — сказал он, — я не могу вам раскрыть всей подоплеки нынешних событий в нашей стране, потому что и сам ничего не понимаю. Скажу только, что передовая интеллигенция, рабочий класс и спортсмены очень озабочены неожиданной и непонятной атакой с острова Карбункл. В других условиях приезд потомка адмирала Серхо Филимоныч Страттофудо мог бы превратиться в национальный праздник. Сейчас, увы, мы не можем предугадать развитие событий. Эмпирейцы слишком доверчивы и простодушны. Это дети, сэр. Я обещаю вам, что я и мои люди — скажу по секрету, их немало — предпримут все усилия для поисков мальчика. Я не исключаю возможности того, что он попал в лапы негодяев, но... — Нуфнути Куче встал перед Рикошетниковым на одно колено и торжественно провозгласил: — Клянусь созвездием Кассиопеи, катамараном старого Иона, цепями египетских рабов, ржавыми мечами викингов, четками мадам де Клиссон и аркебузами португальцев, клянусь бархатным камзолом нашего первого президента и нашим священным булоном, Джинадо Эдуардос Страттофудо будет спасен! Аминь!

Капитан Рикошетников сразу понял, что этому человеку можно доверять. В глазах его он увидел намек на незаурядный государственный ум.

— Нуфнути, скажите, состоится ли футбольный матч?

— Не уверен.

— Согласитесь, мы, мирные ученые и моряки, оказались в весьма двусмысленном положении...

— Согласен.

Немногословность Нуфнути Куче еще раз убедила капитана Рикошетникова в надежности этого человека.

— Мистер Рикошетников, я не коммунист, — сказал Нуфнути Куче. — Я всего лишь левый либерал, филуменист и правый защитник, но я вам скажу: мне кажется, что все беспорядки на архипелаге направляет какая-то единая мощная рука.

О дальнейшем развитии событий можно догадаться по заголовкам и высказываниям местных газет.

«Ежедневный фонтан» (Оук-порт):

«Кто мешает нашим парням накапливать международный опыт?»

«Сытная пища без обмана» (г. Стамак, о. Карбункл):

Нет!
Это
ловкость
виртуоза!

ЛОВКОСТЬ

НУФНУТИ КУЧЕ

ВЫХОДИ

простой и веселый.

ЛОВКОЙ НОГОЮ,

с моряками державы далекой!

НАКАМУРА-БРАНЧКОВСКА

Благоухал розарий мой...

Король души моей больной...

КАФРО ЛАТТИФУДО

Презирает вас народ!

Презирает вас народ!

Вечером того дня, когда был похищен Геннадий, уличные споры и стычки усилились. «Кроты», обычно не показывавшие носа в Оук-порте, теперь заполонили улицы, бары, кафе. На причале возле «Алеши Поповича» волновалась большая толпа.

— Надо прощупать русских! — кричали «кроты».

Поговаривали, что каждый из них получил за свои хулиганские выходы по двенадцать клуксов и по бутылке «Горного дубняка».

Ночью страсти не утихали, а, напротив, разгорались. Воя, носились по узким улочкам мотоциклы «кратов» со снятыми глушителями. На стенах крепости, отражаясь в черной воде, колыхались факелы. Никто из приглашенных не явился на грандиозно задуманный вечер «Вальс незнакомых цветов»... Мадам Накамура-Бранчковска в одиночестве скользила по паркету, тревожно вглядываясь в темноту парка, приюживаясь к розам и орхидеям. Утром горожане стали находить в почтовых ящиках, на ступеньках лестниц, на столиках кафе желтые листочки. Какие-то негодяи за ночь распространили «Обращение капитана Рикошетникова к народу Республики Большие Эмпирей и Карбункл».

«Вы, несчастные лежебоки, — гласило «Обращение», — набрались наглости вызвать нас на соревнование по футболу. На что же вы рассчитываете со своей черепашной медлительностью? С презрением мы отвергаем ваш вызов! Капитан Рикошетников».

Оскорбленные горожане направились в порт. Напрасно Нуфнути Куче, Рикко Силла, Токтомуран Джечкин и другие прогрессивные деятели пытались убедить их, что обращение — фальшивка.

Простодушные, как дети, впервые столкнувшиеся с такой грязной игрой, они верили всему. Почти каждый горожанин тащил с собой футбольный мяч.

В порту горожане устроили перед советским кораблем неслыханное футбольное представление. Сотни мячей летали в воздухе. Все от мала до велика, включая женщин, демонстрировали усомнившимся русским свое умение играть в футбол, технику обработки мяча, финты, обводку, пасы...

Рикошетников несколько раз пытался со спардека обратиться к народу, но его всякий раз встречали свистом. Как? Мы медлительные черепахи, тупые ослы? Мы не умеем играть в футбол? А вот смотрите-ка!

На мачте «Алеши Поповича» давно уже трепетал флаг «Синий Петр» — «Всем на борт!» Только двух членов экипажа не доставало: не явился из увольнительной кот Пуша Шуткин и бесследно пропал лаборант гидробиологического сектора Геннадий Стратофонтов.

Моряки и ученые мрачно взирали на футбольную вакханалию, охватившую город. Первый помощник Хрящиков проводил среди экипажа разъяснительную работу. Видавший виды Шлиер-Довейко почесывал в затылке. Капитан Рикошетников не выпускал изо рта трубки.

Надо ли говорить о том, как волновался капитан за судьбу своего юного друга? Конечно, можно заявить официальный протест, начать розыски через газеты, но не будет ли это стоить жизни его другу? Бандиты с Карбункла не дремлют, а эмпирейцы... Эх, эмпирейцы! С горечью смотрел капитан на так легко обманутых горожан.

Час уходил за часом, а Геннадий все не появлялся. Между тем футбольные страсти стали затихать. Утомленные граждане кучками рассаживались на набережной и приступали к обеду. Собственно говоря, никакого большого зла к капитану Рикошетникову они не испытывали. Показали,

что умеют, и ладно. Они были неспособны долго злиться, эти чудаки эмпирейцы.

Вдруг с крепостных стен слышались крики. Около дюжины «кротов» разворачивали на площадке башни «Толстая Эльза» чугунное корабельное орудие, снятое еще в XVIII веке с поверженного «Белого лебедя». Жерло дурацкой пушки поворачивалось в сторону «Алеши Поповича».

— Русские! Отдавайте швартовы!

— Убирайтесь!

— Сейчас мы вам вспомним Сильвербей!

В толпе на набережной начался ропот:

— Эй, кроты, вы это уже слишком!

— Оставьте в покое нашу пушку!

— Рехнулись, что ли?

«Кроты» не шутили. Один из них вкатил в орудие ядро, второй взялся за фитиль. Наступила тишина, в которой слышался только хохот Володи Телескопова.

— Ой, умру! Ой, сейчас лопну!

Не понимал серьезности момента безответственный «божий плотник».

И вдруг на башне появилась гигантская обнаженная фигура Рикко Силлы. Растолкав «кротов», великий легопер снял пушку с лафета и поднял ее себе на плечи. «Кроты», взыв от обиды, бросились на

кумира нации. Рикко Силла с пушкой на плечах прыгнул с башни в воду бухты.

Что тут началось! «Кроты» стали прыгать за ним. Эмпирейцы целыми семьями тоже ринулись в воду. Рикко Силла, отдуваясь, плыл к берегу, спасая историческую ценность и собственную жизнь. Вокруг в прозрачных водах кипела борьба. Гвалт стоял невообразимый! Кое-где в узких улочках затрещали автоматные очереди. И тогда на борт «Алеши Поповича» взбежал сенатор Нуфнути Куче.

— Капитан, вы видите, что устроили эти негодяи! Выхода нет, вам нужно на два-три дня покинуть порт. Капитан, нам кажется, что на архипелаге действует мафия или что-то в этом роде. Патриоты на чеку, капитан. Следы мальчика, как я и предполагал, ведут на Карбункл. Сегодня ночью мы высадимся на остров, а с вами будем держать связь по радио. Уходите, капитан...

Вот в каких условиях капитану Рикко-шетникову пришлось выйти из гавани Оук-порт и направиться на север.

ГЛАВА IX,

*в которой впервые, как средство связи,
появляется ультразвук, вновь слышится
пение кота и музыка ночного
Оук-порта*

Часовой с юго-западной сторожевой вышки острова Карбункл, осмотрев пролив и не заметив ничего подозрительного, опустил бинокль.

Широкая лунная дорога пересекала пролив. Маленькие волны беспорядочно плясали в лунной полосе, и в этом мелькании тени и света даже самый зоркий

взгляд не заметил бы крохотной черной точки, головы одинокого пловца.

Геннадий Стратофонов, мерно дыша, плыл вольным стилем в сторону Оук-порта. Движения его были точно рассчитаны на большой заплыв, а в голове царила сумятица: он все еще не мог прийти в себя от всего того, что ему довелось увидеть и услышать немногим более часа назад.

Весь вечер после ужина ему никак не удавалось остаться наедине с мадам Накамура-Бранчковской — полковник не отходил от нее ни на шаг. Геннадий был уверен, что полковник — участник заговора; больше того, он был уверен, что вилла Накамура-Бранчковской кишит его людьми. Как предупредить хозяйку об опасности, как рассказать ей о разговоре в сенате, о странных телефонных переговорах в под-земелье?

Около десяти часов вечера мадам и полковник куда-то исчезли. Доллис потащила Геннадия в спортзал играть в пинг-понг. Мальчик нервничал, играл плохо. Сославшись на усталость, он ушел в отведенную для него комнату.

Стеклянная дверь комнаты выходила на длинную крытую галерею. По галерее этой взад и вперед прогуливался дюжий

слуга. В тишине мерно постукивали кованые каблуки. Всякий раз, проходя мимо двери, слуга как бы ненароком заглядывал в комнату. Сомнений не было — это часовой, и он приставлен к нему, к Геннадию.

Около часа мальчик лежал в темноте, притворяясь спящим, глядя на висящую на стене фехтовальную маску и скрещенные рапиры. Надо было действовать, надо узнать, что произошло в Оук-порте.

Дождавшись, когда шаги соглядателя удалились в конец галереи, Геннадий вскочил с кровати, сорвал со стены маску, положил ее на подушку и прикрыл простыней. Под одеяло он засунул два фехтовальных жилета, придав им форму человеческого тела и нырнул под кровать. Слуга возвращался. Он заглянул в комнату и спокойно пошел дальше. Геннадий выскользнул за дверь.

Пробежав по мягкому ковру через весь коридор, он вошел в темную комнату, открыл окно. Во внутреннем дворе виллы было пустынно. Только под аркой двое парней играли в кости. Тяжелые ветки ливанского кедра были совсем рядом. Геннадий из окна перелез на кедр... и в этот момент услышал нарастающий шум моторов. Парни под аркой вскочили, один из

них отворил ворота, и через минуту во внутренний двор ворвались на полной скорости две машины: низкий двухместный «феррари» и затянутый брезентом «джип».

Из «феррари» вылез полковник Мизераблес, а с места водителя выскочила Накамура-Бранчковска. Она была в кожаной куртке и кожаных брюках и напоминала в этот момент какое-то красивое, сильное животное с пружинистой, легкой поступью. Не оглядываясь, она вошла в дом. Полковник, посвистывая, двинулся

вслед за ней. Он слегка спотыкался. Из «джипа» вывалились Латтифудо, Мамис и еще какой-то неизвестный Геннадий тип в широкополой шляпе.

Два парня с автоматами вылезли вслед за ними и стали на страже как раз под деревом, на котором сидел Геннадий.

Прошла минута, не больше, и осветилось окно перед его носом. Он увидел богато обставленный кабинет, огромный письменный стол с телефонами и селекторами, круглый стол для заседаний, кожаные кресла, карты на стенах и большую модель парусного брига с медными буквами на корме: «Голубка».

«Так, кажется, назывался флагманский корабль мадам де Клиссон», — вспомнил Гена.

Над всем в кабинете доминировал огромный портрет баронессы. Она была очень похожа на Накамура-Бранчковскую, в левой руке она держала подзорную трубу, в правой — четки. Накамура-Бранчковска нервно ходила взад-вперед по кабинету, сжимая в руках длинные кожаные перчатки. Лицо ее было неузнаваемым — напряженное, мрачное, исполненное властной решительности.

Бастардо Мизераблес развалился в кресле

и сразу наполнил стакан джином «Палата лордов». Меланхолически прошлепал и бухнулся в кресло грузный Латтифудо. Голубоглазый утконосый мистер Кингсли Брейнвен Мамис со своей неизменной блуждающей улыбочкой проследовал в угол и скрылся из поля зрения Геннадия. Четвертый, странный тип с тяжелой нордической челюстью и раскосыми глазками, сел к столу, открыл папку и погрузился в какие-то бумаги. Воцарилось молчание, в котором слышны были только шаги Накамура-Бранчковской.

Внезапно мадам резко повернулась и своими длинными перчатками, словно плеткой, огрела по физиономии сначала кавалера Ордена Счастливой Лопаты, а потом Латтифудо.

«Так им, гадам!» — чуть не воскликнул Геннадий. Надежно скрытый хвоей кедра, он притаился возле полуоткрытого окна, готовясь в любую минуту прийти на помощь своей любезной хозяйке.

— Это за что же, дорогая? — спросил полковник, потирая обожженную ударом щеку.

— Тебе за крестиническую идею с пушкой, — криво улыбаясь, проговорила дама. — А тебе, Латтифудо, ничтожество, про-

спиртованное чучело, за общую тупость, за всю твою бездарную возню с этим маленьким англичанином-аристократом. Мальчик сразу догадался, что ты связан с делом «Ван-Дейка». Вот что значит голубая кровь! Мне едва удалось его разубедить. Сотню плетей ты заслуживаешь, кретин.

Латтифудо беспомощно моргал белесыми ресницами.

— Впрочем, тебе уже ничто не поможет, — махнула на него рукой мадам. Она повернулась, и Геннадий увидел дрожащие от ярости пунцовые губы и горящие глаза. — Видите, Мамис, с кем приходится работать? — крикнула она в угол. Оттуда послышался смешок. — С такими, как вы, нетрудно провалить все дело! — почти мужским голосом заорала мадам на полковника и Латтифудо. — Ваши плоскостопные кроты только и думают, как бы ограбить винную лавку да побегать за девчонками!

Она села в кресло, опорожнила стакан джину, закурила сигарету и задумалась. Несколько минут прошло в молчании.

— Все-таки ты зря так, дорогая, — пробормотал полковник.

— Русские-то все же убрались, наша взяла...

— Молчи! — прикрикнула на него Накамура-Бранчковска. — Нужно собирать команду в Европе. Человек сто, я думаю, будет достаточно.

— Сто пятьдесят, — слышалось из угла.

— Отвечаете за свои слова, Мамис? — спросила дама. — Ребята из Европы нынче стоят недешево...

— Йес, мэм, отвечаю.

Мадам в первый раз удовлетворенно улыбнулась.

— Итак, внимание, — хлопнула она ладонью по столу. — Немедленно налажьте связь с Эр Би. Пусть начинает набор. В Европу полетите вы, Джерри Чанг. — Нордический китаец молча кивнул. — В городе сохранять прежнее положение. «Голубой кит» проследит движение «Алеши Поповича». Ясно? Выметайтесь!

Полковник быстро выхлебал свой джин и поднялся. За ним вышли Латтифудо и Джерри Чанг. Когда за ними закрылась дверь, Мамис вышел из своего угла и остановился возле карты архипелага.

— Я должен вам, мадам, сообщить окончательное решение моего правительства. — Палец его полез вверх по загогу-

лине эмпирейской запятой. — Полигоны будут устроены на атоллах Фухс и Фее. Там наши ракетчики будут чувствовать себя вполне уютно. Одну из гаваней Оук-порта вы отдаете под ремонтную базу для флота. На Карбункле будет аэродром. Возражений у вас нет?

— Ну, а что касается моих дел, — сказала Накамура-Бранчковска. — Сомнения в моем происхождении и наследственном праве, надеюсь, отпали?

Мамис некоторое время, осклабившись, исподлобья смотрел на даму, потом проговорил:

— Все ваши условия приняты, ваше величество.

Накамура-Бранчковска встала и подошла к карте.

— Это касается и «Анаконды»? — спросила она.

— Мадам, после перехвата «Ван-Дейка» от «Анаконды» осталась одна шкура, — усмехнулся Мамис.

— «Анаконда» устроила фабрику по производству нашего товара на островах Кьюри, — резко сказала Накамура-Бранчковска. — Мы не намерены этого терпеть.

Мамис почесал затылок.

— Американцы могут разозлиться, ма-

дам. Кьюри — это их подопечная территория.

— Вот об этом я и хотела с вами поговорить, — улыбнулась Накамура-Бранчковска.

Она вдруг совершенно успокоилась и из разъяренной фурии вновь превратилась в обаятельную даму.

— Хорошо, — решительно сказал Мамис. — Мы возьмем это на себя.

— Ну и прекрасно. — Накамура-Бранчковска вновь улыбнулась. — Вы знаете, Мамис, мне кажется, что мы что-то упустили в деле с этим русским научным кораблем. Можно было бы что-нибудь придумать похлеще... Впрочем, может быть, сейчас еще и не время... Прилетит Эр Би, и мы решим вместе... Эр Би настоящий мужчина, не то что этот тюфак Фук... Трудно представить себе, что они слеплены из одного куска теста.

— А во мне вы еще не разочаровались, мадам? — вежливо спросил Мамис.

— Пока нет, — засмеялась легко и звонко Накамура-Бранчковска.

Они вышли из кабинета. Свет погас.

Лунные капли слетали с ладоней плывущего Геннадия.

...Сколько он ни рыскал по берегу, ему не удалось найти никакого челнока. Причал виллы усиленно охранялся. Впрочем, может быть, это и лучше. Лодку наверняка увидели бы с высокого берега Карбункла, а вплавь он доберется незамеченным. Если только доберется.

«Так вот кто ты такая! Женщина-чудовище, главарь огромной банды, пиратка, авантюристка! Какие дьявольские планы ты вынашиваешь в своей красивой головке! Какую судьбу ты уготовила этим мирным людям, наивным легоперам! Только бы мне добраться до берега! Только бы мне добраться! Может быть, удастся найти того толстяка сенатора, что возражал Мизераблесу или самого президента Джечкина? Только бы добраться!»

Уже несколько раз Геннадию казалось, что мышцы правой ноги на грани судороги. Усилием воли он отогнал страх и плыл вперед. И только проплыв треть расстояния, он вдруг с отчетливой ясностью понял, что переоценил свои силы. Никогда ему не пересечь этот проклятый пролив. Повернуть обратно? Нет, ни за что! Вперед! Вперед — куда? Там, впереди, — конец! Что это мелькает под луной? Плавник акулы? Правая нога одеревенела в согнутом положе-

нии. Дыхание сбилось. Геннадий задохнулся, хлебнул воды, беспомощно забарахтался на одном месте. Прощайте! Мама, бабушка, папа, Наташа Вертопрахова, Валька Брюквин, улица Рубинштейна, Ленинград, «Алеша Попович», прощайте! Расплылись и потекли в бесконечность оранжевые круги.

— Спасите! — не помня себя, закричал по-русски мальчик.

— Держись, — услышал он совсем рядом странный спокойный голос.

Сильное большое тело вытолкнуло мальчика на поверхность. Глотнув воздуха, он открыл глаза и увидел рядом глубоко сидящий глаз, крутой лоб и лукавый рот дельфина.

— Держись за плавник, малый, — сказал дельфин. — Не дрейфь. Все будет тип-топ. Мы еще дадим огоньку!

Он говорил на странной смеси русского и американского жаргонного языков, и звук его голоса был странен, и сам он был невероятен.

Схватившись за спинной плавник, Гена лег на спину дельфина и обхватил ногами веретенообразное тело.

— Сейчас я тебя в темпе доставлю куда надо, — сказал дельфин. — В Оук-порт, что ли?

С ходу он развил сумасшедшую скорость, которая и не снилась самым современным торпедным катерам. Вода вокруг забурилась, засвистел ветер.

— Кто вы такой? — крикнул Геннадий, оправившись от изумления.

— Я дезертир, — ответил его спаситель. — Дезертир из армии Соединенных Штатов Америки. — Он помолчал и добавил: — Чаби Чаккерс, сэр. Бывший мастер-сержант Чаби Чаккерс, учетный номер 007895671138...

— Это невероятно, — прошептал мальчик.

— Чего невероятного? — сказал дельфин. — Зеленый я был, молодой, записался добровольцем. Условия хорошие, рыбы — ешь не хочу, полсотни долларов в неделю жалованья. Научился по-человечески спикать. А потом разные подонки стали учить наше подразделение всяким мерзким штучкам — корабли взрывать, мины ставить... Чаби, сказал я себе, тут дело нечисто. Не хочу людям пакости делать, и вообще я против войны. Сманил с собой двух дружков — и драпанули. Теперь, если поймают, пожизненная каторга. Только шиш поймают...

— Вы говорите по-английски и по-русски, Чаби?

— Сейчас немного зафоргетил¹, но вообще-то в частях специального назначения еще и не тому научишься, — фыркнул дельфин. — А ты русский? Небось с «Алеши Поповича»?

— Меня зовут Геннадий.

— Очень приятно познакомиться.

— Чаби, вы не знаете, из-за чего «Попович» покинул Оук-порт?

— Наверное из-за шума. Шум там был с утра страшный. Ненавижу шум. Сыт по горло этим шумом.

С этими словами Чаби обогнул волнорез и на малой скорости заскользил по темной воде Оук-портовской бухты. Он доставил Геннадия прямо к гранитным ступенькам лестницы, идущей в воду, и сказал на прощание:

— В случае чего, крикни «Чаби», и я подгребу мигом. Я тут месяца на три застрял, не меньше. Жениться собираюсь.

— А как вас зовут по-дельфиньи, Чаби? — поинтересовался Геннадий.

Любезность моего героя, дорогой читатель, не знала границ.

¹ Чаби слегка путался в языках. Из английских слов speak («говорить») и forget («забыть») он производит глаголы «спикать» и «зафоргетить».

— Все равно не услышишь, — усмехнулся дельфин и пояснил: — Ультразвук. — Он открыл рот, и все же до Геннадия откуда-то издалека, как будто из космоса, донеслось что-то вроде: — Оооооииииизээээу...

— Оооооииииизээээу? — переспросил мальчик.

— Ну, ты даешь, Гена! Услышал! Теперь мы с тобой дружки. Пока!

Он вильнул хвостом и ушел в глубину.

Геннадий поднялся по ступенькам за чугунным львом с кольцом в пасти.

Освещенная луной площадь была пуста, только в центре ее высилась позеленевшая бронзовая фигура в треуголке. Поблескивали под луной немые окна старинных домов, двери амбаров и магазинов были закрыты. Геннадий быстрым, но спокойным шагом пересек площадь, скрылся в тени длинной колоннады. Здесь он снял рубашку и выжал ее. Он взялся было уже за штаны, когда услышал звон гитары и молодые голоса. На площадь из таинственного мрака боковой улочки вышли три парня и две девушки. Красивые, ладные фигуры, ленивая походка — типичные эмпирейцы, беспечные, как птицы.

«Почему бы мне не пойти прямо к ним и не спросить, где резиденция президента

Джечкина? — подумал Геннадий. — Этих людей нечего бояться...»

Под сосной Монтезумы
Танцевали две пумы,
Танцевали, сплетясь,
Танцевали две пумы
Под сосной Монтезумы
И танцуют сейчас... —

напевал гитарист.

— Эй, прекратить пение! — слышался грубый голос, и на площадь вышли четверо квадратных парнюг с карабинами.

— С каких это пор в Оук-порту нельзя петь? — крикнул гитарист.

— Марш по домам! — рявкнул квадратный.

— Катитесь, кроты, в свои ямы! — захохотали эмпирейцы.

Геннадий пробежал под колонной и нырнул в узкую улочку, из которой только что вышли «кроты». Некоторое время он еще слышал шум перебранки, потом все затихло.

Больше часу Геннадий наугад петлял по извилистым улочкам, поднимался по мраморным лестницам, прятался за скульптурами. Иногда он видел костры, возле кото-

рых сутулились мрачные типы. Замечал на стенах желтые листочки со зловещими угрозами.

И несмотря на тревожное опасное положение, Геннадий с его отзывчивой и впечатлительной натурой не мог не поддаться очарованию ночного Оук-порта. Таинственная игра его теней на мраморных плитах и барельефах, на витражах и мозаиках, сверкающие под луной бритвенно-острые коньки крыш, движение и тихая разноголосица его листвы, все звуки ночи, то глухие, то неожиданно звонкие, надолго, может быть на всю жизнь, пленили мальчика.

На одном из старых домов возле подъезда со скрипящей на слабых петлях, разболтанной дверью Геннадий вдруг увидел мемориальную доску с полустертым золотым тиснением: «В этом доме часто останавливались русский писатель Александр Грин (по пути из Зурбагана в Гель-Гью), английский писатель Джонатан Свифт (из Лилипутии в Лапуту), французский писатель Жюль Верн (из пушки на Луну)».

Едва он успел прочесть эту поразившую его надпись, как дверь резко распахнулась, и на пороге дома появился высокий худой незнакомец в старомодной крылатке песочного цвета и в широкополой шляпе.

— Вы ищете друзей? — спросил незнакомец Геннадия, как бы не разжимая губ и мягко улыбаясь глазами.

Мальчик молча кивнул.

— Пойдемте со мной, — сказал незнакомец и двинулся вдоль витой чугунной решетки, за которой тренькал фонтанчик.

Шаги незнакомца были легки, трость мерно постукивала по мостовой. У него был вид спокойного, чуть грустного, но и не лишенного юмора человека, который никогда никуда не спешит, но никогда никуда не опаздывает. Клетчатый портплед в левой руке не тяготил его, и одежда была удобна, ловка, хоть и небогата.

Возле круглой афишной тумбы он остановился. Бриз, вылетевший из-за угла, взметнул его длинные седые волосы.

— Поворачивайте за угол. Сюда! — Он показал палкой. — Пройдите спокойно и не таясь три дома. Там вас встретят.

— А вы? — тихо спросил Геннадий. Ему почему-то очень не хотелось расставаться с этим любезным незнакомцем.

— К сожалению, дружище, у меня свои дела, — улыбнулся тот, показав длинные зубы, приподнял шляпу и пошел по крутой улочке вниз, к морю, в прозрачную, словно пронизанную серебряной сетью темноту.

Геннадий смотрел ему вслед, пока он не исчез.

«Кто же это был и на каком языке мы говорили? — подумал мальчик. — На русском, английском, эмпирейском?.. Может быть, вообще мы не сказали ни слова?»

Он повернул на улочку, косо разделенную луной на темную и светлую части. Чувствуя полное доверие к незнакомцу, он пошел не таясь по освещенной стороне и вдруг — о, чудо! — увидел важно шествующего ему навстречу Пушу Шуткина.

— Шуткин, это вы? Не верю своим глазам! — вскричал Геннадий, не сдержав радостного смеха.

— Геннадий, здравствуйте, дружок, — покровительственно приветствовал его Пуша Шуткин. — Сейчас нам не до смеху. Я рад, что смелый мой прыжок закончился успехом...

Он вспрыгнул на подоконник дома и, взявшись правой передней лапой за стену, запел, выразительно жестикулируя левой:

Да, ради вас пришлось коту
Морской закон нарушить,
Друзей оставить на борту
И спрятаться на суше.

И вот, представьте, дорогой,
С той ночи малахольной
Ваш друг, как верный часовой,
Сидел на колокольне...
Мой зоркий глаз вас разглядел,
А нос учуял запах,
И с колокольни я слетел
На мощных своих лапах.
Я все узнал, во все проник,
Я не лишен смекалки,
И перед вами я возник,
Чтоб вывести вас к цели...

— Что-то с рифмой у вас не в порядке в последней строфе, — сказал Шуткину Геннадий.

— Это от волнения, — пояснил кот. — В минуты волнения иногда сбиваюсь на прозу. Пойдемте!

Дальше последовал головокружительный рейд по заборам водосточным и домовым трубам, карнизам, скатам крыш, по мусорным бакам, деревьям и даже по флюгерам. Несмотря на невероятную скорость, Геннадий успел заметить, что все местные животные, включая ручных леопардов, немедленно прятались при виде несущегося под луной боевого кота с качающимся, как дым, хвостом.

Геннадий задыхался, пот лил с него градом. Он не мог понять, как до сих пор не сорвался. Наконец Шуткин кубарем свалился со шпиля кафедрального собора и растянулся в маленьком водосточном желобке на высоте не менее тридцати метров. Геннадию ничего не оставалось, как последовать за ним.

— Приличное сальто-мортале. Надеюсь, мой друг, не устали? — с нескрываемым уважением обратился к нему Пуша.

— Н-нет... — пробормотал Геннадий, стараясь не глядеть вниз. — Но где мы, Шуткин?

— Тихо в лунной сей купели. Ну, а мы уже у цели, — сказал кот и от волнения снова перешел на прозу. — Сможете перепрыгнуть через эту улицу?

— Постараюсь, — проговорил Геннадий, с ужасом глядя вниз.

Несколько минут спустя по узкому карнизу они обогнули какой-то дом, перелезли через перила балкона, и Геннадий увидел перед собой обширную, ярко освещенную комнату, заполненную атлетически сложенными мужчинами.

Это была футбольная команда Республики Большие Эмпиреи и Карбункл, а также часть сенаторов и кабинет минист-

ров в полном составе. Поглощая фруктовые соки, массируя друг другу мышцы, разбирая тактические схемы, жуя и хохоча, вся эта компания вела общий разговор, в котором Геннадий, как ни силился, не смог разобрать ни одного слова.

«Какие вы все беззаботные и веселые, господа, — подумал мальчик. — Вы пьете фруктовые соки, массируете друг другу мышцы, разбираете тактические схемы, жуя и хохоча, и не подозреваете, что зловещий хищник уже простер свои крылья над вашими островами, что рядом с вами плетет свою сеть страшная женщина-паук, сияющая своей фальшивой красотой».

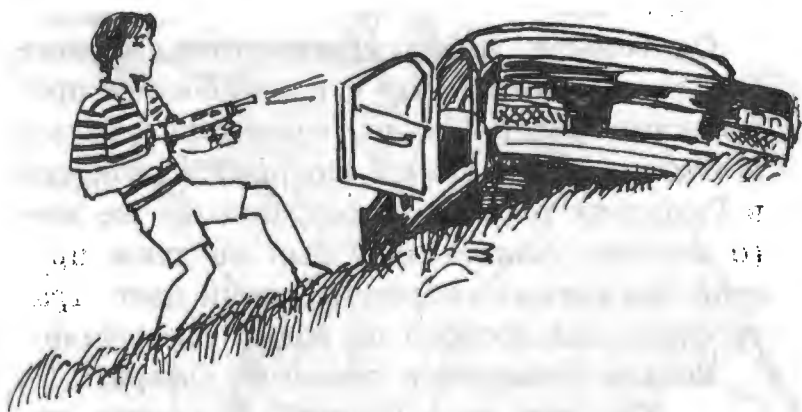
Однако мальчик ошибся. Эмпирейцы были не так уж беспечны. Через минуту из глубины комнаты раздался крик.

— Связь установлена! Капитан Рикшетников просит подойти к рации сенатора Нуфнути Куче.

Не помня себя от радости, Геннадий толкнул балконную дверь и под удивленные возгласы легоперов побежал к рации.

— Это он! — возвел руки к небу сенатор. — Потомок нашего памятника!

ГЛАВА X,

*в которой на земле и в воздухе
режут моторы системы «роллс-ройс»,
звучат дифирамбы и клятвы в верности*

Гигантский «Боинг-747» компании «ПАН-АМ», миновав воздушные пространства Южной Америки, Океании, Юго-Восточной Азии, Индии и Ближнего Востока, летел теперь над Европой. Командир экипажа Бенджамин Ф. Аллигейтер брился и смотрел вниз на проплывающие малые страны, на молочные реки и кисельные берега густонаселенного континента. Б.Ф. Ал-

лигейтеру не особенно нравилось это дрожащее желе неопределенного цвета, именуемое Европой.

Он больше любил красноватое свечение Сахары, темно-зеленый с коричневыми прожилками колер Индии, чередование белых и темных пятен разной глубины и резкости в Гималаях и Кордильерах. Больше же всего мистеру Аллигейтеру был по душе простой, без всяких хитростей, синий цвет стратосферы, под которой он водил свое судно.

Вошла стюардесса гаваянка Омара.

— Как там дела, Омара? — спросил командир, хотя и так знал, что все в порядке, что пассажиры первого класса, надрывая животики, смотрят фильм «Живешь только дважды», а пассажиры второго класса скорее всего дрыхнут.

— Вас хочет видеть какой-то господин, — сказала Омара. — Он назвался Румпельштильцхеном.

— Пусть войдет, — сказал командир, ничем не выдав своего удивления. Что занесло сюда старого Румпеля? Не будет он по пустякам совершать межконтинентальные рейсы.

Вошел пожилой господинчик, похожий на какого-нибудь пуговичного фабриканта из Гааги, инспектор могущественного Ин-

терпола, международной уголовной полиции.

Аллигейтер и Румпельштильцхен встречались не чаще одного раза в год, а знали друг друга давно: ведь бравый летчик вот уже много лет считался одной из самых опытных ищек Интерпола.

- Привет, Бен.
- Привет, Румпель.
- Стареешь, Бен. Не заметил меня.
- Где ты сел?
- В Бангкоке, но наши ребята прово-

жают тебя еще с Монтевидео. Руководство опасалось за твою колымагу, Бен.

— Даже так?

— Ты слышал о нападении на теплоход «Ван-Дейк»? Здесь в самолете типы из той же компании.

— Наркотики?

— И золото. Главное, Бен, тут в том, что подпольная империя «Анаконда» ведет войну с какой-то другой мафией, еще более сильной и скрытой от нас. Мы знаем только, что и те и другие сейчас у тебя на борту, но не знаем, кто они, как выглядят, где они сели в самолет.

— Через час тридцать пять будет Лондон, — сказал Аллигейтер.

— Слава Богу, — вздохнул Румпельштильцхен. — Надеюсь, теперь они уже не поднимут бучу. У наших судорога начинается от напряжения.

— Об «Анаконде» я кое-что слышал, — задумчиво проговорил командир, — но кто их враги?

— Они действуют очень широко. То в Гонконге, то в Лаосе, то в Австралии, то в Европе мы находим их следы, но следы всегда обрываются... Где-то у них есть тайная база. Но где? Кто их главарь?

— Может быть, мадам Вонг? — усмех-

нулся Аллигейтер, вспомнив полумифическую женщину-пиратку, о которой несколько лет назад кричали все газеты мира. Таинственная китаянка, лица которой не видел ни один смертный. Специалисты сошлись на том, что под этой романтической маской скрывалась просто группа гонконгских уголовников.

Румпельштильцхен отмахнулся от шутки:

— Мне лично кажется, что им покровительствует разведка какой-то мощной страны. Это мое личное мнение. Слушай, Бен, пройдишь-ка не спеша по своей колымаге. Может быть, что-нибудь заметишь.

— Сейчас, добреюсь...

Пока электробритва очищала правую щеку капитана, миновали Австрию. Аллигейтер подтянул галстук, нацепил профессионально-приветливую улыбку и вышел в салон.

Так и есть: в первом классе пассажиры кисли от смеха. На экране Шон Коннери молотил бронзовой статуэткой по голове гиганта борца сумо¹. Кто из этих выложенных богатеев может оказаться гангстером? Любой — и никто.

¹ Сумо — национальная японская борьба.

Командир прошел в салон второго класса. Больше сотни людей самых разных наций томились в креслах. Все уже устали от столь долгого полета. Спортсмены, туристы, монашки, бизнесмены средней руки, компания хиппи... Вот, пожалуй, один подозрительный тип — узкоглазый, с тяжелой нордической челюстью... Что-то почти неуловимое в облике сближает его с теми холоднокровными гадами, с которыми жизнь не раз сталкивала Б. Ф. Аллигейтера. Но рядом с ним сидит какой-то славный мальчишка, лобастый, ясноглазый крепыш, и они мирно беседуют. Вряд ли этот паренек из мафии...

Командир прошел через весь салон и остановился в багажном отделении. Туда же скользнул старший стюард Карриган, похожий на дрессированного павиана.

— Кажется, все в порядке, чиф? — сказал он, широко улыбаясь.

Командир заглянул в рыжие глаза своего старшего стюарда. Вот самая темная личность на борту. Кто он: агент Интерпола, гангстер, человек ЦРУ, контрабандист? Черт бы побрал этот шпионский, шпионский, шпионский, тайный, порочный, блудливый мир! То ли дело простой голубой цвет стратосферы.

— Все в порядке, Карриган, — буркнул командир.

Между тем лобастый ясноглазый крепыш (читатель, конечно, уже догадался, кто это!) обратился к своему спутнику:

— Я, пожалуй, сосну часок перед прилетом, мистер Чанг.

— Не возражаю, Джин, — ответил спутник и вдруг подмигнул обоими глазами, передернул неподвижную маску своего лица. — А сколько миллиончиков в сундуке твоей бабки, Джинни-бой?

Эта странная судорожная ухмылка и шутка, которую Джерри Чанг повторил по меньшей мере раз пятьдесят за многочасовой полет, вконец опротивели Геннадию. Однако он вежливо в пятидесятый раз ответил:

— Я не посвящен в финансовые дела своей бабушки, мистер Чанг.

Он закрыл глаза, и вновь, в который раз, перед ним закружились события последних дней, лунные пятна и солнечный блеск Больших Эмпиреев...

В середине пролива Рикко Силла включил мотор своей лодки и сел за весла. Уже занимался рассвет. Геннадий волновался, но лучший легопер мира подмиги-

вал ему ободряюще, а вид его мускулов и сахарно-белых зубов вселял уверенность.

Лодка уткнулась в гальку. Геннадий пожал руку гиганта, прыгнул на берег острова Карбункл. Короткими перебежками пересекал он освещенные луной куски пляжа, прятался за валунами. Нависшая над морем базальтовая стена Карбункла была уже близко, когда Геннадий вдруг услышал голос:

— Стой!

Перед ним в маленькой нише сидела, поджав под себя ноги в белых джинсах, Наташа Вертопрахова, то бишь Доллис Накамура-Бранчковска.

— Где ты был? — спросила она сурово.

— Там, — растерянно махнул рукой Геннадий, — в море...

— Ты был в Оук-порте, Джин, — сказала Доллис.

— Нет, нет, что ты! — забормотал Геннадий. — Просто мне не спалось, я спустился к морю... здесь какой-то рыбак покатал меня...

— Джин, — голос девочки зазвенел от напряжения, — что ты скрываешь? Расскажи мне все! Я буду твоим другом!..

Геннадий посмотрел девочке прямо в глаза. В них дрожала неясная тревога. Она

ничего не знает о подлинной сути своей матери. Было бы слишком жестоко сказать ей сразу обо всем.

— Доллис, ты веришь мне? — спросил он и взял ее за руку. — Ты знаешь, что я не замышляю ничего дурного?

— Да, — сказала она, уже готовая к принятию тайны.

— Тогда не спрашивай меня ни о чем. Тебе будет тяжело узнать правду. Скоро ты все узнаешь, но я не хочу первым причинять тебе боль, Наташа...

— Как ты меня назвал? — округлила глаза девочка.

— Итак, сэр, повторяю, — звенящим от восхищения голосом сказал старший стюард Карриган мистеру Джерри Чангу, представителю фирмы «Райские перья и благоволия». — Повторяю, сэр. Спаржа, русская икра, салат ля паризьен, черепаховый суп, стейк по-техасски, фрукты. Замечательный вкус, сэр! Виски «Кинг Джорж IV»? Гениально! Целую бутылку? Сверхгениально, сэр! Поздравляю!

Вихляя задом, старший стюард удалился.

— Такой обильный заказ, мистер Чанг, — сказал Геннадий. — До Лондона ведь всего один час...

— Не отказываться же от бесплатной закуски, — ухмыльнулся Чанг. — А выпивка в воздухе в два раза дешевле, чем на земле. Скажи-ка, Джинни-бой, сколько миллиончиков в сундуке у твоей бабушки?

— Я не посвящен в финансовые дела моей бабушки, мистер Чанг, — сквозь зубы проговорил Геннадий и снова закрыл глаза.

...Голос Рикошетникова в наушнике звучал ясно, как если бы он находился в соседней комнате.

— Все хорошо, что хорошо кончается, Гена. На борту расскажете обо всем подробно. Нуфнути Куче на катере доставит вас сюда. Мы в пятидесяти милях, координаты известны. Почему вы молчите?

Набравшись мужества, Геннадий проговорил:

— Товарищ капитан, разрешите мне... остаться у Накамура-Бранчковской. Это очень важно, товарищ капитан...

— Что за глупости! — вдруг закричал Рикошетников. Это был первый случай, когда невозмутимый капитан повысил голос. — Что за бредни у вас в голове? Я отвечаю за каждого члена экипажа, а за вас, Геннадий, вдвойне. Вернее, втройне! Не за-

бывайте, что вы еще только мальчик! Выполняйте приказание!

У Геннадия закружилась голова. Это испытание оказалось для него потруднее, чем бегство из башни и допрос в подземелье Карбункла. Возражать своему старшему другу и капитану?! Оспаривать его приказ?! Он посмотрел на столпившихся вокруг рации мускулистых людей, лица которых, возможно впервые за их жизнь, были скованы напряжением.

— Николай Ефимович, — он с трудом проглотил комок в горле, — Большим Эмпиреям и всему народу угрожает беда. Никто, кроме меня, не сможет проникнуть в центр страшного заговора. Я уверен, что вы на моем месте остались бы здесь, а я бы на вашем месте не возражал. Николай Ефимович, пионер не может поступить иначе... поймите меня...

Геннадий замолчал. В наушнике слышался только треск атмосферных разрядов. Капитан тоже молчал. Геннадий приободрился:

— Николай Ефимович, ведь я теперь не один, я связался с патриотами. Кроме того, каждую ночь вам будет сообщать обо мне некто по имени Чаби Чаккерс. Это вполне надежный... — Геннадий запнулся

было, — вполне надежный человек. Мне ничего не угрожает. На Карбункле уверены, что я просто английский мальчишка с романтическими бреднями в голове...

— Ждите у радики. Мы посоветуемся, — сухо сказал капитан.

— Ледис энд джентльмен, аттеншен, плиз, — послышался нежный голос стюардессы. — Просим прекратить курение и пристегнуть ремни. Через пятнадцать минут наш самолет произведет посадку в лондонском аэропорту.

Представитель фирмы «Райские перья и благовония», не жуя, заглатывал огромные куски техасского бифштекса. Геннадий заглянул в потемневшее уже окно. Внизу до самого горизонта извивались, пересекаясь, линии оранжевых бестеневых фонарей. Самолет кружил вокруг Лондона, дожидаясь очереди на посадку.

Немыслимо дерзкая мысль лететь в Лондон вместе с Джерри Чангом пришла в голову Геннадию не сразу. Несколько дней он жил на вилле Накамура-Бранчковской, играл в теннис с Доллис, мило беседовал с хозяйкой, а ночью тайно спускался к проливу и условным ультразвуковым

свистом вызывал верного Чаби. За эти дни он узнал многое, но главное открылось ему только в предпоследний день. Из разговора подвыпивших Мизераблеса и Латтифудо он понял, о каких «парнях из Европы» говорила мадам в ту памятную ночь. Это были не кто иные, как пресловутые «мерсенеры», белые наемники, «рыцари» Буронго, Фриманны, Джигалии, в джунглях которых наводили кровавый «порядок» эти сверхсолдаты, мастера войны, способные за «приличное вознаграждение» стрелять в любую сторону, куда прикажут. Именно они должны были сыграть последнюю часть страшного концерта под дирижерскую палочку женщины-чудовища. Именно из этих профессиональных убийц набирал в Лондоне команду неизвестный Геннадию Эр Би, «настоящий мужчина».

Посоветовавшись с сенатором Куче и патриотами, Гена решил попытаться проникнуть в эту команду для того, чтобы узнать их дьявольские планы.

— Мадам, — сказал он как-то Накамура-Бранчковской, — к сожалению, я вынужден покинуть ваш дом. Могу ли я позвонить в Лондон, чтобы попросить у бабушки денег на билет?

— О Джин! — всплеснула руками оча-

ровательная дама. — Как вы можете говорить о деньгах? Мы с вами люди одного круга, мой мальчик. Нам ли не помогать друг другу? Как раз завтра вылетает в Зурбаган, а от туда в Лондон служащий моей фирмы мистер Чанг. Вы сможете лететь с ним, я дам соответствующие указания. Ах, Джин, — Накамура-Бранчковска притронулась к его руке и вздохнула, — поверьте, мне нелегко расставаться с вами, но я надеюсь скоро быть в Лондоне, и может быть леди Леконсфильд... — Голос дамы слегка дрогнул.

— Бабушка будет рада принять вас у себя, — сказал Геннадий. — Она и ее брат...

— Сэр Лемюэль Кроссли-Датчмен? — округлила глаза Накамура-Бранчковска. — Тот самый, внучка которого, Сьюзен, в прошлом году порвала с Ирвингом Диблатоу, девятым баронетом...

— Да-да, — небрежно подхватил Геннадий, — с тем самым Ирвингом, по кличке «Памфи», который приходится кузеном баронессе Шампунь-Собакиной, той, что в сентябре прошлого года в родовом поместье Йелюу-Кэтс-Хауз объявила о помолвке с гонщиком графом Хидеркутта, братом и хорошим товарищем известного своими конюшнями виконта Бромурала

де Гольденберга, отец которого магараджа Аждарагам этой весной купил остров Силли-Иллис у его матери княжны Патриции Уайт-Торадзе, корни которой, как вам, конечно, известно, мадам, уходят к славному роду Паддингтон-Сен-Лазар-Савеловский...

— О да, о да... — еле слышно прошептала Накамура-Бранчковска. Со священным трепетом она смотрела на юного аристократа. На ее щеках пылал нервический румянец.

Геннадий давно уже заметил, что эта страшная женщина со стальными нервами и холодной кровью совершенно теряла голову перед аристократическими именами и титулами. Ей так хотелось войти в тот круг бездельников и хлыщей, что называется «хай-лайт» (высший свет!). Не лишенный воображения, мальчик болтал что в голову придет о своих «светских» связях, и мадам в такие минуты смотрела на него, как кролик на удава...

«Как проникнуть в логово наемных солдат?» — думал Геннадий, идя по стеклянному коридору лондонского аэропорта рядом с мистером Чангом, движения которого отличались каким-то особым механическим свойством, придавая ему сходство с плохо отлаженным роботом.

В последнюю ночь на Больших Эмпиреях сенатор Куче, Рикко Силла и президент Джечкин дали мальчику множество советов, как вести себя в Лондоне, но все они были настолько наивны, что Геннадий, никогда раньше не бывавший в британской столице, но знавший о ней кое-что по литературе, прессе и телевидению, приказал себе немедленно их забыть. Правда, Рикко Силла раздобыл где-то толстенный путеводитель. Геннадий изучил его от корки до корки, и ему казалось, что он может с закрытыми глазами пройти от Паддингтонского, к примеру, вокзала до Белгрейв-сквер, где жила его «бабушка» леди Леконсфильд.

Сейчас он шагал в толпе пассажиров внешне спокойный, держа под мышкой портфель с эмпирейскими сувенирами. Читатель, конечно, уже заметил, что наш герой отличался исключительным самообладанием.

— Ну, Джин, где твоя золотая бабуля? — проскрипел мистер Чанг, буравя глазами толпу встречающих.

— Меня никто не встречает, мистер Чанг. Я решил не беспокоить бабушку телеграммами.

— Как же ты доберешься?

— Ну... — Геннадий искоса взглянул

на Чанга и заметил, что «робот» тоже косит на него глазом-индикатором, — хотя бы на такси или... вы меня подвезете, мистер Чанг... Ведь вас встречают?

— Мальчик с вами? — спросил у Чанга полицейский чиновник, сидящий на высоком табурете у турникета, за которым начиналась территория Великобритании.

— Да, офицер. Мальчик со мной.

— Велкам, сэр, проходите.

Чанг и Геннадий прошли через турникет. Чанг махнул кому-то рукой, ослабился с какой-то подобострастной наглостью. Геннадий повернулся и увидел не кого иного, как полковника Бастардо Мизераблеса ди Порк-и-Гусано. Да, это был несомненно он — бананообразный нос, гусеницы бровей, подбородок утюгом... Но что-то в нем изменилось — исчезла тупая мрачность из глаз, а со щек пропали синие алкогольные паучки. Мизераблес был подтянут, гладок, элегантен, на губах его блуждала улыбка, полная добродушно-коварного юмора, столь свойственного властным, сильным натурам.

— Полковник, каким образом вы смогли опередить нас? — воскликнул Геннадий.

— Мистер Стрейтфонд? — усмехнулся

встречавший. — Очень рад. Мадам сообщила мне о вас. Должен вас огорчить мистер Стрейтфонд: перед вами всего лишь брат блестящего полковника, зеркальная копия кавалера Ордена Счастливой Лопаты. Я лишь скромный коммерсант. Ричард Буги к вашим услугам.

— Ричард Буги?! — вскричал с неподдельным изумлением Геннадий. — Уж не потомок ли вы, сэр, знаменитого адмирала Рокера Буги?

В глазах Эр Би (теперь Геннадий понял, кто это такой) появилась заинтересованность.

— Приятно удивлен, мой мальчик, что вы хотя бы слышали это имя. Соотечественники редко ценят своих истинных героев. Слава часто достается дутым фигурам.

— Слышал это имя! — воскликнул с горячностью Геннадий. — Да ведь это мой кумир, сэр! Я преклоняюсь перед памятью адмирала Буги! Но почему ваш брат, сэр, носит другое имя?

Ричард Буги снисходительно усмехнулся.

— Фук всегда испытывал тягу к пышным титулам и именам...

— Разве может быть имя прекраснее имени Буги! — вскричал Геннадий. Он про-

должал разыгрывать восторженность. — Да я бы отдал полжизни за это имя!

Тяжелая рука с перстнем опустилась на плечо мальчика, клавиатура челюстей обнажилась в довольной улыбке, низкий голос прогудел:

— О'кей, бой!

Чанг занялся оформлением своего багажа, кованых сундуков с перьями райских птиц и благовониями, а Геннадий и Ричард Буги медленно направились к выходу из здания аэропорта. Геннадий не умолкал ни на минуту. Он видел, что Ричарду Буги чрезвычайно приятно выслушивать дифирамбы в адрес своего предка. Если бы знал потомок кровавого пирата, что рядом с ним идет прапрапрапраправнук капитана Стратофонтова, пустившего на дно сумасшедшие мечты императора Рокера II!

Они вышли на площадь, заполненную сотнями разномастных автомобилей и автобусов. Огни реклам дрожали на лакированных крышах и стеклах машин. Гудки, крики, обрывки музыки, близкий вой мощных авиамоторов... Зарево Лондона освещало половину небосклона. Геннадию стало немного не по себе. Что может сделать здесь он один, в незнакомом огромном городе?

Ричард Буги остановился возле огромного черного «роллс-ройса».

— Вот моя тележка, — сказал он с плохо скрытой гордостью.

— Отличная машина, сэр, — похвалил Геннадий. — Очень похожа на автомобиль моего двоюродного дедушки Лемюэля Кроссли-Датчмена.

— Верно, — подтвердил Буги. — С той лишь разницей, что я вожу ее сам. Мне нравится чувствовать свою власть над этой большой штукой.

— Понимаю, сэр, — кивнул Геннадий. — Что может быть приятнее для настоящего мужчины, чем чувство власти?

Буги захохотал.

— Эге, паренек, я вижу, ты не так прост!

Подошел Чанг и проскрипел:

— С багажом все в порядке, Дик.

После этого он вдруг перешел на карбунклское наречие эмпирейского языка. Геннадий, делая вид, что осматривает машину, насторожился.

— Слушай, Дик, ты знаешь, сколько миллиончиков в сундуке у бабки этого щенка?

— Думаю, немало, — буркнул Буги. — А тебе-то какое дело?

— Есть идея, Дик. Давай-ка спрячем мальчишку в твоей берлоге, и бабуле пошлем письмо от двух доброжелателей. Можно огрести по сотне тысяч.

Сердце Геннадия заколотилось.

«Браво, Чанг! Пробраться в берлогу Эр Би — это уже удача! Впрочем, бабушка может проговориться, что я русский... Страшный риск, но без риска...»

Ричард Буги печально вздохнул.

— Эх, Джерри Чанг... Как ты был мелкой шпаной из Коулун-сити, так и остался. Ни размаха в тебе, ни воображения...

Он повернулся к Геннадию и приподнял шляпу.

— К сожалению, мистер Стрейтфонд, мы вынуждены сейчас с вами проститься. Вам нужно в центр города... Белгрейв-сквер двенадцать, не так ли? А мы с этим механическим джентльменом, — он бесцеремонно ткнул Чанга пальцем в живот, — направимся в противоположную сторону по Хиллингдон-роуд. Прошу меня простить, Джин.

— Неужели мы больше никогда не увидимся, мистер Буги? Сэр! — воскликнул Геннадий. — Мне хотелось бы еще поговорить с вами о вашем славном предке. Может быть, вы дадите мне свой телефон или адрес?

— Обязательно увидимся. — Буги протянул руку. — Я позвоню вам сам.

Геннадия ничего не оставалось, как направиться к стоянке такси.

Возле стоянки он оглянулся. Буги и Чанг распоряжались погрузкой в «роллс-ройс» кованых сундуков с перьями.

— Выезжай из ряда, — услышал он за спиной знакомый голос. — Главное не прозевать, когда они тронутся с места.

Он обернулся и увидел, что из ближайшего такси за Буги и Чангом напряженно следят суженные глаза старшего стюарда самолета «ПАН-АМ». Рядом с ним сидел еще какой-то мужчина, но лица его в темноте не было видно.

Огромный желто-красный автобус с надписью на боку «Польский бекон — лучший в мире» медленно выехал в коридорчик между стоянкой такси и машиной Буги. Геннадий мгновенно принял решение. Он юркнул за автобус, подбежал к «роллс-ройсу» и быстро проговорил:

— Мистер Буги, там против вас затевается что-то недоброе.

Словно испуганный хищник, Буги отпрыгнул в сторону и мгновенно сунул руку за пазуху.

— Что? Что ты говоришь?

— Там... трое в такси... хотят вас преследовать, — сказал Геннадий.

— «Анаконда»! — взвизгнул несмазанными шестеренками Чанг.

— Молчать! Быстро в машину! — командовал Буги.

Он бросился за руль. Чанг обежал «роллс-ройс» с другой стороны. Ни секунды не раздумывая, Геннадий открыл заднюю дверь и упал на пол автомобиля.

Со второго этажа, из кафе, смотрели на площадь командир корабля Аллигейтер и инспектор Интерпола Румпельштильцхен.

— Слава Богу, все кончилось благополучно, — устало вздохнул инспектор.

— Ты доволен? — спросил летчик,

— Еще бы.

— Но ведь ты никого не поймал, Румпель.

— Хорошо, что они нас не поймали...

В темноте моргали стоп-сигналы выезжающих на автостраду машин.

Геннадий не знал, видели ли Буги с Чангом, как он прыгнул в «роллс-ройс». Лежа на полу, он не слышал ни одного их слова: переднее сиденье было отделено от задних перегородкой из толстого стекла. Он почувствовал, что «роллс-ройс»

идет на сумасшедшей скорости, не меньше 150 километров в час. Следовательно, они едут в сторону от Лондона, по большому городу так не поедешь. Оторвались ли они от погони? Во всяком случае, дело принимало неплохой оборот. «Я решил быть с вами до конца, мистер Буги, — скажет он. — Спина к спине у мачты, сэр...»

Скорость вдруг резко упала. Машина сделала поворот и поехала по боковой дороге. Блики большой автострады перестали мелькать по стенкам. Машина остановилась, открылась передняя дверь, голос Буги прогудел:

— Слышал, Чанг? Они проскочили мимо. Сейчас мы смоемся, а потом рассчитаемся с ними на островах Кьюри...

Он захлопнул дверь, развернул машину и поехал назад к автостраде. Перед выездом был небольшой подъем. Буги включил вторую передачу, и вдруг машина дернулась, взревел мотор.

Почувствовав неладное, Геннадий поднял голову и увидел, что передний отсек «роллс-ройса» наполнился голубоватым светящимся дымом, в котором, словно припадочные, бились Буги и Чанг. Судороги продолжались несколько мгнове-

ний, потом Буги и Чанг уронили головы. Геннадий увидел двух подбегающих мужчин в странных масках. В руках одного из них было короткое ружье с широким, будто бы стеклянным стволом. Второй распахнул дверку машины, нажал на тормоз, выключил зажигание. Светящийся газ мгновенно испарился. Нападавшие сняли маски, деловито приступили к обыску бесчувственных Буги и Чанга. Геннадий заметил, что широкоствольное ружье лежит рядом с машиной на асфальте. Он выскочил из машины, схватил ружье и, увидев изумленные физиономии старшего стюарда и его дружка, нажал спусковой крючок; мелькнул узенький язычок огня, «роллс-ройс» вновь наполнился голубым дымом. Геннадий бросился прочь и упал в кювет — носом в мокрую траву.

Когда потомок великого императора Рокера I очнулся, он увидел над собой ясные, доброжелательные глаза Джина Стрейтфонда.

— Что произошло? — заплетающимся языком пробормотал Буги.

— Все в порядке, сэр. Они связаны, — бодро ответил мальчик.

— Откуда ты взялся?

— Всегда с вами, сэр. До конца. Спина к спине у мачты.

Ричард Буги со стоном приподнялся, увидел связанных врагов, икающего Чанга и расхохотался:

— Ей-ей, ты мне по душе, малый!

ГЛАВА XI,

*в которой слышится «Песня
авантюристки» и звучат голоса
умалишенных*

После соревнований в Кракове (Польша) в жизни Наташи Вертопраховой произошло значительное событие: ее портрет в полный рост и с обручем был напечатан на обложке журнала «Смена». Неизбежное следствие таких публикаций — поток писем. Наташа даже и не представляла, как велик в нашей стране интерес к художественной гимнастике, этому эстетическому

виду спорта. Ей писали школьники всех возрастов, юные и зрелые спортсмены, просто любители прекрасного, курсанты суворовских и нахимовских училищ... Большую часть своего свободного времени Наташа посвящала теперь разбору писем и ответам на них.

Была уже довольно глубокая ночь, когда она приступила к двадцать седьмому за этот день ответу. Она писала пожилому пенсионеру из города Тишинска, книголюб и рыболову:

«Уважаемый Олег Михайлович! Вы интересуетесь моей жизнью, учебой и успехами в спорте. Вы не пропускаете ни одного соревнования по художественной гимнастике. Большое вам за это спасибо!»

Зазвонил телефон. Удивленная столь поздним звонком, Наташа сняла трубку и услышала усталый голос телефонистки:

— Вертопрахова? Поговорите с Лондоном.

Вслед за этим что-то щелкнуло, немного погудело, потом затараторило на ста языках сразу, а потом в тишине женский голос сказал:

— Мисс Вертопрахова? Джаст уан момент, плиз!

«Неужели уже до Лондона докати-

лось? — подумала с некоторым волнением Наташа. — Неужели и в Лондоне заинтересовались художественной гимнастикой?»

И вдруг она услышала невероятно знакомый, спокойный голос:

— Наташа, здравствуй. Это я, Гена.

— Кто? — закричала изумленная Наташа.

— Гена Стратофонов. Я звонил нашим, но никто не ответил. Вероятно, все на даче. Тогда решил... к тебе...

— Откуда ты? Что за глупый розыгрыш? Тоже мне — Лондон, Лондон...

— Я действительно звоню из Лондона.

— Да ну тебя, Генка! Вечно ты что-нибудь выдумашь!

— Послушай, Наташа! — У Геннадия был такой серьезный голос, что Наташа сразу же забыла свое раздражение. — Слушай внимательно и передай все моей бабушке Марии Спиридоновне. Я сейчас в Лондоне, куда прилетел с Больших Эмпиреев, по очень важному делу. Скоро возвращаюсь на архипелаг. Пусть не волнуются. Подробности я сообщу письмом. Это все. Запомнила?

— Да, — тихо проговорила Наташа.

Она вдруг сквозь весь свой спортивно-популярный туман вспомнила, что Генаша

розовым невским вечером что-то лепетал об архипелаге Большие Эмпирей, о каком-то судне, вообще какой-то вздор. Может быть, все это не такой уж и вздор? Сердце ее вдруг пронзила какая-то неясная тревога.

— Гена! — закричала вдруг она.

— Доллис! — вдруг закричал он.

— Что такое? — поразились Наташа. — Как ты меня назвал?

— Прости, Наташа! Как было в Кракове?

— Первый приз!

— Поздравляю!

— Я все передам твоей бабушке! Когда ты вернешься?

— Надеюсь управиться до начала учебного года. Пока, Наташа!

Внизу в холле леди Леконсфильд веселым старческим голосом напевала какой-то романс. Винстон фонировал низким утробным воем.

Старая дама была счастлива. Ее юный спаситель, русский «хрустальный дельфинчик», был выше всякой критики. Он называл ее «гранни» и часами вел с ней душевные серьезные беседы. Она уже подумывала, не отчислить ли ему еще процентов пять из доли Винстона, хотя

Геннадий вторично самым категорическим образом отказался от ее капиталов как человек, воспитанный в принципиально другой системе.

Во избежание случайностей Геннадию пришлось приоткрыть старой даме завесу тайны. Леди Леконсфильд еще со времен зубопротезной деятельности своего мужа научилась держать язык за зубами. Надо ли говорить о том, что она была потрясена мужеством и самоотверженностью своего «хрустального дельфинчика».

— О, Джин, ты рискуешь жизнью ради спасения столь малой народности! О, нет-нет, ты — святой! Не спорь, мой мальчик, я вижу над тобой ореол святости!

Геннадий сдержанно объяснил ей вздорность всяких религиозных предрассудков, а также сказал, что на его месте любой советский пионер повел бы себя так же, ибо советскому пионеру не безразлична судьба как больших, так и малых наций.

Геннадия волновало то, что Ричард Буги вот уже двое суток не давал о себе знать. После столь чудесного спасения и пылкой клятвы в верности мистер Буги доставил мальчика в Лондон, а сам укатил в неизвестном направлении, пообещав в самое ближайшее время объявиться. Ген-

надию оставалось теперь только ждать. Он был уверен, что завоевал симпатии Буги и что рано или поздно ему удастся проникнуть в его логово. Но вот прошли уже два дня...

Часы на столе перед потрясенной Наташей Вертопраховой показывали 21.30, часы на столе перед озабоченным Геннадием Стратофонтовым показывали 18.30. Такова разница во времени между Ленинградом и Лондоном. Вдруг Геннадий услышал прямо под своим окном автомобильный сигнал, напоминающий первые такты из оперы Россини «Сорока-воровка».

Вот оно! Геннадий одним прыжком достиг окна, выглянул. Да, под окном в открытом двухместном вишневого цвета «феррари» сидел, ухмыляясь в усы, мистер Ричард Буги. Большим пальцем правой руки он показал Геннадию на свободное сиденье, а затем указательным постукал по часам: давай, мол, в темпе!

— Yes, сэр! — весело крикнул Геннадий и кубарем скатился вниз, в холл. — Бабушка, за мной заехал один из эмпирейских друзей, — сказал он леди Леонсфильд. — Вы понимаете?

Старая леди ахнула, встала из-за форте-

пьяно и попыталась вооружить Гену огромным ржавым револьвером времен англо-бурской войны. С чувством глубокой признательности мальчик отказался от этого предмета, так же как и от арбалета эпохи Столетней войны и от кельтского меча времен вторжения норманнов.

Он выскочил из дома и с ходу прыгнул на кожаное сиденье «феррари», пожал каменную ладонь своего нового «друга».

— Ну, аристократишка, — улыбнулся Буги, — сегодня ты увидишь много интересного. Ничему не удивляйся, парень.

Возле южной границы квартала Сохо на одной из узких улочек над маленькой дверью висит ржавая вывеска: «Мешок гвоздей». Многие десятилетия это была ничем не примечательная пивнушка, где отдыхали грузчики, продавцы и всякий темный люд из Сохо.

И вдруг в последний год возле «Мешка гвоздей» стали все чаще останавливаться шикарные «ягуары» и «бентли». Элегантные дамы и господа спускались по полустертым ступенькам в подвал, в кисло пахнувший сводчатый зал, чтобы послушать новую разгорающуюся звезду певичку Бубу Флауэр.

Мулат-ударник бешено колотил по барабанам руками и ногами. Саксофонист качался, закрыв глаза. Вдруг наступала пауза, и на эстраде появлялась девица в широких шелковых брюках и длинной блузе.

— Буба! Буба! — кричали из публики. — «Песню авантюристки»!

Я — авантюристка Буба!
Рост, лицо, фигура, зубы
Выше всех похвал!
Токио, Нью-Йорк и Дели,
Восемь стран за две недели!
Риск — мой идеал!
Бокс, дзюдо, борьба каратэ,
Электроды, химикаты,
Акваланги, кинжал!
Фунты, доллары и йены,
Ловкость барса, нюх гиены —
Все мне дьявол дал!
Я могла бы быть артисткой,
Кулинаром, журналисткой,
Но шпионкой-аферисткой,
Хищницей-авантюристкой
Мир меня назвал!

Маленький оркестр взвыл на пределе возможностей человеческого уха. Певичка

подняла руки, сделала несколько сумасшедших па, потом откинула волосы со лба, подмигнула восторженным леди и джентльменам, свистнула в два пальца и улыбнулась откровенно хулиганской улыбкой.

— Представь себе, Джинни-бой, — сказал Ричард Буги, — все эти индюки думают, что Буба просто певичка. Но есть здесь, малыш, и люди, которые знают, что она поет эту песенку неспроста... да, неспроста... — Он загадочно улыбнулся.

Геннадий вспомнил, что спасенные с «Ван-Дейка» говорили о какой-то девице, безжалостной гадине с автоматом. Может быть, это та самая Буба? А может быть, в шайке Накамура-Бранчковской десятки, сотни таких Буб?

— Неужели это возможно? — изобразил наивное удивление Геннадий. — Я думал, что такие вещи существуют только в книгах.

— Ты слышал о стране Буронго, малыш? — усмехнулся Буги. — Слышал ты о городе Трандонге, об острове Корнео? Слышал ты о тех людях, которые...

Буги не успел закончить фразы. К их столику в сводчатой нише, в углу, сквозь толпу танцующих протолкались двое ши-

рокоплевых парней среднего роста в одинаковых серых костюмах. Один — блондин с коричневым лицом, другой — узкоглазый темноволосый азиат. Скрестив руки на груди, они несколько секунд с неопределенными ухмылками смотрели на Буги, а Буги с такой же ухмылкой смотрел на них. Затем Геннадий стал свидетелем любопытного разговора.

— Говорят, сэр, что вы набираете знающих людей в археологическую экспедицию? — сказал первый парень с явным немецким акцентом.

— Присаживайтесь, джентльмены, — пригласил Буги и, когда парни навалились локтями на дубовый стол, улыбнулся. — Я вижу, у вас одинаковый вкус, друзья. Серые костюмы по тридцать фунтов с Олд Бонд-стрит, голубые галстуки из «Либерти»...

— Только что прибыли, сэр, — сказал темноволосый, — решили приодеться по-человечески.

— Откуда прибыли?

— Из жарких мест, сэр.

— Это я вижу. Точнее.

— Южная Фриманна, сэр.

— Ваше имя? — спросил Буги темноволосого.

— Лакендра Туцу, сэр, но больше известен под именем Буллит¹. Несколько лет назад демобилизовался из британской армии, домой решил не возвращаться, участвовал в четырех экспедициях.

— Инструментами владеете?

— За исключением музыкальных, любыми, сэр.

— Вы гурк?²

¹ Bullit (англ.) — пуля.

² Гурки — племя горцев в Гималаях. Британские колонизаторы набирали из них отборные отряды «командос», которым прививалась исключительная жестокость.

— Да.

— Вы подойдете, — коротко сказал Буги и повернулся к блондину. — Ну, а вы, искатель приключений? Идеалист из Мюнхена?

— Обижаете, сэр, — жестко сказал блондин. — Мы с Буллитом не расстаемся пять лет. Вместе отступали из Лайонвиля. Должно быть, слышали о деревне Касамбо? Вы со своим отрядом тогда...

— Много болтаете для профессионала, — буркнул Буги и сделал жест бармену.

Когда на столе появились три стаканчика джина с тоником, Буги широко, дружески улыбнулся:

— Значит, только вернулись, ребята, и уже снова на работу тянет?

— Точно, сэр. Разве здесь жизнь?

— А вы знаете, куда мы отправимся?

— Нет, сэр. Но уж наверняка в веселое местечко, а?

— Вот что, — Буги вырвал листок из блокнота, — завтра явитесь по этому адресу в Камден-таун для заключения договоров.

— Условия, сэр?

— Там все скажут. Пока. Мы отчаливаем. Джин, попрощайся с господами археологами.

Солнце уже сильно клонилось к закату, когда темно-вишневый «феррари» обогнул статую Эроса и устремился на запад по Пикадилли. Ярко пылали стекла красных двухэтажных автобусов и крыши бесчисленных автомобилей. Вот уже третий день.

Геннадий в Лондоне, а знаменитыми туманами не пахнет. Солнце с рассвета до заката царит в безоблачном небе.

— Знаете, сэр, — сказал Геннадий, — я испытываю какое-то странное чувство, нечто вроде ностальгии по Большим Эмпиреям. Не было ли в экипаже вашего предка кого-нибудь из Стрейтфондов? Неужели я никогда не попаду больше на этот архипелаг?

Ричард Буги быстро взглянул на мальчика.

— Ты не заметил там ничего странного, Джин? — спросил он.

— Нет, сэр... впрочем... я не знаю тамошнего языка, сэр. Но, может быть, я ошибаюсь, там что-то готовится, какие-то перемены...

— Правильно заметил, Джин, — кивнул Буги. — Скоро там все будет по-иному.

Они выехали на Консингтон-роуд, проехали мимо Гайд-парка и памятника принцу Альберту.

— Ты мне спас жизнь, парень, — сказал Буги, — и вообще ты мне нравишься. Сегодня ты увидишь, что род адмирала Буги не оскудел и что не все еще мужчины белой расы превратились в неврастеников. Увидишь такое, что и не снилось ни одному мальчишке твоих лет.

Читатель легко может себе представить, какие чувства охватили Гену после этих слов. Он понял, что близок к своей цели.

Через полчаса «феррари» выбрался на магистраль, а еще через десять минут свернул на какую-то узкую ветку, в начале которой стоял щит с надписью: «Private road» — «Частная дорога». Дорога эта привела к высоким глухим воротам с вывеской: «Частная психиатрическая лечебница доктора Сильвестра Лафоню». Ворота бесшумно раскрылись, и «феррари» въехал в обширный двор с типичным английским ярко-зеленым лугом, подстриженными кустами, приветливым белым зданием в глубине, за которым виднелись деревья парка. Все здесь было специально создано для спокойствия, для починки поломанной нервной системы; все было тихо и смиренно, если не считать кровавого заката, отражающегося в окнах дома.

Едва «феррари» подъехал к дому, оттуда

выскочил рыжеволосый субъект в синей униформе и распахнул дверцы машины.

— Где больные, Мак? — спросил Буги.

— Все в порядке, сэр. Больные в парке, на занятиях.

— Пройдем через дом, Джин, — пригласил Буги. — Посмотришь, как занимаются наши бедняжки.

Они вошли в дом, прошли по пустому гулкому холлу в длинный темноватый коридор, по которому прогуливался рослый детина с коротким карабином в руках.

— Ну как, Орlando? — спросил Буги.

— За дурачка меня принимаете, босс? — обиженно прогудел детина. — В жизни им не проникнуть сюда. Что вы, меня не знаете? Как-никак...

Большая черная лапа, появившаяся из-за угла коридора, схватила его за лицо. Из-за скульптуры Аполлона мелькнула какая-то тень, и часовой исчез, исчез бесследно, как будто его здесь и не было. Сверху, с потолка, послышался насмешливый голос:

— Привет, босс! Я уже полчаса вишу над Орlando, как летучая мышь. Все вас дожидались.

— Ну ладно, выходите, — рассмеялся Буги.

Геннадий готов был поклясться, что на потолке никого не было, но все-таки оттуда бесшумно прыгнул какой-то человек, а из-за угла появились двое других в странных широких одеждах.

— Эти три парня тренируются по системе «Ниндзя», древних японских разведчиков-невидимок, — объяснил Буги. — За большие деньги нам удалось выцарапать эту тайную систему. Ну, ребята, куда вы девали беднягу Орландо?

— Вот он, босс, — ответил один из «ниндзя» и извлек из складок одежды неизвестно как поместившегося там огромного «беднягу Орландо».

— Протестую, Дик, — прохрипел полужадушенный страж. — С нечистой силой воевать не нанимался.

— Если бы он обнаружил их, он бы стал стрелять? — спросил Геннадий Ричарда Буги.

— Конечно.

— Боевыми патронами?

— Нет, холостыми. «Ниндзя» — слишком дорогой товар. Но должен тебе сказать, что очень часто даже на тренировках мы стреляем боевыми. Мы здесь шутить не любим. Пойдем дальше, Джин.

Они прошли еще метров двадцать по

коридору, и вдруг за одной из дверей Геннадий слышал русскую речь.

— Стой! Руки вверх! — орал дикий голос с невероятным акцентом. — Где спрятал оружие?

Геннадий остановился как вкопанный.

— Кажется, какой-то славянский язык, сэр? — спросил он.

— Урок русского языка, — объяснил Буги.

— А это зачем, сэр? Уж не собираетесь ли вы воевать с Россией? — Геннадий еле еле смог скрыть усмешку.

— С русскими у меня особые счета, — буркнул Буги. — Тот клипер сорвал планы моего деда. У них было больше пушек и скорость выше. Проклятый русский капитан загнал нашу эскадру в залив Сильвер-бей. Может быть, пьяница Фук и забыл об этом, но Ричард Буги не таков. Пару лет назад я был в Ленинграде и узнал, что там еще живут потомки Стратофонта.

Он остановился, вынул сигарету, чиркнул зажигалкой, закурил и усмехнулся. И тотчас в памяти Геннадия вспыхнул снежный вечер на Марсовом поле, памятник Суворову, Кировский мост... Так вот кем был тот неприятный иностранец, на кото-

рого они обратили внимание с капитаном Рикошетниковым!

— Я уничтожу памятник этому паршивому Страттофудо и на его месте поставлю памятник истинному герою — адмиралу вольного флота и императору Рокеру Буги! — горячечно зашептал Ричард.

— Вы истинный Буги! — воскликнул Геннадий.

Маленький психолог, как уже известно, нащупал слабую струнку своего противника. Ричард при этих словах застыл в монументальной позе, словно сам себя вообразил уже памятником.

— Но все-таки зачем на Эмпиреях русский язык сейчас? — осторожно спросил мальчик.

Буги стряхнул бронзовое оцепенение.

— Понадобится...

«Они замышляют что-то против «Алеши Поповича»... — подумал Гена. — Помнится, мадам говорила об этом Мамису...»

Они вышли из дома и по идиллическим тенистым аллеям углубились в парк. То тут, то там среди деревьев стремительно перемещались короткими перебежками «пациенты» доктора Сильвестра Лафоню. Группа душевнобольных, собравшись под навесом, изучала новенький бронетранс-

портер марки «мерседес». То тут, то там мирно гукали автоматические винтовки, снабженные глушителями.

— А какие у вас отношения с полицией, сэр? — спросил Геннадий.

Буги захохотал и обнял его за плечи.

— Толковый ты паренек, Джинни! Вопрос в самую точку. Видишь ли, местный констебль человек покладистый. Он отлично понимает, что несчастным шизофреникам и истерикам необходимо для лечения какое-нибудь увлекательное дело, хороший спорт. Хочешь познакомиться с инвентарем нашей клиники?

Он ввел Геннадия в низкий сарайчик, зажег свет, и Геннадий увидел целый арсенал: десяток автоматов в гнездах вдоль стены, два гранатомета, пулемет, ящики с патронами, какая-то радиоаппаратура, гирлянда наручников...

— Все самое современное, из Мьетвиня, прямо из пекла, по знакомству, — горделиво сказал Буги. — Винтовки «ЭМ-14», гранаты...

На пороге сарайчика вырос рыжеволосый субъект в униформе.

— Босс, вас вызывают на связь! — возбужденно заорал он.

— Сама? — испуганно спросил Буги.

— Кажется, да...

От спокойной величавости императорского потомка не осталось и следа. Он быстро юркнул в дверь и исчез.

В течение четверти часа Геннадий в полном одиночестве усиленно знакомился с оружием. Прервал это занятие приятный, мягкий голос.

— Будьте любезны, поставьте на место мой автомат.

Геннадий резко обернулся. В дверях стоял высокий человек довольно странного вида. Волнистые, до плеч, волосы, тонкие усики и острая бородка делали его похожим на мушкетера, но полосатая майка и вельветовые джинсы с широким поясом сообщали вполне современный вид.

— Прошу прощения, сэр, я просто хотел посмотреть, — сказал Геннадий и представился: — Джин Стрейтфонд.

— Мое имя Джон Грей, — поклонился длинноволосый. — Как вы попали сюда?

— Меня привел... — начал было Геннадий, но в это время в сарай ввалились десять других наемников во главе с гориллой лет сорока пяти.

Все они орали по-русски:

— «Стой, стрелять буду! Ложись на палубу!» — и дико хохотали.

Геннадий понял, что эта группа явилась с занятий по русскому языку.

— Хватит гоготать! Разобрать оружие! — заорал горилла. — Сейчас на ночные стрельбы попремся! Эй, что тут за щенок болтается? Иди-ка сюда, малый!

— Повежливей, мистер Горилла! — крикнул ему в ответ Геннадий.

Наемники грохнули:

— Ай да мальчонка! Верно он Пабста окрестил Гориллой! Горилла — она и есть горилла! Чистая горилла!

Горилла Пабст ринулся на Геннадия, пытался схватить его за шиворот, но мальчик увернулся и сильно ударил Пабста ногой в зад. Пабст взревел и выхватил из гнезда свой автомат.

— Хотите меня застрелить, Горилла? — вежливо спросил Геннадий.

— Попался бы ты мне в Буронго, щенок!.. — прорычал Пабст.

— А вы вообразите, что вы в Буронго, сэр. Уверяю, что не попадете в меня даже с десятка метров.

На этот раз наемники засмеялись уже над мальчиком.

— Да-да, джентльмены, — серьезно сказал Геннадий. — Никто из вас не попадет в меня с десятка метров при стрельбе одиночными выстрелами.

— Это почему же, бой? — крикнул кто-то.

— Я умею увертываться от пуль, — сказал Геннадий, снял с одного из наемников огромную шляпу, так называемый «шестигалонный стетсон», водрузил ее себе на голову и отошел в глубину сарая. — Попробуйте хотя бы сбить с меня эту шляпу, джентльмены.

— Мальчишка издевается над нами! — загудели наемники.

Один из них положил руку на плечо Джону Грею.

— Ну-ка, Силач-Повеса, покажи ему свою руку.

— Я не Вильгельм Телль, — сказал Джон Грей и присел со своим автоматом в угол.

— Если бы он был черномазым, я бы рискнул, — буркнул другой наемник.

— Труссы! — резко крикнул Геннадий.

Сразу же в ответ хлопнул выстрел. Геннадий махнул головой — шляпа осталась на месте. Еще один выстрел. Геннадий крутанулся волчком — шляпа осталась на голове. Еще выстрел — та же картина!

— Да вы что, стрелять разучились, ублюдки! — взревел Пабст.

В наступившей тишине Джон Грей вежливо спросил Геннадия:

— Как вам это удается?

— Воля к жизни, — бойко ответил мальчик.

— А-а, понимаю, — покивал Джон Грей. — Воля к жизни.

— Воля к жизни и свободе, — добавил Геннадий.

— И к свободе, — задумчиво проговорил Джон Грей. — Неплохо сказано — воля к жизни и свободе...

— Хватит болтать! Лови-ка пулю! — гаркнул Пабст, поднял автомат одной рукой и выстрелил.

Геннадий отскочил в сторону и подул в ладошки.

— Поймал, сэр! Вот она, горяченькая!

Наступило молчание. Дюжие наемники, раскрыв рты смотрели на удивительного мальчика. Пабст, выпучив глаза, вытирал пот со лба. Геннадий снял целехонькую шляпу и отвесил присутствующим шутовской церемонный поклон.

— Вот это малый! Такого бы в нашу команду! — сказал кто-то.

— Ей-ей, малыш! Тебе бы нашлось местечко в моем «джипе», — буркнул Пабст.

— Джентльмены, я мечтал бы работать вместе с вами, — проговорил Геннадий.

Джон Грей встал, обнял мальчика за плечи и отвел его в сторону.

— В мой автомат вы не успели вставить холостую обойму... — тихо сказал он.

— Да, сэр, ваш был последний, я не успел, — признался Геннадий.

— И все-таки вы рискнули затеять эту игру?

— Да, рискнул.

— А если бы выстрелил я?

— Вы бы не выстрелили, сэр.

— Вы уверены?

— Конечно. Ведь вы же тот самый Джон Грей — Силач-Повеса. Очень странно было увидеть вас здесь, но я вас сразу узнал. «Джон Грей — Силач-Повеса, сильнее Геркулеса, храбрый, как Дон-Кихот...»

— А-а, эта песенка! — улыбнулся Джон Грей. — В ней много преувеличено. Помните, там какая-то ерунда про ковбоя Гарри?

— Еще бы не помнить! — воскликнул Геннадий.

— Вовсе я не убивал этого прохвоста. Нелли сама его выгнала... Но все-таки мне очень приятно, что вы помните... Да, да, бывало всякое, при свете лунном кружились пары, да-да... Слушайте, а зачем вам понадобилось устраивать этот цирк с холостыми патронами?

— Мне нужно попасть в вашу команду, мистер Джон Грей, — прошептал Геннадий.

— Тайна? — деловито осведомился Силач-Повеса. Он протянул Геннадию узкую длинную ладонь, и по ее пожатию мальчик понял, что Грей вполне заслуживает первую половину своего прозвища.

Хлопнула дверь, и на пороге появился веселый, энергичный Ричард Буги.

— Эй, леопарды! — закричал он. — Не

обидели тут моего гостя? Ну, Джин, познакомился с современными джентльменами удачи?

— Твой гость — настоящий бесенок, Дик, — сказал Пабст. — Я бы нашел для него местечко в своем «джипе», ей-ей...

— Эти люди, малыш, знают цену жизни! Они беспощадны, но и себя не щадят. Каждый из них сто́ит целого батальона простых солдат. Они умеют убивать и умирать. В джунглях и в песках, в воздухе, в горах и в море нет более страшного зверя, чем белый наемник! Соль земли, они несут из глубины веков то, чем славна белая раса, покорившая все континенты: мужество, боевую спайку, авантюризм и великую белую мечту!

Голос Ричарда Буги звенел, глаза пылали, и если бы Геннадий не знал цену этой фальшивой человеконенавистнической расистской романтики, он мог бы, пожалуй, даже увлечься вдохновенными пассажами бандита. Нет, он знал всему этому цену и был начеку.

Геннадий сидел в мягком кресле кабинета Буги и изображал немой восторг. Стены кабинета украшали африканские маски и оружие, под потолком висела большая

модель все того же престловутого «Голубого кита». Но главным предметом в комнате был огромный портрет Рокера I, сделанный в старинной манере, подобно гравюрам, изображавшим пиратов XVII века: Рокка Бразильского, Джона Моргана и Франсуа Олонэ — свирепое, вполоборота лицо и обнаженный палаш на плече.

Ричард разглагольствовал, прогуливаясь по кабинету с бокалом шампанского в руке.

— Не в пример своему спившемуся брату, пью только французское шампанское, — пояснил он. — Всегда вожу с собой запас этого благородного напитка. Однажды в Буронго запас кончился. Тогда я со своим отрядом напал на один городок под предлогом очистки его от коммунистов и захватил в местном отеле дюжину ящиков «Вдовы Клико».

— И должно быть, переколотили немало народа, сэр? — усмехнулся Геннадий.

— Там мы не считали, — хохотнул Буги.

Ненависть к этому ухмыляющемуся фанфарону-убийце сжигала мальчика, но выдержке его мог бы позавидовать любой взрослый мужчина.

— Да, дружище Джин, — продолжал Бути. — Пациенты доктора Сильвестра Ла-

фоню видали всякое. Большинство из них служили под знаменами единственного белого из африканцев Чуиза Томбе, колотили своих противников так, что голубые каски разлетались, как яичная скорлупа.

— А Джон Грей? — спросил Геннадий.

— Силача-Повесу я знаю меньше. Он работал в Центральной Америке, на Гаити и, кажется, в Санто-Доминго. Его рекомендовал мне друг покойного Артура Пейна как лучшего стрелка, летчика и парашютиста. Но остальных мальчиков я знаю почти всех. Вместе мы сражались под началом Джека Доллара, полковника Брома, Бу-мю, ну, а теперь у меня будет своя команда.

— Разрешите вопрос, сэр? Куда вы направитесь из Англии, каковы ваши планы?

Буги откупорил еще бутылку, ухмыльнулся и, явно рассчитывая на эффект, медленно произнес:

— На Большие Эмпиреи, сынок, на твои любимые Большие Эмпиреи.

— Как? — вскричал Геннадий. — Не ослышался ли я?

— Нет, не ослышался. Мадам уже ждет не дождется.

— Какая мадам?

— Наша хозяйка, — саркастически

улыбнулся Буги, — мадам Накамура-Бранчковска.

— Мадам Накамура-Бранчковска ваша хозяйка? — Геннадий вскочил. — Это шутка, сэр? Мадам увлекается цветами, пишет стихи!

— Старая бандитка! — захохотал Буги; приложившись к горлышку, он выпил полбутылки благородного напитка. Уши его налились внутренним огнем. — Джинни-бой, я делаю на тебя ставку и поэтому расскажу все об этой бабе. Мадам — глава огромной подпольной империи. Начинала она, как и все мы, в Трандонге, в Коулунсити, где за каждой бамбуковой шторкой можно получить порцию гашиша или свинца. Она оказалась ловчее всех, эта ведьма. Она втерлась в доверие к доктору Кабэ, королю золота и опиума. По дешевке мадам купила три ржавых торпедных катера и стала нападать на торговые суда. Я сам служил на одном из этих катеров простым пулеметчиком. Уже тогда она нажила огромные деньги, но потом влипла в историю: ограбила американский военный транспорт. Многих из наших тогда похватали, но мадам быстро нашла общий язык с ЦРУ. Пока судьба носила меня по всему белому свету, мадам устраивала свои де-

лишки как нельзя лучше. Теперь у нее миллионы и страшная власть, а у меня, кроме этой маленькой штучки, — он показал мальчику пистолет «беретта», — никакой собственности. Все, что ты видел здесь, все на ее деньги.

— Скажите, сэр, а ее дочь Доллис знает о том, кто ее мать?..

— Дочь! — захохотал Буги. — У кобры еще никогда не рождались человеческие детеныши. Доллис похищена у каких-то французских аристократишек. Мадам помещана на аристократизме. Она и тебя отпустила домой только для того, чтобы пролезть в аристократические круги. Не будь твоя бабка Леконсфильд, полакомились бы тобой акулы. Теперь по ее плану мы должны разогнать эмпирейских сенаторов-легоперов и объявить ее королевой Больших Эмпиреев и Карбункла как законную наследницу основательницы Оук-порта баронессы де Клиссон. Ну, Джин, что ты на это скажешь?

Ричард Буги уперся кулаками в подлокотники Гениного кресла и приблизил к нему свои пронизывающие глаза.

Для того чтобы почувствовать остроту ситуации, любезный читатель может представить в десяти сантиметрах от своего лица глаза рыси.

— Я... я... — пробормотал Геннадий, лихорадочно нащупывая правильный ответ, — не могу сказать, чтобы мне это особенно нравилось, сэр...

Буги отпрыгнул, захохотал и возвел к потолку сжатые кулаки:

— Баронесса де Клиссон! Королева! Ее папаша до сих пор по ночам торгует лапшой в Йокогаме, а мамаша тачает сапоги в Триесте.

— В то время как вы, сэр, истинный Буги! — вдохновенно подхватил Геннадий. — Стопроцентный, неповторимый Буги!

Ричард опорожнил одним махом еще одну бутылку благородного напитка и зажегся изнутри, как китайский фонарь.

Он вдруг встал на кончики пальцев, на пуанты, и сделал посреди кабинета медленный балетный поворот.

— Посмотрите на эту фигуру, Джин Стрейтфонд! — почти запел он. — Разве отсутствует в ней величавость, разве не присутствует в ней державная осанка? Посмотрите на эту шею, Джин Стрейтфонд, на этот мощный и тугой мускулос! Разве не похож он на звенящий от напряжения вант адмиральского корабля? Посмотрите, Джин Стрейтфонд, на этот гордый чеканный профиль! Разве не достоин он укра-

шать денежные знаки, разменную монету и ассигнации?

Буги слегка подпрыгнул, хлопнул в ладоши и закружился в странном танце под одному ему слышимую чудовищную музыку.

— Крочи, мой мальчик, крочи, чурочи рикотуэр! Малази холионон кукубу! Буги не будет мальчиком на побегушках! В дебрях Лабрадора живет принцесса Буги, он женится на ней и на Больших Эмпиреях воцарится династия Буги-Вуги. Фреомоностр чу ра!

Глядя на этот танец, Геннадий подумал, что в клинике доктора Сильвестра Лафону есть по крайней мере один человек, нуждающийся в серьезном психиатрическом лечении.

ГЛАВА XII,

*в которой снова рокочут авиационные
моторы и гремит автоматическое
оружие*

Небольшой двухмоторный самолет фирмы «Локхид» медленно полз в огромной тропической ночи, словно невидимый вирус, попавший в бутылку чернил.

— Простите меня, Джон, но вы довольно забавно выглядите в шлемофоне, — сказал Геннадий Сялачу-Повесе.

Самолет шел на автопилоте, и поэтому Джон Грей и Геннадий могли свободно

болтать. Джон Грей покуривал, мельком взглядывал на приборы. Геннадий сидел рядом в кресле второго пилота. Сзади, в фюзеляже, храпели на мешках со снаряжением молодчики команды Пабста.

Силач-Повеса поправил длинные свои локоны, выбившиеся из шлемофона, подкрутил усики, погладил бородку.

— Милый Джин, — улыбнулся он, — люди, которые осмеливаются подшучивать над моей внешностью, недолго задерживаются на этом свете, а мне самому моя внешность очень нравится. Что касается вас, то вы, мой друг, тоже довольно странно выглядите в кресле второго пилота. Согласитесь, что вам больше бы подошел уютный детский горшок.

Оба беззлобно посмеялись. За две недели подготовки в клинике для душевнобольных они успели подружиться. Легендарный Джон Грей — Силач-Повеса нравился Геннадию своими вежливыми манерами, мягкостью, странной для наемника задумчивостью. Оружием и техникой он владел действительно безупречно и обладал невероятной, чуть ли не сверхъестественной силой. Непонятна была только вторая половина его прозвища — никаких свойств повесы Геннадий за ним не заметил. Все

свободное время Джон Грей проводил в своей койке за чтением Британской энциклопедии или стихов Т.С. Эллиота. Непонятно было также, как этот мягкий, добрый джентльмен попал в компанию отпетых бандитов.

Мальчик понравился бывалому Грею своей смелостью, ловкостью, прямоотой и целеустремленностью, которая не ускользала от наблюдательного Силача-Повесы.

Итак, они сдружились, что называется, сошлись на короткой ноге, и вот теперь сидели вместе в пилотской кабине, в слабо освещенной железной коробке, ползущей в черном небе над черным океаном.

Это был последний этап утомительного пути из Британии на Большие Эмпиреи. Из Лондона их команда вылетела рейсовым самолетом компании «ВЕА» в Барселону под видом туристов, интересующихся боем быков. Из Барселоны на странной моторной яхте они отбыли как любители рыбной ловли, члены профсоюза текстильщиков, на крохотный, почти безлюдный островок, имевший тем не менее взлетно-посадочную полосу. Там они погрузились в этот самолет, пилотировать который взялся Джон Грей — Силач-Повеса. Они сделали несколько посадок в разных стра-

нах на тайных аэродромах и вот теперь с дополнительными баками горючего совершали многочасовой перелет над океаном.

— Джон, я давно хотел задать вам один важный вопрос, — сказал Геннадий.

— Я знаю, — невозмутимо ответил Силач-Повеса. — Вы давно хотели спросить, что у меня общего с людьми вроде Гориллы Пабста.

— Правильно, — удивился Геннадий.

— Видите ли, Джин, — Силач-Повеса пощипал свои усики, — по своей натуре я авантюрист. Такова и моя профессия, сэр, я — авантюрист. В Латинской Америке я участвовал по меньшей мере в семи так называемых революциях, связывался с разными темными личностями, они приходили к власти, а я сматывался. Брось, Джон, говорил я себе, что толку во всех этих опереточных революциях, кому от них польза — народу, тебе, Рите, крошке Нелли? Но, увы, такова моя натура, и профессия моя такова. Тянет меня к авантюрам, и все!

Последний раз я ввязался в одно совершенно сумасшедшее дело, но оно, к сожалению, кончилось крахом.

— Что же было дальше? — осторожно спросил Геннадий.

— В Порт-о-Пренсе я нанялся матросом на старый ллойдовский пароход, идущий в Европу, а в Европе... э-э... — Джон Грей махнул рукой, — чем мне только ни пришлось заниматься: был мусорщиком, пел в паршивом ресторанчике за тарелку супа, таскал мешки с цементом на товарных станциях. Все мне стало безразлично. Кто бы мог узнать Джона Грея, который «за всех заплатит, который всегда таков». У Риты и крошки Нелли хватило такта оставить меня в покое.

Потом мне вдруг повезло. Я поступил в школу парашютистов знаменитого Жака Дюбура. Вот это была жизнь! Ребята были все высшего класса, особенно один летчик, швейцарец Герман Гейгар, царство небесное его отчаянной душе. — Силач-Повеса перекрестился. — Последний год я работал трюкачом на киностудии Лауристини, неплохо зарабатывал, начал даже оказывать материальную помощь Рите и крошке Нелли. Ну, а потом услышал, что собирается новая освободительная экспедиция. Не выдержала моя авантюристическая натура, и вот вы видите меня, сэр, за штурвалом этого самолета.

— Вы называете нашу экспедицию освободительной? — спросил Геннадий. — Вы

думаете, мистер Буги или Горилла Пабст освободители Больших Эмпиреев?

Джон Грей остро взглянул на Геннадия.

— Простите меня, Джон, но вы наивный идеалист, — сказал Геннадий. — Буги и Пабст и все прочие — обыкновенные наемные убийцы, а Буги еще и честолюбивый маньяк. Хотите знать подоплеку всей этой истории?

И Геннадий рассказал Силачу-Повесе о Больших Эмпиреях, о мадам Накамура-Бранчковской и о планах Ричарда Буги. Ему необходим был союзник в команде наемников, а Джон Грей казался подходящим человеком.

Когда он кончил, Джон Грей некоторое время молчал, а потом резко повернулся к мальчику:

— А теперь разрешите мне задать вам, Джин, вопрос, который давно уже вертится у меня на языке. Вы действительно англичанин? Вы действительно тот, за кого себя выдаете?

Геннадий не успел ответить, за их спинами появился Горилла Пабст. Почесывая волосатую грудь и зевая, он сказал:

— Слушай, Джон, будь повнимательнее при посадке. Здесь взлетно-посадочная полоса насыпная, узкая ленточка в море.

Вчера сержант Гамбл промазал и нырнул на самое дно.

— Небось Гамбл садился по приборам? — спросил Джон.

— Ясно, по приборам, как же еще?

— Ну, а мы на глазок, Пабст, мы на глазок, — усмехнулся Грей и подмигнул Геннадию. — Мы с ним видим, как коты...

Самолет резко пошел вниз.

Наемники прибывали на Карбункл в течение трех дней. Их помещали в старинном замке, слегка переоборудованном под казармы. Солдаты скучали, слонялись по узким коридорам и сводчатым казематам, поглядывали в узкие окна, на заманчивый силуэт Оук-порта. Выход за пределы казарменного двора был запрещен.

Все эти дни Геннадий провел в замке, он ни разу не видел ни Ричарда Буги, ни мадам, ни Мизераблеса, ни Латтифудо, никого из знакомых. Больше того, утром, после прибытия, он не нашел на соседних койках Джона Грея, Пабста и еще четырёх парней из команды: бельгийца Клемана, немца Беккера и двух американцев — Луиса и Эрни.

Они вернулись к вечеру третьего дня грязные и усталые, в порванных тропиче-

ских комбинезонах. Пятеро отправились в душ, а Джон Грей, кивнув Геннадию, вышел на площадку башни, сел там в углу и подставил лицо ветру.

— Где вы были, Джон? — спросил Геннадий.

— На островах Кьюри, — зло процедил сквозь зубы Силач-Повеса. — Маленькая увеселительная прогулка в обществе товарищей по освободительной миссии.

Оказалось, что их шестерых подняли ночью, погрузили на десантное судно, в трюме которого стоял уже бронетранспортер, и сказали, что они должны уничтожить какой-то опиумный завод на одном из островов Кьюри.

— Это удар по конкурентам, по банде «Анаконда», — сказал Геннадий.

— Слушай, что было дальше.

Они ехали на бронетранспортере по узкой просеке в джунглях. Джон Грей был за рулем. Пабст поливал все вокруг пулеметным огнем, а остальные четверо лежали на полу и играли в карты. Наконец из-за пальм показалась лужайка, а на ней низкое кирпичное строение с большой вытяжной трубой. Из окон вели интенсивный автоматный огонь. Пабст приказал Беккеру и Луису подавить огонь. Парни

бросили карты, высунулись, осмотрелись и спокойно перелезли через борт броневика. Сквозь «мертвые зоны» они шли как по бульвару, а зоны прострела пересекали со скоростью гепардов. Таким образом они приблизились вплотную к стенам фабрики и забросали окна гранатами. После этого осталось только вытащить трупы, прикончить раненых, погрузить на бронетранспортер мешки с опиумом и взорвать оборудование. Операция прошла на самом высоком уровне.

Рядом с фабрикой оказалась крохотная деревушка. Местные полуголые жители, их было не больше полусотни вместе с детьми, вылезли из своих лачуг и смотрели на солдат с опаской, но с нескрываемой радостью. Видимо, «хищники» «Анаконды» здорово им насолили.

Пабст связался по радио с центром и доложил, что задание выполнено.

— Население приветствует силы возмездия! — захохотал он. — Организован показ купальных костюмов.

— И тогда я услышал женский голос, — рассказывал Джон Грей. — «Население нужно убрать полностью», — сказал женский голос. Даже Пабст растерялся. «Как — убрать?» — спрашивает. «Не мне

вас учить, — отвечает женский голос. — Вспомните Буронго». Пабст выключил рацию. «Эй! — закричал он островитянам. — Есть у вас, ребятки, лопаты? Яму, яму копать!» Я схватился за автомат, но в это время кто-то сзади, кажется Клеман, огрел меня по каске. Когда я пришел в себя, яма уже была зарыта...

Силач-Повеса встал, подошел к краю площадки и посмотрел из-под ладони на четко вырисовывающийся под заходящим солнцем Оук-порт.

— Ты прав, Джин, здесь готовится какой-то дьявольский концерт. Давай-ка попробуем вместе помешать этому. — Он протянул Геннадию руку. — Только у нас не должно быть тайн друг от друга.

— Я русский, — сказал Геннадий, — советский пионер Геннадий Стратофонтов. В этом городе стоит памятник моему прапрапрадедушке.

В это время по всему замку прогремел сильный звонок, затопали сапоги, слышались голоса:

— Босс! Босс приехал!

ГЛАВА XIII,

*большинство участников которой
устраивает страшный шум,
но некоторые разговаривают вполголоса*

В канун ежегодного традиционного праздника Кассиопеи на Больших Эмпиреях произошла сенсация: в Оук-порт прибыл без всякого приглашения, проездом из Зурбагана в Эдинбург, огромный международный симфонический оркестр под руководством дирижера князя Грегори фон Нофирогерг. Сторонники выхода на международную арену в сенате ликовали: вот

они, результаты последней победы над финским банановозом со счетом 105 : 3! Если уж прибыли музыканты, значит, жди теперь какую-нибудь знаменитую футбольную команду «Манчестер Юнайтед» или «Сантос», а то и ленинградский «Зенит».

Толпы жителей столицы собрались вокруг отеля «Катамаран», который заселяли музыканты. Музыканты всем понравились. Рослые, плечистые, с сизыми носами, с серьгами в ушах, они легко несли в татуированных руках футляры со скрипками, виолончелями, фаготами, контрабасами. Поразила всех внешность дирижера: черная ассирийская борода, рыжие кудри, темные очки, закрывающие пол-лица, треугольная шляпа с плюмажем, фигура десятиборца, огромная узловатая дирижерская палочка величиной с палицу Геракла.

— Крепкие ребята, — сказал Нуфнути Куче лучшему легоперу вселенной Рикко Силле.

Они стояли в первом ряду и разглядывали музыкантов.

— Может, вызовем их на булоножный поединок? — спросил Силла.

— Неплохая идея, — проговорил Нуфнути и вдруг схватил легопера за плечо. — Рикко! Смотри! Смотри, кто среди них!

От автобуса к отелю шел крепкий загорелый мальчик с целой охапкой медных тарелок в руках. Рядом с ним, нагруженный барабанами разных калибров, двигался высокий стройный... мужчина с длинными волнистыми волосами, с усами и бородкой.

— Это Геннадий, — проговорил Рикко Силла. — Значит...

— Молчи, — шепнул Нуфнути Куче.

Геннадий уже заметил их. Подойдя ближе, он намеренно уронил тарелки и быстро сказал нагнувшемуся сенатору:

— После захода солнца ждите меня возле памятника дедушке. Ждите столько, сколько понадобится. Рядом со мной — друг.

Едва последние музыканты скрылись в отеле, из окон грянула искрометная музыка Россини.

— Репетируют, — умиленно говорили в толпе.

Ассирийская борода и шляпа с плюмажем мелькала в окнах. Нестройное пение, крики, хохот и бульканье летели из отеля. Официанты сбились с ног, поднося в номера лошадиные дозы «Горного дубняка». Потом слышался мощный храп, перекрывающий музыку Россини.

— Спят или репетируют? — недоумевали в толпе.

— И спят, и репетируют, — говорили знатоки.

Во второй половине дня Геннадий нанес визит мадам Накамура-Бранчковской.

— О Джин! — протянув руки, сияя своей самой очаровательной улыбкой, воскликнула дама. — Как я рада видеть вас вновь! Мистер Ричард Буги сказал мне, что вы решили посвятить себя борьбе за свободу моего народа. Он очень высокого мнения о вас, а это немало, мой мальчик. Но не будем о политике, она меня мало интересует, я лишь сочувствую патриотам.

В это время в комнату вошла Доллис. Она хмуро посмотрела на Геннадия и буркнула:

— Ты снова здесь?

— Доллис, как ты нелюбезна! — пожурила ее мадам. — Джин проделал такой большой путь, чтобы вновь увидеть нас. Как здоровье вашей бабушки, Джин?

— Спасибо, мадам. Бабушка и ее брат шлют вам самый сердечный привет. О вас много говорят в наших кругах. О вашем розарии ходят просто фантастические слухи. На последнем уикенде граф Чарли Бартлет Эстерхази-младший, ну, тот самый, что от-

личился в океанской гонке на яхте «Клубника», читал ваши стихи из журнала «Лестница», а несравненная Грейс, княгиня Монако, увидев ваш снимок в журнале, сказала, что, по ее мнению, ваш род восходит к древнейшим французским фамилиям.

Накамура-Бранчковска от волнения даже покрылась красными пятнами и вроде бы закатилась, на секунду потеряла сознание.

— Но как попал в Англию журнал «Лестница»? — пролепетала она.

— Это я привез его, мадам, — внутренне хохоча, с полупоклоном ответил Геннадий.

— О Джин! О мой друг! — совсем уже расплылась в благодной истоме будущая королева, но в это время в парке слышались мужские голоса, и она пружинисто вскочила, глаза ее сузились, движения приобрели привычную хищную гибкость.

— Извините, мой друг, у меня сейчас заседание правления фирмы. Мы увидимся завтра на празднике Кассиопеи. Вы, конечно, знаете, что это будет очень интересный праздник, — добавила она многозначительно и вышла.

Посмотрев в окно, Геннадий увидел Буги, Мизераблеса, Чанга и Латтифудо, идущих

щих по аллее к дому. Собранные вместе, эти господа казались персонажами страшного сна.

— Ненавижу всю эту банду, — сказала за его спиной Доллис.

Он обернулся и увидел, что девочка смотрит на него нахмуренным, злым взглядом.

— Что за чушь ты болтал матери о французских фамилиях? — проговорила она и вдруг схватила Геннадия за руку: — Знаешь, кто моя мать? Знаешь? — Доллис передернулась, как от судороги. Лицо ее исказилось. — Она преступница!

— Ты что-нибудь узнала? — быстро спросил Геннадий.

— Очень многое. Она преступница! Она хочет поработить наш народ, отдать его в кабалу иностранцам! Я все знаю, и, если ты из их банды, иди, доноси!

— Здесь нельзя говорить, — сказал Геннадий. — Давай выйдем в парк.

Они уселись на краю большого круглого бассейна. Ветви вавилонской ивы надежно скрывали их. Здесь Доллис, волнуясь и чуть не плача, рассказала Геннадию все, что он давно уже знал. Оказалось, что она случайно услышала разговор своей матери с Мамисом, а потом и многое другое. Противоречивые чувства раздирали девоч-

ку. Еще бы — ведь она привыкла любить свою мать и даже преклонялась перед ней, перед ее красотой и умом. Сейчас, когда ей открылась страшная правда, она не знала, что предпринять: высказать матери все в глаза, убежать из дому, может быть, покончить с собой?

Она никогда не видела своего отца, погибшего во время цунами, капитана дальнего плавания. Но была уверена, что если бы он был жив, он не дал бы матери скатиться к преступлению.

С горечью слушал Геннадий исповедь своей маленькой подружки, столь похожей на гордую ленинградскую чемпионку Наташу Вертопрахову.

Это был ветреный тревожный вечер. Пятна кроваво-красного заката, сквозившего сквозь ветви агавы и юкки, северных пальм и итальянских сосен, ливанского кедра и японской вишни, филодендрона, благородного лавра, колыхались на глади бассейна.

— Этот бассейн сообщается с морем? — спросил Геннадий.

— Да, через подземный тоннель, — машинально ответила Доллис, глядя прямо перед собой остановившимся взглядом. — Там есть решетка-фильтр...

— Решетку можно поднять?

— Стоит только нажать вон ту кнопку внизу.

Геннадий сбежал по ступенькам к самой воде, нажал кнопку и несколько раз негромко позвал:

— Чаби! Чаби! Чаккерс!

После этого он засунул голову в воду и несколько раз позвал друга ультразвуком.

— Ты не спятил, Джин? — спросила изумленная Доллис.

— Слушай, Доллис, сегодня решительный вечер. Многое зависит от нас, от тебя и от меня. Слушай меня внимательно.

Он рассказал ей обо всем: о том, как он попал в плен, на остров Карбункл, о своей поездке в Лондон, о коварных планах Накамура-Бранчковской и об откровениях Ричарда Буги.

— Значит, я не ее дочь, — тихо проговорила Доллис. — Значит, все эти годы я была для нее только игрушкой. Значит, никакого отца-капитана у меня не было...

Геннадий давно уже заметил, что по бассейну кругами ходит Чаккерс. Врожденная деликатность, вероятно, мешала бывшему сержанту прервать разговор девочки и мальчика.

— Доллис, ты должна узнать, о чем сей-

час совещаются заговорщики. Опасность угрожает не только Оук-порту, но и нашему научному кораблю «Алеша Попович». Готова ты на это? — спросил Геннадий.

— Да, — решительно ответила девочка.

— После двенадцати ночи я буду ждать тебя на Львиной лестнице. Связным у тебя будет один мой друг. Чаби!

Доллис вздрогнула: из воды высунулась лукавая круглолобая физиономия дельфина.

— Привет, Гена, — хрипло сказал Чаби по-русски. — Ну как тебе бабушка, Лондон? Ужас небось какой шум, а?

— Чаби, познакомься, это Доллис.

— Очень приятно, мисс.

— Будешь связным, Чаби. Тут большие дела начинаются.

— Да, я уже слышал, можешь на меня рассчитывать. Кстати, Генок, привет тебе от ваших ребят. Я с ними на прошлой неделе болтал.

— Ну как они? — с волнением спросил Геннадий.

— Да все в порядке, работают по плану. Хорошие мужики: и Рикошетников — настоящая морская душа, и Верестищев, и Шлиер-Довейко, этот всякое видал, и помполит Хрящиков всегда найдет нужное

слово, и Барабанчиков, и Телескопов. И что характерно, Генок, не унижают эти ребята твоего человеческого достоинства. Вот что характерно — понимают нашего брата!

При этих словах Геннадий особенно остро почувствовал, как не хватало ему все это время его друзей, с которыми сам черт не страшен. Однако предаваться размышлениям времени не было. Он встал и сказал:

— Доллис, Чаби, друзья! Готовы ли вы бороться до конца за идеалы свободы и справедливости?

— Готовы! — в один голос ответили дельфин и девочка.

— Давайте скрепим нашу дружбу и клятву рукопожатием! — торжественно сказал Геннадий.

— За неимением рук предлагаю потереться носами, — смущенно проговорил дельфин.

Мальчик и девочка наклонились и потерлись носами о влажный клюв морского человека.

— Да ну вас, ребята, — пробормотал Чаби. — В такие минуты плакать хочется.

Луна спряталась за голову Серхо Филимоныч Страттофудо, когда Геннадий по водосточной трубе спустился на Сенатскую

площадь. Огромная тень памятника закрывала половину площади, и в этой тени за неосвещенными окнами маленького кафе мерцали сигаретки эмпирейских легоперов.

— Геннадий, — бросились к нему сенатор Куче, Рикко Силла и Токтомуран Джечкин. — Как мы рады снова видеть вас, потомка нашего памятника, в добром здравии!

— Спокойно, друзья, сейчас не время для сантиментов! — жестко сказал мальчик. — Есть у вас оружие?

— Есть! — гордо ответил Джечкин. — Шпаги, абордажные сабли, двухствольные пистолеты, пики! Мы очистили весь национальный музей.

Геннадий только усмехнулся, вообразив себе вооруженное таким образом войско, сражающееся против Ричарда Буги.

— Ну хорошо, оружие у вас будет, — сказал он. — Ответьте мне только на такой вопрос. Сможете ли вы за два часа достать двадцать четыре скрипки, шесть виолончелей, шесть контрабасов, десять труб, семь флейт, три кларнета, две арфы, пять гобоев, четыре валторны?..

— С валторнами у нас плохо, — прикинул сенатор Куче.

— Я достану валторны, — решительно заявил Рикко Силла.

— Прекрасно, — сказал Геннадий. — Теперь слушайте, друзья...

Через час Геннадий соскользнул по громоотводу прямо ко входу в отель «Катамаран». В отеле все шло по плану. В зале ресторана Джон Грей — Силач-Повеса накачивал «товарищей по оружию». Он стоял посредине огромного стола, размахивал большим, как флаг, эмпирейским велюром и пел:

Пока на белом свете
Деньжатами разит,
Солдат в лихом берете
Всегда обут и сыт.
Все для тебя несложно,
Покуда ты — солдат!
Твой нож не дремлет в ножнах,
Кулак твой волосат!
А принципы надежно
В швейцарском банке спят!

Захмелевшие ландскнехты бизоньими глотками восторженно ревели:

А принципы надежно
В швейцарском банке спят!

Официанты по знаку Джона Грея вкатывали все новые бочки несравненного «Горного дубняка». Они были изумлены поведением международных музыкантов, но так как прежде никогда международных музыкантов не видели, то полагали, что так они себя и должны вести, эти международные музыканты.

— Эй, чертенок, — закричал Геннадию Пабст, — иди сюда! Ну-ка, глотни этого бальзама! Завтра ты исполнишь свое соло-пикколо, а, чертенок? — Он склонил к Геннадию свою дремучую рожу и вдруг прослезился: — Не зови меня, пожалуйста, Гориллой, Джинни. Очень прошу, не зови. Разве я похож на гориллу? Разве у меня такие руки, как у гориллы? Разве у меня такие надбровные дуги?

— Именно такие, сэр, — сказал Геннадий.

— Ну хорошо, допускаю... руки, дуги... — хныкал Пабст. — Но разве умеет горилла разговаривать, а, Джинни? Ведь не умеет же, а?

— Умеет, — сказал Джин. — Горилла разговаривает не хуже вас, сэр.

— Как? Горилла умеет разговаривать?! — взревел Пабст. Он встал и пошел вдоль стола, взывая к товарищам: — Ребя-

та, горилла, оказывается, умеет разговаривать! Слыхали новость? Горилла! Умеет!

В конце стола он свалился.

Через час и все музыканты оркестра, включая солистов-виртуозов, были готовы. Официанты с большим трудом оттащили гастролеров в номера. Начался немыслимый концерт. Храп, носовой свист, стоны, дьявольский хохот и бредовые выкрики слились в потрясающую симфонию.

Тогда Геннадий и Джон Грей взялись за свое дело. Им нужно было закончить его, пока не явился с совещания маэстро Грегори фон Нофирогерг.

Во внутреннем дворе гостиницы возле пожарной лестницы уже ждали легоперы во главе с Рикко Силлой. Хозяин гостиницы, левый полузащитник дублирующего состава, был предупрежден. Геннадий и Джон Грей заходили поочередно во все номера и везде делали свое дело.

Работа была уже почти закончена, когда друзей застигли в коридоре звуки быстрых шагов и веселые голоса. Скрыться было негде. Джон Грей прислонил к стене футляр с контрабасом и на всякий случай сунул руку в карман, где у него лежал всегда пружинный нож.

Голоса приближались, и вот из-за угла коридора появилась группа людей, впереди которой крупным командирским шагом шла не кто иной, как... родная, личная, неповторимая бабушка Геннадия Мария Спиридоновна Стратофонтова!

Первым желанием Геннадия было, не раздумывая, броситься в объятия родному человеку. Вторым желанием было немедленно спрятаться за футляр контрабаса, что он и сделал. Бабушка! Его бабушка на Больших Эмпиреях! Уму непостижимо, как она сюда попала! Но что это? Рядом с бабушкой, отставая на шаг, шествует со своей застывшей улыбкой генеральный консул Старжен Фиц, а за ними несколько ленинградских, явно ленинградских девочек, и среди них Доллис, вернее, не Доллис, а самая настоящая Наташа Вертопрахова. А дальше группа почтенных эмпирейских и советских граждан, и отец Наташи, доктор геологических наук Вертопрахов, и огромный ленинградский поэт Борис Горошкин. Уж не снится ли это ему? Уж не галлюцинация ли это? Уж не результат ли это нервного напряжения?

Из-за контрабаса Геннадий услышал голос Наташи:

— Девочки, посмотрите, как похож этот

бледный красивый музыкант на Джона Грея — Силача-Повесу! Бонсуар, месье!

— Бон суар, мадемуазель! — быстро ответил «бледный красивый музыкант».

Геннадий схватил Джона за штанину.

В полном смятении чувств провел Геннадий всю ночь на Львиной лестнице. Тревожно вслушивался он в каждый шорох, вглядывался в темные воды бухты. Ни Доллис, ни Чаби Чаккерс не явились.

ГЛАВА XIV,

*в которой над кашлем, хлюпаньем
и хрустом коленных суставов
преобладает мощный голос
Марии Спиридоновны,
а также звучат стихи огромного поэта*

Благосклонный читатель должен простить автору то, что в этой главе он вынужден прервать описание напряженных драматических событий, оставить своего героя в сомнениях и тревоге на Львиной лестнице Оук-порта и совершить не очень-то грациозный скачок в недалекое про-

шное, в прохладные июльские дни города Ленинграда.

Было прекрасное дождливое утро, когда Наташа Вертопрахова приехала на дачу Стратофоновых в Лисий Нос. Мария Спиридоновна в это время, напевая песенку «Мы парни brave, brave, brave...», неумелыми пальцами мастерила котлеты, похожие на аэростаты заграждения.

— Мы должны действовать, — коротко сказала она, выслушав рассказ Наташи о вчерашнем лондонском звонке.

— Но как? — пролепетала растерянная девочка. — Мария Спиридоновна, я очень тревожусь за Генку, ведь он такой фантазер! Однажды в турпоходе наша группа столкнулась с огромным стадом. Стадо шло мимо нас очень долго, и все дрожали, боясь быка. И вдруг, представьте, мы видим — верхом на быке едет ваш внук, и бык помахивает хвостом, словно обыкновенное домашнее животное...

— Моя школа! — не без гордости сказала подполковник. — Я совершенно не боюсь за Геннадия: он смелый, находчивый и благородный мальчик. Но мы должны действовать, мы должны узнать хотя бы, что там происходит.

— Но как? В газетах совсем ничего не пишут об этой маленькой стране.

— Мы должны поехать на Большие Эмпирейи!

— Мария Спиридоновна, но это же нереально!

— Нереально? — сверкнула очами штурман, смешала в бесформенную массу «аэростаты заграждения», вышла и вернулась в голубой аэрофлотской форме с орденской колодкой.

И при взгляде на нее Наташа поняла, что это реально, что все реально, что в мире нет ничего нереального.

Бабушка начала свою деятельность с Публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина. Здесь в кратчайшие сроки она проштудировала все материалы по Республике Большие Эмпирейи и Карбункл. Помогли и семейные архивы. В частности, в походном сундучке адмирала бабушка обнаружила русско-эмпирейский словарь, составленный врачом клипера «Безупречный» Фогель-Кукушкиным. В результате не прошло и недели, а Мария Спиридоновна уже прекрасно разбиралась в истории, этнографии и экономике далекой, но близкой страны и могла сносно объясняться по-эмпирейски.

После этого бабушка обратилась с запросом в общество «Альбатрос», которое занималось культурными связями с народами Океании.

— Увы! — сказал научный консультант. — Наши связи с Большими Эмпиреями очень ограничены. Мы пытаемся наладить с ними обмен книгами, картинами, просто добрым словом, но увы... страна эта так далека, а их единственный дипломат Старжен Фиц, проживающий в Токио, не отвечает на наши письма.

— Это дело поправимое, — энергично сказала бабушка, и консультант приободрился.

Бабушка направилась в соответствующие организации с предложениями усилить работу «Альбатроса» по части связей с Большими Эмпиреями. Соответствующие организации отнеслись к ее предложениям положительно.

— Пусть сокращаются большие расстояния, — сказали они. — А вам, Мария Спиридоновна, спасибо за хорошую инициативу. Видим, что есть у вас еще порох в пороховницах.

Порох у бабушки действительно был. С невероятной энергией она взялась за дело. Вскоре в общество влились три кол-

лективных члена: фабрика мягкой игрушки № 4, крупный северный аэропорт и огромный ленинградский поэт Борис Горошкин. Почетным президентом общества был избран один из первых русских дарвинистов академик Флюоресцентов. Надо ли говорить о том, что во всех начинаниях сопутствовала Марии Спиридоновне юная чемпионка Наталья Вертопрахова. Добровольным курьером крутился вокруг на общественных началах наперсник детских игр Валька Брюквин. В Страну восходящего солнца полетели телеграммы. Ответа не последовало. Бабушка села на телефон. Двое суток она не сомкнула глаз, разыскивая Старжена Фица через муниципалитет и полицейское управление японской столицы. Наконец в трубке послышался кашель.

— Господин Старжен Фиц! С вами говорят из общества «Альбатрос»! — закричала бабушка.

— Очень, очень, очень... — послышалось в трубке.

Потом все стихло.

— Господин Старжен Фиц! — крикнула бабушка.

— Очень приятно, мисс, — сразу же отозвался приветливый старческий голос.

— Я не мисс! — крикнула бабушка.

— Пардон, мадам, — скрипнул Старжен Фиц.

— Я не мадам!

— Как же мне вас называть?

Бабушка на миг растерялась. Действительно, как же ему ее называть? Ведь не «товарищем штурманом» в самом деле...

— Зовите меня Марией! — крикнула бабушка.

— Мария! — закричал Старжен Фиц. — Мария, Мария, Мария...

— Господин генеральный консул, почему вы не отвечали на наши телеграммы? — спросила бабушка.

— Не было средств, — хлюпнул носом консул. — Конъюнктура все время падает, Мария. Тресты душат мелкого буржуа.

— Господин Старжен Фиц, мы приглашаем вас на переговоры по вопросу культурных контактов между нашими странами.

— С едой?

— В каком смысле?

— Кроме дороги, гостиницы и карманных денег, еда оплачивается?

— Уж будьте уверены! — теряя терпение, гаркнула бабушка.

Повесив трубку, она вдруг изумилась:

весь разговор с эмпирейским дипломатом шел на чистом русской языке!

Итак, на средства двух коллективных членов общества (фабрика мягкой игрушки № 4 и крупный северный аэропорт) стари-на Старжен Фиц снялся с насиженного места и прибыл самолетом в Ленинград.

Общество встречало почетного гостя почти в полном составе, за исключением Бориса Горошкина.

Дипломат был прекрасен в расшитом золотом мундире и в традиционном головном уборе, отдаленно напоминавшем поварской колпак. С хрустом преклонив колено, он поцеловал бетон аэропорта, обвел руками пространство и воскликнул:

— Узнаю! Все встало в памяти, господа! Ведь я, господа, старый петербуржец!

В это время радио любезным голосом сказало:

— Господин Севрюгин Феликс Вениаминович, прибывший из Токио, вас встречает ваша сестра Таисия. В руках у Таисии гладиолус.

Вскрикнув от радости, Старжен Фиц заключил в объятия ближайшую старушку с гладиолусом.

— Тасенька, родная! Ничуть не изменилась! Ни капельки!

Старушка вырывалась до тех пор, пока не подошла настоящая Тасенька, которая тоже за шестьдесят лет «ничуть не изменилась».

По дороге из аэропорта в «Асторию» дипломат проявлял вежливое, но настойчивое любопытство:

— Этот у-ни-вер-маг частный? — спрашивал он Марию Спиридоновну.

— У нас, Феликс Вениаминович, все государственное, — поясняла бабушка.

— Да-да, понимаю, — сочувственно кивал Старжен Фиц. — Я все понимаю, Мария. Скажите, а эти «Фрукты — овощи» частные?

— Все государственное, — терпеливо говорила бабушка.

— Да-да, все, абсолютно все! А эта парикмахерская частная?

— Феликс Вениаминович, — немного даже рассердилась бабушка, — вы же русский человек! Неужели не понимаете? Ничего у нас нет частного, и никакие монополии на нас не дают.

В честь высокого гостя общество устроило обед в ресторане Дома архитектора.

Обед прошел на замечательном уровне, если не считать того, что гость то и дело убегал на кухню и совал нос во все кастрюли.

В конце обеда поэт Горошкин, который, конечно же, на сей раз присутствовал, прочел начало новой поэмы:

Эмпиреи!
Я немею!
Чую ветер голубой!
Чую, но не очумею!
Ближе берег мне родной!

— Браво, вы просто Апухтин! — воскликнул Старжен, отчего огромный поэт едва не подавился стручком.

После обеда Старжен Фиц и Мария Спиридоновна удалились на деловое совещание.

— Ну вот, господин генеральный консул, вы познакомились теперь с членами нашего «Альбатроса», — начала Мария Спиридоновна: — К сожалению, наш президент академик Флюоресцентов уже много лет прикован к постели.

— Прикован к постели? — воскликнул Старжен Фиц. — А чем его лечат?

— Думаю, что антибиотиками, — ответила Мария Спиридоновна.

— Аку! — закричал консул. — Аку, аку, аку... — Он замолчал с застывшей улыбкой на устах.

Привыкшая уже к этому феномену, бабушка спокойно выждала.

— Аку, аку-пунктура! — завопил консул. — Только иглоукалывание спасет нашего друга. Берусь за умеренное вознаграждение поставить академика на ноги. Я лучший знаток тибетской медицины в Юго-Восточной Азии, и если бы не интриги...

— Давайте вернемся к этому позднее, — сказала бабушка. — Не вертитесь, пожалуйста, господин генеральный консул.

— Что делается на кухне? — спросил Старжен Фиц, тревожно принюхиваясь.

— Моют посуду, — начала сердиться бабушка.

— Чем? — вскричал дипломат. — Неужели они обходятся без порошка «Сальвиола»? Я немедленно берусь доставить пробную партию этого чудо-порошка! Об условиях договоримся.

— Господин генеральный консул! — повысила голос бабушка.

— Дайте вашу руку, Мария! — прошептал дипломат. — Нет, левую. Бугор Венеры, Мария, у вас резко выделен, линия таланта уникальная и пересекается с линией чести. Бойтесь первых двух дней полнолуния, Мария! Эти дни...

— Послушайте, перестаньте пороть этот вздор! — вскричала бабушка. — Я бывший штурман авиации, прошла всестороннюю подготовку. Понятно? Мы хотим послать в вашу страну культурно-спортивную делегацию. Как вы и ваше правительство посмотрите на это?

— Милости просим! — возопил Старжен Фиц. — Я буду вам сопутствовать, конечно с едой, и сам с удовольствием познакомлюсь со своей страной.

— Вы хотите сказать, что вы...

— Да, Мария, я никогда не был в своей стране. Увы, Мария, таковы гримасы нашей потусторонней жизни!

Мария Спиридоновна почувствовала сильное головокружение, как будто вошла в пике.

— Так, — сказала она, выходя из пике. — Состав делегации таков. Я — глава. Одновременно собираюсь выступить в соревнованиях по баттерфляю и по прыжкам с трамплина. Поэт Горошкин прочтет стихи. Доктор геологии Вертопрахов расскажет о разведке наших и зарубежных недр. Его дочь Наталья возглавит команду «Юная грация». По-моему, состав очень представительный.

— В высшей степени представитель-

ный! — воскликнул генеральный консул. — Мужчинам могу предложить чикагские носки и запонки, а вам, дамы... — он заговорщически подмигнул, — ожерелья из почти настоящего жемчуга. За все одиннадцать рублей девяносто копеек.

— Эх, Феликс Вениаминович, Феликс Вениаминович, — покачала головой бабушка, — как крепко засел в вас этот дух наживы...

Итак, в то время, когда наш герой совершал тайный рейс в компании наемников, делегация «Альбатроса» на совершенно законных основаниях продвигалась к Большим Эмпиреям: лайнером компании «ПАН-АМ», Аллигейтер, Румпельштильцхен и другие агенты Интерпола весь рейс до Зурбагана не сводили глаз с суетливого Старжена Фица, а также с поэта Горошкина, который брал на карандаш зарубежные впечатления.

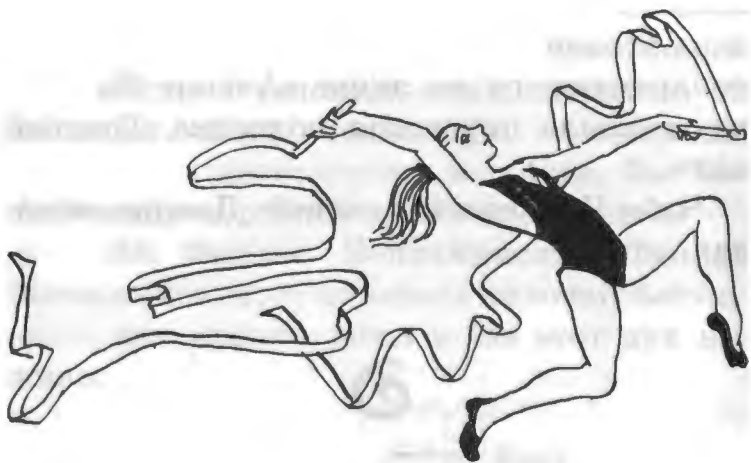
Любезный читатель, еще раз прими мои извинения за вынужденное отступление в недалекое прошлое. Дай руку, мой благосклонный друг, и мы вместе, набравшись мужества, подойдем к порогу решительных и яростных событий.

Дело в том, что, пока я рассказывал об

обществе «Альбатрос», в тропической ночи близ атолла Фео, в полукабельтове от мирно дремавшего на якоре «Алеши Поповича» всплыла пиратская подлодка «Голубой кит».

Чаби Чаккерс, посланный Доллис, опоздал...

ГЛАВА XV,

*и последняя, в которой смешались все
звуки*

В канун Дня Кассиопеи популярнейшая на островах газета «Ежедневный фонтан» опубликовала статью:

«С праздником, дорогие друзья!

Мы рады сообщить вам, что в этом году День Кассиопеи будет особенно торжественным. Успехи наших мужественных легоперов, особенно последние победы над финским банановозом, либерийским бензовозом и норвежским жировозом, со-

здали нашей маленькой стране международную известность.

Мы рады приветствовать здесь культурно-спортивную делегацию общества «Альбатрос» во главе с госпожой Мария. Кстати, сообщаем, что вчера госпожа Мария (рост 185, вес 90) показала в плавании баттерфляем лучший результат сезона. Браво, Мария! Так держать! Мы надеемся, что ленинградская команда «Юная грация» полностью устранит последствия печального недоразумения с фрегатом «Алеша Попович». Мы посылаем свой привет экипажу этого научного галеона! Не обижайтесь на нас, дорогие друзья! Милости просим!

Гвоздем завтрашней программы безусловно явится выступление огромного международного оркестра под управлением выдающегося маэстро Грегори фон Нофировгерга. Он исполнит Второй концерт для фортепиано с оркестром Чайковского, также сюиту известного композитора-авангардиста Джорджа Садовникера «Скандал на центральном вокзале».

Праздник закончится массовым бульным вокруг памятника спасителю нашей свободы Серхо Филимоныч Страт-

тофудо. Мы надеемся, что даже у наших братьев с острова Карбункл будет в этот день сносное настроение».

И вот перед нами, читатель, центральная набережная Оук-порта, запруженная праздничной, яркой толпой! На эстраде покоряют сердца юные мастерицы художественной гимнастики. На трибуне для почетных гостей, в центре, восседает мадам Накамура-Бранчковска в царственно прекрасном наряде с ожерельями, браслетами и диадемами. На помосте для оркестра, крихтя, стеноя, держась за затылки, глотая таблетки, клооча пивом, усаживаются виртуозы.

Легкой пружинистой походкой поднялся маэстро Грегори фон Нофирогерг. Поглаживая ассирийскую бороду, подкручивая огненно-рыжие кудри, постукивая узловатой палицей, блестя сумасшедшим огнем сквозь темные очки, он прошелся среди своих музыкантов, ободряя их:

— Выше головы, шакалы! Кто хочет опохмелиться, опохмеляйтесь! Главное, чтоб руки не дрожали.

Геннадий со своей флейтой-пикколо (миниатюрным автоматом «Стенли») прятался в глубине, за футлярами арф. Он дрожал от возбуждения: пройдет ли все так, как он

задумал, не подведут ли простодушные легоперы?

Буги — Нофирогерг подсел к нему и зашептал на ухо:

— Смотри, малыш, королева на месте. Только короны пока не хватает, но я уверен, что и корону она уже припасла. Ждет начала концерта, ждет, когда я сброшу бороду и парик и объявлю ее владычицей Больших Эмпиреев и Карбункл! Ха-ха! Представляю себе ее вид, когда я объявлю. Объявить-то объявлю, да только не ее. Ну, малыш, устроим мы сегодня фестиваль! Первым делом открою огонь из минометов по памятнику! Минометики-то у меня в контрабасах или как?

— В контрабасах, сэр! — подтвердил Геннадий.

— А ведь правда неплохая идея с оркестром? — ухмыльнулся Буги. — Голова у меня пока что работает, а, Джин? Только эти олухи разинут рты, чтобы послушать Чайковского, как мы достанем свои игрушки. Только сперва еще один сюрприз будет. Увидишь — закачаешься!

Маэстро фон Нофирогерг похлопал мальчика по плечу и отправился поднимать боевой дух струнной группе.

Геннадий тревожно обвел взглядом на-

бережную, пеструю толпу, в первых рядах которых сидели на чемоданах легоперы во главе с Рикко Силлой, трибуну для почетных гостей, среди которых сидела его дорогая бабушка, доктор Вертопрахов и поэт Горошкин. Что это за сюрприз, о котором сказал Буги? Почему не пришла на Львиную лестницу Доллис? Куда исчез Чаби Чаккерс?

Послышались бешеные аплодисменты и крики «Увай-увай», которыми эмпирейцы выражают восторг. Команда «Юная грация» покидала круглую эстраду. По радио объявили:

«А сейчас выступит юная ленинградская чемпионка Натали Вертупруго! Вы увидите изящество и мощь, скромность и артистизм!»

Снова слышались хлопки и крики «Увай-увай», но вдруг эти веселые звуки были перекрыты низким утробным воем судовой сирены.

Из-за углового бастиона появился благородный нос корабля науки «Алеши Поповича». В толпе произошло сильное движение, слышались было приветствия, но потом воцарилось смущенное молчание: эмпирейцам было стыдно за тот ужасающий день, когда «Алеше Поповичу» при-

шлось покинуть их гавань. Споры об этом инциденте кипели весь месяц в барах и кафе, и все сошлись на том, что хотя во всем виноваты «кроты», но они, граждане Оук-порта, тоже хороши — поверили какой-то ерунде, дешевой фальшивке.

В полном молчании «Алеша Попович» обогнул волнолом, пересек бухту и стал к стенке. Но что это? Вместо симпатичных, улыбчивых моряков на палубе орудовали какие-то мрачные типы в тропических комбинезонах.

«Вот он, этот дьявольский сюрприз!» — похолодев, догадался Геннадий.

Благосклонный читатель, не обессудь, но сейчас нам с тобой придется вернуться к событиям прошедшей ночи.

Расставшись с Геннадием, Доллис бросилась в кабинет своей «матери». Она едва успела спрятаться в огромной китайской вазе, как в кабинет, побрякивая кубиками льда в бокалах, вошли заговорщики. Не прошло и получаса, как девочка услышала обо всем: и об автоматах в скрипичных футлярах, и о плане захвата с провокационной целью «Поповича», и о том, что завтра ее «мать» станет королевой Эмпирейской.

— Ты просто гений, Дик, — волнующим

голосом сказала мадам. — Все так гениально придумано, что неудачи быть не может. Ну, а на крайний случай я припасла еще кое-что. — И она сказала такое, что Доллис едва не потеряла сознания.

Едва бандиты покинули кабинет, Доллис ринулась к бассейну, вызвала Чаби и приказала ему мчаться к советскому судну, чтобы предупредить об опасности. Чаби тут же без лишних разговоров ушел в глубину, а Доллис побежала было уже в город на свидание с Геной, как вдруг была застигнута задыхающимся глыбоподобным Кафро Латтифудо.

— Эй, девчонка, то есть ваше высочество! — прохрипел он. — Приказано вас препроводить в ваши покои и, будь оно проклято, не отходить от вас ни на шаг.

— Это кем же приказано? — закричала Доллис, пытаясь вырваться.

— Мамашей твоей, то есть ее величеством. Не отходи, говорит, ни на шаг, все равно, говорит, ни на что больше не годишься. И это мне, кандидату в сенаторы! Вот она, монархия, шутить не любит! — Латтифудо икнул, отчего с соседнего дерева сразу поднялось несколько птиц.

— Пустите, чудовище! — крикнула Доллис.

— Не пуцу, сокровище, — хмыкнул Латтифудо.

Мы уже знаем, что Чаби Чаккерс опоздал. Что поделаешь — радиосигналы обгоняют даже дельфинов! Получив по радио приказ, «Голубой кит» взял на abordаж мирное научное судно.

Приблизившись к судну, Чаби Чаккерс увидел, что на борту его кипит схватка — безоружные моряки и ученые пытались дать отпор вооруженным до зубов бандитам. Могучий Шлиер-Довейко направо и налево крушил квадратные челюсти «рыцарей Запада». Друг его Володя Телескопов оборонялся плотницким инструментом. Капитан Рикошетников, помполит Хрящиков и несколько матросов героически защищали радиорубку, откуда Витя Половинчатый вещал всему миру о беспрецедентном пиратском нападении на мирный советский корабль.

Надо сказать, что рукопашная схватка складывалась отнюдь не в пользу тренированных по специальной методе ландскнехтов. Особенно туго им пришлось в районе камбуза, где кок Есеналиев со своими артельщиками встретили их остатками вчерашнего борща, кашей, пюре, прочими гарнирами, струями томатного сока и компота.

Однако затрещали автоматы, пролилась кровь, и капитан Рикошетников приказал прекратить бессмысленное сопротивление. Увы, пули есть пули...

Наемники согнали весь экипаж в помещение столовой. Возле каждого иллюминатора встали автоматчики. С подводной лодки на борт «Алеши Поповича» началась спешная погрузка какого-то старого оружия, ржавых винтовок, сломанных минометов и пулеметов. В этом и состоял зловещий план Ричарда Буги: показать

наивным эмпирейцам, что «Алеша Попович» набит оружием, что советские моряки вовсе не исследовали прибрежный шельф и впадину Яу, а, напротив, готовились захватить их маленькую страну.

Чаби Чаккерс в ярости от своего бессилия и невозможности помочь друзьям кружил вокруг «Алешы Поповича». Вдруг он услышал крик:

— Эй, да это, никак, ты, сержант?

С борта «Поповича» свешивался долговязый татуированный детина. Чаби сразу узнал его и хрипло выругался.

— Годдем! Это ты, Фрэнки Карбо! Мало тебе Мьетвиня, сукин сын!

— Здесь мне побольше платят! — хвастливо крикнул Фрэнки.

— Чтоб ты подавился этими деньгами, ублюдок! — гаркнул дельфин.

— Плачет по тебе военно-полевой суд, дезертир! — заорал Фрэнки.

— Пусть плачет! — рявкнул Чаби, выпрыгнул из воды, схватил своими могучими челюстями негодя за чуб и увлек его в пучину. Одним бандитом в мире стало меньше.

Между тем в помещение столовой вошел элегантный господин в светлом костюме, мистер Кингсли Брейнвен Мамис.

— Господин капитан, господа! — вежливо обратился он к экипажу «Поповича». — Вы можете чувствовать себя почти в полной безопасности. От вас требуется очень немного. Нужно, чтобы по приходе в Оукпорт один из вас — предпочтительно вы, господин капитан, — выступил перед населением и рассказал всю правду.

— Какую правду? — спросил, скрестив руки на груди, Рикошетников.

— Нужно снять маску, сэр, — улыбнулся Мамис. — Рассказать народу о военном характере вашей экспедиции, о планах захвата этих живописных островов. Ведь ваше судно напичкано оружием, буквально нафаршировано им, сэр.

Рев возмущения вырвался из десятков глоток. Рикошетников встал.

— Никто из нас никогда не пойдет на это. Ваша провокация обречена на провал.

— В таком случае вас всех придется уничтожить, — печально улыбнулся Мамис.

— Наше правительство этого так не оставит, — спокойно сказал Рикошетников. — Шутите с огнем, мистер.

— Ваше правительство далеко, а наши автоматы близко. — Мамис посмотрел на часы. — Десять минут на размышление, господа. После этого откроем огонь.

Прошло пять минут. Мамису стало не по себе под взглядами этих словно высеченных из камня лиц.

— Начнем с вас, капитан, — пробормотал он.

— Благодарю за честь, — усмехнулся Рикошетников.

«Крепкие ребяташки, — нервно подумал Мамис. — Неужели придется стрелять? С советскими действительно шутки плохи».

— Отдаю должное вашему мужеству, господа, но я тоже выполняю свой долг.

— Грязный долг, — пробасил Шлиер-Довейко.

Прошло десять минут, когда вдруг поднялся плотник Володя Телескопов.

— Ну, ребята, раз уж никто из вас не хочет рассказать правду, тогда уж мне придется, — сказал он, почесывая в затылке.

— Английским владеете? — радостно крикнул Мамис.

— А как же, — ухмыльнулся Телескопов. — Сертенли¹.

— Идите за мной!

Итак, «Алеша Попович» под взглядами

¹ Конечно, разумеется (англ.).

тысяч глаз стал к стенке. Еще не были заведены швартовы и спущен трап, когда на палубе появился Кингсли Брейнвен Мамис и Володя Телескопов. Мамис взял в руку микрофон и сказал:

— С праздником, дорогие друзья эмпирейцы!

В толпе возник ропот.

— Кто этот иностранец? Что это за господин неприятной наружности? Что ему нужно на корабле дружественной страны?

Как бы ни были наивны эмпирейцы, но они сразу почувствовали недоброе.

Мамис улыбнулся:

— Господа, я представитель страны, которая ценит юмор, но не любит шутить. Наша довольно-таки мощная держава обожает малые страны. В доказательство этого я приношу на алтарь нашей дружбы этого жирного тельца, — он обвел руками судно, — этот советский военный корабль. Да-да, господа, русские водили вас за нос. Они только делали вид, что исследуют океан, а на самом деле готовили захват Оук-порта. Но смелые люди помешали этим проискам!

— Ложь! — крикнули в толпе. — Русские — хорошие ребята!

— Согласен, — сказал Мамис, — это хо-

рошие ребята, они очень хорошо стреляют из автоматов и взрывают дома. Вы сможете сами убедиться в том, что «Алеша Попович» буквально нафарширован оружием. Но прежде перед вами выступит псевдо-плотник, а в действительности майор советской разведки Владимир Телескопов. Он расскажет вам всю правду. Пожалуй-ста, Владимир Екатеринович.

Мамис передал микрофон Телескопову. Володя малость засмутился, но потом, откашлявшись, заговорил на прекрасном эмпирейском языке:

— Значит, с праздником! Я тут у вас, товарищи, не первый раз гуляю. Еще в шестьдесят четвертом проезде из Халигалии за рубанком заезжал. Может, кто помнит?

— Еще бы не помнить! — закричали два эмпирейца, слесарь Фирциг и библиотекарь Градус. — Еще бы не помнить Володечку! Смутно припоминаем.

— Это очень даже приятно, что не забыли, — сказал Володя. — Ну, а что касается правды, так этот вот утконосый господинчик, — он показал через плечо большим пальцем на Мамиса, — со своим хулиганьем совершили против нашего корабля науки чистейшую международ-

ную провокацию. Никто их не приглашал на наше судно, а тем более с огнестрельным оружием. В таких условиях исследовать океанские глубины довольно-таки трудно, а ведь каждый знает, что океан — это будущее человечества! И насчет майорского звания брехня, потому что я ефрейтор запаса, действительную протрубил на складе «бэ-у», то есть подержанного обмундирования. Прошу представителей органов милиции подняться на борт и составить акт. Спасибо за внимание.

Взбешенный Мамис, не помня себя, выхватил из кармана пистолет и направил на Володю. Володя вытер нос рукавом и, набычившись, пошел на Мамиса.

— Стрелять хочешь, позорник? А ну попробуй стрельни!

Толпа на мгновение оцепенела. Вдруг в воздухе что-то пронеслось, и все увидели на голове Мамиса огромного кота с развевающимся хвостом.

Пуша Шуткин, а это был он, могучими лапами растерзал прическу авантюриста, свалил его на палубу и взволнованно пропел:

Маэстро Шуткин никогда
Не трогал человека,

Но сей мерзавец, господа,
Духовная калека!
Подонки белобрысы
Достоин быть лишь крысой!

Толпа взревела и бросилась по трапу на борт «Алеши Поповича». Ничего не понимающие наемники тут же были разоружены советскими моряками и разгневанными эмпирейцами. Некоторые наемники прыгали за борт на радость Чаби Чаккерсу. Мамис рыдал в железных объятиях Шлиер-Довейко.

На набережной творилось что-то невообразимое. Геннадий ликовал. Мадам Накамура-Бранчковска, покусав некоторое время свои прекрасные пунцовые губы, отбросила перламутровый веер и подошла к микрофону.

— Друзья, — сказала она своим глубоким голосом, и толпа сразу затихла, потому что привыкла прислушиваться к словам обаятельной дамы. — Друзья, давайте не будем нарушать нашего дивного, священного праздника. Наш народ издавна любил и понимал музыку. Клавесины баронессы де Клиссон, находящиеся в моем доме, лучше всех слов говорят об этом. Итак, забудем все грубое, жуткое, некраси-

вое и предоставим слово скрипкам, фортепьяно, арфам, валторнам... Маэстро фон Нофирогерг, вуаля!

В тишине, наступившей после этих слов, четко простучали шаги удивительного дирижера. Он встал перед пультом, резко взмахнул своей палицей и рявкнул:

— Открыть футляры!

Наемники бросились к футлярам и стали извлекать оттуда на свет Божий скрипки, контрабасы, виолончели, валторны. Изумлению их не было предела, и оно еще усилилось, когда они увидели, что из толпы на них смотрят их любимые игрушки — автоматы, гранатометы и даже маленькая безотказная пушка.

Маэстро фон Нофирогерг не верил своим глазам. Все закружилось перед ним, когда он увидел, что к нему приближаются, наставив автоматы, его верный паж Джин Стрейтфонд и Джон Грей — Силач-Повеса.

— Эй, шакалы, в чем дело? — заорал дирижер.

— Руки вверх! — крикнул ему Силач-Повеса, а Геннадий сорвал рыжий парик и ассирийскую бороду.

— Братцы, да это же Дик Буги! — закричали в толпе. — Ишь, пройдоха! Мало его били в трактире «Синька»!

Перебивая весь шум, над набережной прокатился голос народного любимца Рикко Силлы:

— Наемные убийцы, сдавайтесь! Вы все под прицелом!

В оркестре руки поползли вверх, слышались рыдания, кое-кто, в том числе Горилла Пабст, потерял сознание. На эстраду мячиком вспрыгнул сенатор Нуфнути Куче в своей неизменной майке с цифрой «3».

— Друзья! — закричал он. — Наш народ едва не стал жертвой заговора этой недостойной дамы Накамура-Бранчковской и известного всем нам мошенника Ричарда Буги. Заговор сорван, дорогие друзья, и сорван он благодаря вот этому храброму мальчику! — Нуфнути Куче положил руку на плечо Геннадию. — Этот мальчик, друзья, советский пионер Геннадий Стратофонов прямой потомок нашего памятника, русского адмирала Серхо Филимоныч Страттофудо!

Восторженный рев потряс набережную. В воздух взлетели шляпы. Радостно загудел «Алеша Попович».

Геннадий стоял, вытянувшись в струнку, и, что греха таить, слезы застыли у него на глазах. Сквозь эти слезы он видел

только свою дорогую бабушку, которая широкими плечами прокладывала к нему путь в толпе. Движения ее, как всегда, напоминали баттерфляй.

— В знак нашей глубокой признательности мы награждаем Геннадия Стратофонта «Знаком Почетного Эмпирейца»! — торжественно провозгласил сенатор и повесил на шею Геннадия якорек с припаянной к нему старинной монетой.

К сожалению, любезный читатель, на этом наше повествование не кончается, и ты должен временно сдерживать вздох облегчения, слезы умиления и даже жизне-радостный смех.

— Проклятый щенок! Предатель! — вдруг завопил не своим голосом Ричард Буги.

Отпрыгнув в сторону, он метнул прямо в Геннадия свою палицу, на конце которой сверкнуло в лучах солнца тонкое стальное жало. С гортанным криком наперерез палице бросился Джон Грей — Силач-Повеса и рухнул к ногам Геннадия, пораженный в грудь.

Геннадий упал на колени рядом с другом. Джон Грей, оскалив зубы, катался по помосту и пытался вырвать из своей груди страшный клинок.

— Джон, не надо! Не трогай нож! — отчаянно закричал Геннадий, но было уже поздно.

Обезумевший от боли, Грей вырвал из груди клинок, кровь брызнула фонтаном.

— Джон! Джон! — кричал Геннадий, пытаюсь зажать рану.

Мгновенно побледневший как полотно Джон Грей улыбнулся — боль оставила его.

— Прощай, Гена, — проговорил он. — Ты парень первого класса.

— Доктора! — закричал Геннадий. — Джон, подожди...

— Доктора уже не нужно... — проговорил еле слышно Джон Грей. — Послушай, Гена, может, я не совсем правильно жил, но умираю я правильно. Напиши об этом Рите и Нелли. — Он снова улыбнулся. — А все-таки что-то было, что-то было... при свете лунном кружились пары...

Голова легендарного Силача-Повесы бессильно упала набок. Потрясенный этой мгновенной трагедией, мальчик некоторое время не мог двинуться с места. А набережная тем временем бурлила в какой-то хаотической неразберихе.

Сжав зубы, Геннадий вскочил на ноги.

— Где Буги? Схвачен? Где мадам? — спросил он Рикко Силлу.

— Буги? Мадам? — растерянно переспросил Силла. — А черт их знает, где они. Куда-то ушли.

Простодушные эмпирейцы и не подумали задержать преступников. Они вообще не привыкли кого-то задерживать, хватать, преследовать.

Из толпы вынырнула и подбежала к Геннадию Доллис. Она была в купальном костюме, мокрая, задыхающаяся, с расширенными до невозможности глазами.

— Геннадий, быстрее... За мной гонится Латтифудо... я проплыла через тоннель... Они, мать и Буги, удрали катером на Карбункл... Я все узнала, они хотят взорвать наш вулкан, вызвать извержение, чтобы началась паника. Они приготовили это давно, на крайний случай. Кабель проложен по дну пролива, в кратере тротил...

В этот момент к мальчику наконец пробрались бабушка и Наташа.

— Геннадий, дорогой! — вскричала Мария Спиридоновна, заключая внука в могучие объятия. Каково же было ее удивление, когда внук ускользнул из ее рук.

— Извини, бабуля, мне нужно бежать.

Краем глаза Геннадий заметил, что Доллис и Наташа с удивлением смотрят друг на друга. Доллис в купальнике каза-

лась почти зеркальной копией Наташи, одетой в спортивное трико, и наоборот.

Слома голову Геннадий бросился к бухте. Сильно оттолкнувшись от стенки, он прыгнул в воду и поплыл стремительным кролем.

Вскоре он почувствовал, что за ним плывет кто-то еще. Он оглянулся и увидел Доллис.

— Доллис, — крикнул он, — где сейчас Чаби Чаккерс?

— Я не Доллис! Я Наташа! — последовал ответ. — Ту девочку схватил какой-то безобразный толстяк.

— Только тебя тут не хватало, Наташка! — рассердился Гена. — Поворачивай назад! Чаби! Чаби! О-о-о-н-н-н-э-э-э-у!

Дельфин вынырнул из глубины в воротах порта.

— Забирайтесь! — крикнул он. — Держитесь крепче!

— Чаби, видишь впереди пенный бурун? Нужно догнать этот катер! — прокричал Геннадий.

— Вас понял! Попробую!

Чаби достиг берега Карбункла в тот момент, когда Накамура-Бранчковска, подобрав королевское платье, и Ричард Буги с развевающимися фалдами фрака карабка-

лись по крутой тропинке вверх. Геннадий и Наташа устремились за ними.

Сквозь колючие заросли, по дорожкам парка, по мягкому мху и песку мальчик и девочка выскочили на холмистое плоскогорье, над которым возвышалась старинная башня — место первого заточения Геннадия. Между деревьев мелькало королевское платье и дирижерский фрак. Мадам и Буги бежали к башне. Вскоре они исчезли из виду.

— Стой, Наташка! — скомандовал Геннадий, когда они оказались у подножия мрачного сооружения.

Наташа расширенными от изумления глазами смотрела, как Гена Стратофонтов, этот ничем особенно-то не примечательный ее одноклассник, деловито отваливает какой-то валун, вынимает из ямки тяжелый автомат и ставит его на боевой взвод.

— Ты со мной не пойдешь, — сказал Гена, — это опасно.

— Я от тебя не отстану! — сердито сказала Наташа. — Чем я хуже этой твоей Доллис?

— Времени нет спорить! Пошли!

Они осторожно обогнули башню и увидели, что входная дверь не заперта. Генна-

дий шагнул первым и чуть не вскрикнул: нога его повисла в воздухе, пола в башне не было.

Геннадий понял, что каменный пол башни опускается и поднимается наподобие лифта. Он осмотрелся и увидел, что одна из щелей между камнями кладки шире других. Просунув в эту щель палец, он нащупал две кнопки и нажал верхнюю. Послышался тихий гул — из тьмы колодца поднялся пол. Мальчик и девочка вбежали в башню. Нажатие нижней кнопки — и пол пошел вниз.

Он остановился перед входом в длинный, слабо освещенный тоннель. Геннадий и Наташа ринулись вперед.

— Генка, скажи хотя бы, куда мы бежим? — спросила Наташа.

— Они хотят взорвать кратер вулкана и уничтожить город! — ответил на бегу Геннадий.

Тоннель резко повернул вправо, и впереди метрах в пятидесяти они увидели две мужские фигуры. Одного из мужчин Геннадий сразу узнал — это был Грумло, тот самый, что чуть не прикончил его в недалеком прошлом.

— Стой! — крикнул Геннадию Грумло. — Стрелять будем!

Геннадий увидел направленные на них карабины. Он остановился.

— Что вам здесь надо? — Охранники медленно приближались, держа пальцы на пусковых крючках.

Геннадий бросился на пол, выстрелил на лету в Грумло, а вторым выстрелом, уже с пола, сразил его напарника.

Перепрыгнув через неподвижные тела, мальчик и девочка бросились вперед. Еще один поворот, еще, еще, и вдруг перед ними открылась картина немыслимой красоты. За распахнутой стальной дверью был большой зал с огромной стеклянной стеной, и за этой стеной ветвились кораллы, колыхались стебли подводных растений, проплывали стайки рыб. Вот повис на своих крыльях, выпучив маленькие глазки, желтобрюхий скат. Из расселины показались щупальца осьминога.

Наташа и Геннадий, ошеломленные, стояли на пороге этого подводного зала. В зеленоватых сумерках, в фантастической игре света и тени они не сразу заметили тех, за кем гнались. Те, в свою очередь, тоже не видели их.

Несостоявшаяся королева Больших Эмпиреев и Карбункла и незадачливый основатель династии Буги-Вуги сидели в

креслах перед каким-то сложным пультом и устало курили.

— Ты меня не бросишь, Дик, не предашь? — хриплым голосом спросила Накамура-Бранчовска. — Учти, у меня еще остались зубы.

— Включай, дарлинг! Устрой им фейерверк к празднику! — усмехнулся Буги.

— Включаю первый заряд! — резко сказала мадам и повернула какой-то рубильник.

В следующую минуту Геннадий длинной очередью из автомата превратил пульт в дымящуюся искореженную кучу металла.

Мальчик и девочка вбежали в зал.

— Руки вверх, преступники! — крикнул Геннадий.

Подняв руки над головой, с искаженными от страха и ненависти лицами мадам и Буги медленно отступали к дверям.

— Опять это ты, дьяволенок, русский гаденыш, — шипел Буги.

— А это ты, моя доченька, ты, мое сокровище, — проговорила мадам, гипнотизируя Наташу огромными страшными глазами. — Ты тоже с ним заодно... Ну так получай же! — она вдруг дико вскрикнула, закинула правую руку за спину и резко выбросила ее вперед.

В воздухе просвистел аргентинский пружинный нож. Геннадий едва успел вскинуть руку перед Наташиным лицом.

Нож пробил ему ладонь.

Буги бросился вперед, как бешеный зверь, но, наткнувшись на пулю, упал лицом вперед. Мадам скользнула в коридор.

Тяжелая бронированная дверь захлопнулась за ней.

— Гена, Геночка... — плакала Наташа, пытаясь вытащить нож из ладони мальчика. Вскоре ей это удалось. Хлынула кровь.

— Разорви мою рубашку и затампонируй рану, — сказал Геннадий. — Сейчас главное — придумать, как выбраться отсюда...

— Сейчас нам всем будет конец, — вдруг прохрипел Буги.

— А вы еще живы, император? — усмехнулся Геннадий. — Почему же нам всем конец?

— Сейчас увидишь, — странным тоном сказал Буги и приподнялся на локтях.

Он смотрел прямо на стеклянную стену, отделяющую зал от дна океана.

Минуту спустя стена стала медленно подниматься.

Вода хлынула в зал и сразу поднялась до колен. Буги жутко захохотал:

— У этой бабы все здесь предусмотре-

но. Так что, Джин, пиши пропало... Глубина семьдесят пять метров... Ты меня победил, но и сам пойдешь акулам в зубы. Встретимся в аду — разберемся. Или ты рассчитываешь попасть в рай?

Вода, бурно клокоча, вливалась в зал. Вот она уже поднялась до груди...

— Никакого ада и рая нет! — крикнул Геннадий. — Всё это бредни!

Раскинув руки и ноги, Ричард Буги лежал в воде на спине и продолжал дико хохотать.

— Нету — и не надо! Нету — и тем лучше!

Ясно было, что он окончательно спятил.

— Кажется, мы погибаем, Наташа, — шепнул Геннадий.

— Кажется, да, — ответила девочка.

Геннадий был поражен ее спокойствием. Наташа только закусила губы, чтобы не закричать от ужаса.

— Плыви за мной! — отчаянно крикнул Геннадий и поднырнул под стеклянную стену.

Они успели проплыть через заросли кораллов. Теперь под ними была бездонная черная бездна, а наверху, очень высоко, безнадежно высоко, разливалось солнечное сияние.

Геннадий обернулся и увидел стройную фигурку девочки, отчаянно рвущуюся вверх.

— Ооооуууиинеееу! — позвал Геннадий, и все закружилось перед ним в немыслимом последнем хороводе.

Страшная тяжесть со всех сторон сдавила тело. Последнее, что он увидел, было раздутое пунцовое чудовище с огромными трагическими глазами, поднимающееся из глубины.

«Рыба намадзу, — вспомнил мальчик. — Она предвещает землетрясение...»

После этого он потерял сознание.

Доктор геологических наук Вертопрахов сиял от редкого счастья, выпавшего на его долю. Он стоял, обняв за плечи левой рукой дочь свою Наташу, а правой — ее зеркальную копию Доллис. Многочисленные корреспонденты эмпирейских газет окружали красивую троицу, красивую потому, что ученый тоже не был лишен своеобразной мужской красоты.

— Да, господа, Доллис — моя дочь и ее настоящее имя Даша, то есть Дарья, Даша и Наташа — близнецы, родившиеся в Ленинграде с интервалом в четыре минуты. Неопровержимым доказательством явля-

ются своеобразные родинки, похожие на маленьких бабочек, расположенные у Даши под правым, а у Наташи под левым ухом. В этом легко убедиться, откинув соответствующие пряди.

Девочки охотно откинули соответствующие пряди и показали изумленным корреспондентам совершенно одинаковые родинки.

— Типичные однояйцевые близнецы, — прошептал биолог Верестищев.

— А дело было так, — продолжал Вертопрахов. — В середине пятидесятих годов мы с моей женой, крупным теоретиком и практиком, возглавили геологическую экспедицию в дружественной нейтральной Бирме. Мы объяснялись с инженерами-бирманцами по-французски, и поэтому местное население принимало нас за французов. Наши малютки были с нами, и представьте себе, господа, тропики ничуть не вредили их развитию. Целыми днями крошки играли среди бурной бирманской растительности, забавляясь с мангустами, желтопузиками, шакалями.

Однажды из джунглей выскочил бешеный слон с несколькими безумцами на спине. Злоумышленники пытались разрушить наш лагерь, но получили достойный отпор и скрылись...

Увы, вместе с ними исчезла в джунглях одна из наших дочек... Пропала Даша... — сказал он неуверенно и, помолчав, добавил: — А может быть, Наташа... — Он смущенно хихикнул.

— Как, лапка? — воскликнула изумленная Наташа. — Значит, может быть, это я пропала?

— А я, может быть, осталась? — вскричала Доллис-Даша.

— Да-да, вполне возможно... — пробормотал ученый муж.

— А как же родинки? — спросил один из журналистов.

— Дело в том, что мы с женой все время путали, у кого из дочерей под каким ухом... — Вертопрахов мучительно покраснел. — Геология, господа, в то время поглощала все наши мысли. Сейчас, конечно, другое дело... Наташенька, Дашенька, доченьки мои! Мама будет очень удивлена, увидев вас вместе.

— Вы не будете обижаться, если я опишу этот любопытный случай в новой поэме? — спросил огромный поэт Горошкин.

— Будьте любезны, опишите. Буду вам даже признателен, если опишете.

«Внимание! — сказала радио. — Объявляется посадка на самолет компании «Кас-

сиопея», выполняющий рейс Оук-порт — Зурбаган».

Да, дорогой читатель, интервью это происходило на аэродроме. Дряхленький «Дуглас-Дакота» уже гостеприимно распахнул перед пассажирами свою ненадежную дверь. Значительная группа наших героев должна была улететь на нем в Зурбаган, чтобы там пересесть на какой-нибудь реактивный лайнер.

Читатель, конечно, уже догадался, что Геннадий и Наташа были спасены глубоководной полумифической рыбой намадзу. Именно она — случайно или сознательно — вынесла два тела на поверхность, где они были подхвачены верным и неутомимым Чаби Чаккерсом.

Сейчас пришла пора прощаться. Весь Оук-порт собрался на аэродроме, чтобы проводить на родину своего нового героя Джина де Эдуардас Страттофудо, его бабушку Марию и других членов общества «Альбатрос».

— Ну, Геннадий, — говорили, заключив мальчика в объятия, президент Токтомуран Джечкин, сенатор Нуфнути Куче и лучший легопер вселенной Рикко Силла. — Мы не говорим тебе «прощай», мы говорим «до свидания». Ты и твои товарищи многому

нас научили. Мы теперь не будем так простодушны, мы будем бдительны, мы будем отстаивать свою независимость.

— Друзья мои, держите порох сухим, — посоветовал на прощание мальчик, с трудом сдерживая слезы.

— До скорой встречи в Питере, Гена, — сказал капитан Рикошетников. — Мы еще с вами поплаваем, дружище.

«Алеша Попович» после бандитского нападения должен был стать на малый ремонт в Оук-порте, и поэтому Геннадий был вынужден избрать воздушный путь, чтобы не опоздать к началу учебного года.

— Если бы не учеба, Николай, вы понимаете, я бы никогда... — пробормотал Геннадий, опять же пытаясь сдержать слезы. — Шесть футов под килем, Николай!

— На «Поповиче» будет пусто без вас, Геннадий, — пробасил Шлиер-Довейко. — Скорее кончайте образование, будь оно неладно, и идите к нам.

— Привет городу-герою и вашей пионерской организации, — дрогнувшим голосом сказал Хрящиков.

— Пока, Генок, — шлепнул его по спине ладошкой Володя Телескопов. — В гости приеду, не выгонишь?

— Геннадий, помните, ваша будущность

в науке, — сказал гидробиолог Верестищев, — а гидробиология — это наука будущего.

— Поцелуйте моего Чаби, — шепнул ему Геннадий.

И вот старенькая «Дакота», отчаянно тарахтя, поднялась в закатное небо и взялась описывать прощальный круг над Оук-портом.

Припав к окну, Геннадий, уже не скрывая слез, смотрел на черепичные крыши, на блестящие мраморные мостовые, на многочисленные памятники, среди которых выделялся памятник его предку, на прозрачные до самого дна бухты воды, на «Алешу Поповича», на все, что стало ему таким близким и родным.

Самолет начал набирать высоту, и в поле зрения всплыл эмпирейский вулкан, над которым теперь, после взрыва (к счастью, только одного), как в былые незапамятные времена, колыхался султан розового дыма.

Самолет лег на курс... Показались мрачные базальтовые отвесы острова Карбункл.

— Смотрите! — вдруг в ужасе закричала Доллис-Даша. — Смотрите, это она!

Со стороны острова Карбункл к «Дакото»

те» стремительно приближался остроносый реактивный истребитель.

— Она вылетела прямо из той скалы! — крикнула Доллис. — Это мадам, она сейчас будет стрелять!

Накамура-Бранчковска не торопилась сбивать беззащитную «Дакоту». Некоторое время она летела вровень с ней в опасной близости, так что было даже видно ее бледное лицо и мстительно улыбающиеся пунцовые губы. Потом истребитель свечкой ушел в зенит.

«Сейчас будет заходить на атаку», — догадалась Мария Спиридоновна. Она вскочила и бросилась в пилотскую рубку. Оттолкнув растерявшегося парнишку-пилота, бабушка села к штурвалу.

Первая очередь из крупнокалиберного пулемета пробила фюзеляж и крылья, но не причинила никому вреда.

Бабушка резко бросила самолет вниз и пошла над самой водой, то и дело меняя курс.

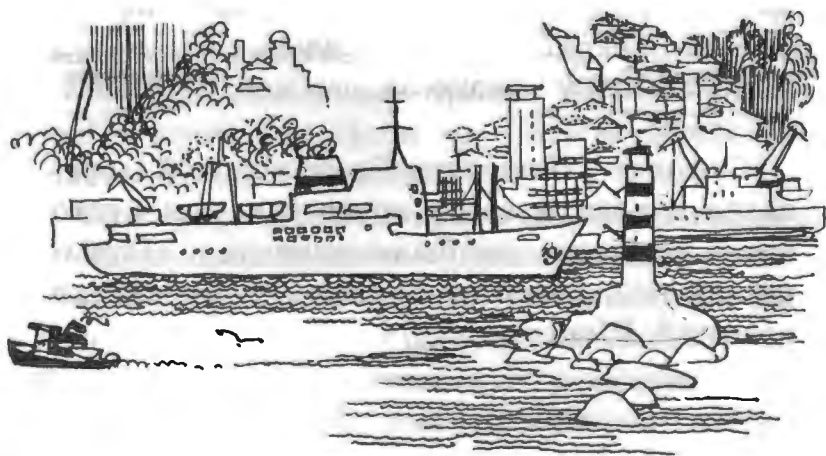
Был, был у бабушки некоторый опыт в таких делах. Не раз ей приходилось во время войны с растраченным боезапасом увиливать от «мессершмиттов».

Теряя голову от сатанинской ненависти, бросилась Накамура-Бранчковска в атаку

на ползущий над гребешками волн неуловимый тихоход. Вторая атака... третья... «Дуглас» вдруг, резко задрав нос, устремился вверх.

Самолет Накамура-Бранчковской врезадся в воду и сразу исчез так, как будто его и не было... не было никогда... «Пузырь земли... пузыри земли», — как сказал великий Шекспир.

ЭПИЛОГ

Солнце уже встало над скалой Хамелеон, когда Геннадий и бабушка кончили свой рассказ. Мы спустились с террасы и пошли к морю. Бабушка тут же бросилась в воду, а мы с Геннадием сели на еще холодную гальку.

— Геннадий, — сказал я, — в классических приключенческих романах полагается в эпилогах рассказывать о судьбе героев.

— Ну что ж, — проговорил мальчик, — давайте не будем отступать от традиции. «Алеша Попович» сейчас в Атлантике. Ис-

следует Маррокотову бездну. Там все в порядке. Правда, один член экипажа оставил море, остепенился и живет теперь в нашей квартире на улице Рубинштейна. Я думаю, вы догадываетесь, что это Пуша Шуткин.

Доллис и Наташа прекрасно поладили друг с другом, хотя до сих пор не могут разобраться, кого из них унес бешеный слон, а кто остался с родителями. Мы часто навещаем сестер с моим товарищем Валентином Брюквинным. Ну вот, пожалуй, и все. Да, генеральный консул Старжен Фиц оставил дипломатическое поприще и устроился шеф-поваром в «Луч» — столовую ресторанного типа.

Геннадий замолчал. Сощурившись, он смотрел в слепящий блеск моря. Там выпрыгнула из воды стайка дельфинов, один большой, второй поменьше и четверо совсем маленьких. Еще несколько лет назад дельфинов в Черном море нельзя было увидеть. После запрещения охоты они стали возвращаться к нашим берегам.

— А почему вы ничего не говорите об эмпирейцах, Геннадий? О сенаторах и легоперах?

Брови мальчика сошлись на переносице.

— Сведения, поступающие оттуда очень противоречивы...

Я вспомнил, как он глядел вчера вечером в море, и осторожно спросил:

— Вас тянет туда, Гена? Да?

Он быстро взглянул на меня, в глазах его вспыхнули далекие маячки, потом он снова повернулся к морю.

— Видите ли, Василий Павлович, мне кажется, что там снова беспокойно. Хищники так просто не откажутся от такого лакомого кусочка. Мне кажется, что над архипелагом снова собираются тучи. Конечно, эмпирейцы уже не те, но мне все-таки страшно за них...

Он положил подбородок на колени и снова уставился в море. Некоторое время мы молчали. Я все еще не мог прийти в себя от всего услышанного за ночь. Со смешанным чувством уважения, восхищения и даже некоторой робости я смотрел на этого внешне такого обычного мальчика. Он был печален.

— Да! — воскликнул я. — А что же случилось с Чаби Чаккерсом?

— Чаби? — Лицо Геннадия осветилось широкой улыбкой. — Чаби женился. У него теперь большая семья. Собирается сюда, в Коктебельскую бухту, повидать меня.

— Не они ли это там прыгают? — спросил я.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог5

Глава I, из которой доносятся до нас звуки раннего детства Геннадия Стратофонтова и скрежет учительских ручек, выводивших в его дневнике многочисленные пятерки11

Глава II, в которой слышится рев шторма, безобразно хлюпает сваренный накануне борщ, а в конце под пение скрипки булькает суп из каракатицы36

<i>Глава III</i> , в которой слышится пение кота и тьяканье «Ржавой акулы»	67
<i>Глава IV</i> , в которой слышится нерв- ный смех, слетают слезы благодар- ности, а в конце звучит бравурная музыка	84
<i>Глава V</i> , в которой слышатся приглу- шенные столетиями и тысячелетия- ми крики ярости, победные вопли, лязг оружия, предсмертные крики, слезы ревности и шепот любви.....	101
<i>Глава VI</i> , в которой веселые голоса пе- ремежаются злобными выкриками, трещат мотоциклы и невнятно буб- нит «резинщик»	121
<i>Глава VII</i> , из которой доносятся до нас стук теннисного мяча и страш- ный хруст, с которым мощные че- люсти разгрызают клешни омара....	139
<i>Глава VIII</i> , которая на своем убеди- тельном примере показывает, что голоса логики и разума порой мо- гут потонуть в неистовом шуме сби- той с толку толпы.....	172

<i>Глава IX</i> , в которой впервые, как средство связи, появляется ультразвук, вновь слышится пение кота и музыка ночного Оук-порта	184
<i>Глава X</i> , в которой на земле и в воздухе ревут моторы системы «роллс-ройс», звучат дифирамбы и клятвы в верности	207
<i>Глава XI</i> , в которой слышится «Песня авантюристки» и звучат голоса умалишенных	233
<i>Глава XII</i> , в которой снова рокочут авиационные моторы и гремит автоматическое оружие	265
<i>Глава XIII</i> , большинство участников которой устраивает страшный шум, но некоторые разговаривают вполголоса	275
<i>Глава XIV</i> , в которой над кашлем, хлюпаньем и хрустом коленных суставов преобладает мощный голос Марии Спиридоновны, а также звучат стихи огромного поэта	291

Глава XV, и последняя, в которой смешались все звуки.....304

Эпилог342

Серия «Внеклассное чтение»

Для среднего школьного возраста

Василий Павлович Аксенов

МОЙ ДЕДУШКА — ПАМЯТНИК

Приключенческий роман

Художник Г. Мазурин

Редактор *Т. Тумурова*. Художественный редактор *Н. Федорова*

Технический редактор *Т. Тимошина*. Корректор *И. Мокина*

Компьютерная верстка *Н. Жиркова*

ООО «Издательство Астрель»

129085, г. Москва, проезд *Ольминского*, 3а

ООО «Издательство АСТ»

170000, Россия, г. Тверь, пр-т *Чайковского*, д. 27/32

Наши электронные адреса: www.ast.ru

E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в Открытом акционерном обществе «Ордена Октябрьской
Революции, Ордена Трудового Красного Знамени
«Первая Образцовая типография».

115054, Москва, Валовая, 28

**НФ «Пушкинская библиотека»,
Издательство «АСТ», Издательство «Астрель»**

ПРЕДСТАВЛЯЮТ:

**Лучшую детскую серию
ВНЕКЛАССНОЕ ЧТЕНИЕ,**

которая задумана и составлена для детей разных возрастов. В неё вошло всё лучшее, что было создано в мировой литературе для детей: произведения Э. Успенского, Г. Остера, П. Трэверс, В. Драгунского, В. Каверина, Ю. Коваля, К. Булычёва, Л. Кэрролла, А. и Б. Стругацких, М. Булгакова, Р. Киплинга, А. Конана Дойла, Дж. Толкина, С. Лема, Дж. Сэлинджера и других. Цель серии — дать современному ребёнку представление о мировой и отечественной литературе, отобрав наиболее интересные и доступные для по-

нимания книги, помочь юному читателю вырасти духовно, найти в жизни нравственные ориентиры.

В серии представлены книги разнообразных жанров — приключения, фантастика, сказочные повести, произ-

ведения о первой любви, о природе и животных, исторические повести. Но все они относятся к литературе воспитания чувств, героя которой заняты нравственными исканиями.

**СМОТРИТЕ НА БОЛЬШОМ
ЭКРАНЕ**
приключения
Герои Стратофонтова
кинокомпания Кино Домини
представляет

**МОЙ
ДЕДУШКА-
ПАМЯТНИК**

ФИЛЬМ ПО КНИГЕ

Василия Аксенова

**в кинотеатрах
в 2007 году**

ISBN 5-17-038516-1

МАГАЗИН "МОСКВА"

5-17-038516-1 403-205-003 260

Аксенов. Мой дедушка-памятник.

2236263

134.00

4 4 4 4 4 4